

альманах

История. Культура. Литература

Выходит с 1995 года

Шестой выпуск, 1995 год

Издание Новгородского государственного университета
имени ЯРОСЛАВА МУДРОГО

СОДЕРЖАНИЕ:

стр.

ТАМАРА СИГАЛОВА - Дорогие мои...	2
ВЛАДИМИР СОРОКА - «Мы создаем университет классического типа».	3
ВЛАДИМИР ГРЕБЕННИКОВ - Письмо Виктору Астафьеву.	6
МАРИНА БУРЬЯК - Когда судьба нарождается.	11
НАТАЛЬЯ ПОПОВА - Когда солнце играет.	16
ВЛАДИМИР ПОВЕТКИН - О храбром Девгении - кириллицей обереженный сказ.	18
ВЛАДИМИР ВАРНАЕВ - Александр Невский. Князь. Человек.	20
ВЛАДИМИР ГОРМИН - Дикта, Ноябрьрин и Коммунара. Анна и Фотий.	22
НАТАЛЬЯ МОРЫЛЕВА - Книжные россыпи России.	24
ЛЮДМИЛА ДОГУЗОВА - За семью печалями.	26
ВЛАДИМИР ТОПОРОВ - Стихи.	28
ИГОРЬ ТАЯНОВСКИЙ - Стихи.	30
СТАНИСЛАВ ДЕСЯТСКОВ - Жизнь званская.	32
ЛЕОНИД ВОРОБЬЕВ - Земной закон.	36
АНДРЕЙ БЕЛЫЙ - Кусть.	38
СЕРГЕЙ ИСАЕВ - Сознанию незнаемая мощь.	45
ЛЮДМИЛА МОСКВИНА - «...Я часть Руси».	49
ЛЮДМИЛА ГЕРАСИМОВА - Из тупиков язычества.	51
ИННА КУЗНЕЦОВА - «...Биение всебытия».	53
ТАТЬЯНА ЗОЗУЛЕНКО - Магия творчества.	57
ЭДУАРД РАНЕНКО - Тот самый миг...	59
САША ЯКУШЕВ - Картины.	61
ЛАРИСА ПРОХОРОВА - Свои, российские...	63
ОЛЬГА МИСНИК - «Ах, Франция! Нет в мире лучше края».	64
ВАЛЕРИЯ КЛЕБАНОВА - Дунька в Европе.	65
ИННА КУЗНЕЦОВА - Окно в мир.	69
НИКОЛАЙ ЕВЛАМПИЕВ - Все для заказчика.	71

ДОРОГИЕ МОИ...

В Новгороде цветут липы. Медовый запах сводит с ума, а зависть к пчелам, смеющимся прикоснуться к этому цветущему волшебству, - над всеми другими чувствами.

Но нет, нельзя, нельзя - остановиться необходимо, по-ясно поклонившись этим липам, их священному благоуханию. Еще не высохли слезы от вандализма в Буденновске - и щемит сердце от беды, обрушившейся на наших мальчишек, которым заклеенные «Афганом» правители вновь устроили ничем не оправданную бойню.

Гречанка Параскева и я в этом году родили сыновей. Мой Евгений и ее Спирос встретились в Первом Санкт-Петербургском медицинском институте имени Павлова. Мальчишки дружили все в лет, и вот они - врачи. Я, ни слова не понимающая по-гречески, и Параскева, знающая только «спасибо» и «общага», встретились на выпускном вечере, как давние подруги. Удивительно, я понимала ее, а она меня - ведь мы говорили о детях, сыновьях своих. Все матери мира одинаковы, всем нам нужно только одно: спокойствие, мир, счастье детей наших.

Но кто же мы сейчас? Потерявшие ориентировку, зомбированные, униженные, отчаявшиеся что-то понять в чудовищном водовороте событий, которые одно страшнее другого, безвольно отдающие на страшную смерть своих детей?! Кто мы?

Где, в каких измерениях зависла наша извечная гордость за Отечество, наше хлебосольное, «душа на распахку», гостеприимство? Да и чем встретишь дорогого гостя, чем приветишь его? Яркой, напояющей импортной банкой с содержимым непонятного вкуса и сомнительного качества? Что нальешь в бабушкины «настолище» рюмки? Зелье с непонятным названием в попугайной бутылке?

Россияне, известно доверчивые, как дети, тысячу раз обманутые правителями, многократно ограбленные ими же, оставленные на полусломанном острове разрушенного государства, - живут. Даже изредка рожают детей, даже мечтают, и изобретают себе радости, которые под силу только им. Вот уж - истинно негибимые. Такова сила жиз-

ни - травинка хрупкая прет через толщу асфальта и рушит его неведомой властной волей бытия, кричит своим тонюсеньким существом: Быть!

Идет по городу, нет, плывет нежной утицей прекрасная Марина Бурьяк, и глаза ее, как травинка та заповошенная, - в вечную зелень и в добро, в упругую веру и постижение. А постигла она столько народной мудрости, исхोдив и изъездив деревни новгородчины, что хватит и на тома ее будущих книг, и на диссертацию, и на великолепные зрелища с показом народных обрядов и обычаев.

«Колдует» в мастерской над старинными русскими инструментами удивляющий мир Владимир Поветкин. Владыкой мира назвала его мама, Мария Федоровна, но власть его добрая и мудрая. Он дарит людям добытые археологами из земли древние слова, когда-то прекрасно звучащие инструменты, дарит щедро и бескорыстно забытую мудрость предков.

Он уверен - старинный мотив гуслей, гудков, трещоток, услышанный сейчас, разбудит от дьявольского сглаза. Живая вода творчества Владимира Поветкина дает силы робкой травинке российского воскрешения. Великий ему за это поклон!

Сидит, нахохлившись, у камина, в замечательной, созданной руками друзей и собственными, студии Эдуард Раненко. Не дает воли тоске и горечи. Много лет он, известный мастер документального кино, ведет летопись новгородчины, и всегда его фильмы - успех автора и его откровения. Сегодня же большинство из них - на полке пылятся. Обидно. Но он работает, справедливо полагая, что только работа излечивает, дает силы, укрепляет духовно...

- Я не пойму, за что мне такое счастье дано Богом - мой дом, жена, дети, творчество, - все это моя жизнь...

Владимир Гребенников, мастер-живописец, отец пятерых детей. Его картины - фейерверк красок, его сюжеты - чисты и высокохудожественны. Дом, созданный его руками, - прекрасен. Такого второго - в Новгороде нет. Это дом-сказка.

Кричит его душа, голос дрожит от гнева, когда говорит он о «кремлевских папашах», ведущих Россию к гибели.

Дымит непогашенная сигарета, ложатся на бумагу строчки, рожденные сердцем. Бредет по России мужичок Избушкин, бредет в тоске и непонимании: «Как такое можно нест, а с пенька тем боле». «Долгоногий, красивый и гордый» живет в болотах журавль, который «клюковки собственной крови глотает». Все о себе написал Поэт Игорь Таяновский в строчках:

«Это доля моя - мать и мачеха,

Это Русь - мать и мачеха... Мать...»

63-й археологический сезон открыл в Новгороде академик Валентин Янин. Что принесет он? Какие новые находки предметы быта древних русичей, что подарит нам в этот раз «золотой прииск» Новгорода? Прошел почти год с первой нашей встречи в рабочем кабинете, где ждет хозяина старинный патефон и пластинки с любимыми мелодиями. Ждут друзья, единомышленники, все те, кому дорога наша история, культура.

Он уверен - добытое из земли не будет молчать, чудные слова берестяных грамот заставят вспомнить, кто мы есть. А лик Ярослава Мудрого осветит Россию добром и правдой.

Добро и правда любимы искусствоведом Владимиром Горминым. Достанные им из «сундука» истории памяти документы - заставляя вспомнить, учат мудрости, терпимости. Сокровище - маленькая дочка Наташенька - предмет его забот и любви нежной. Ей - манюне - и ее сверстникам хочет оставить он бесценные материалы прошлых лет, где вся правда, вся боль, вся мудрость.

В Новгороде - привычное лето. Оно дарит липовый аромат, оно, безмятежное, как дитя, не хочет знать тревоги, не ведает боли. Лето прилежало на редакционном подоконнике и манит в свои извечные тайны. Лето 1995 года. Для всех нас - ознобно-тревожное. Пусть оно станет временем надежды...

ТАМАРА СИГАЛОВА

"МЫ СОЗДАЕМ УНИВЕРСИТЕТ КЛАССИЧЕСКОГО ТИПА"

на вопросы Ирины Таяновской
отвечает ректор НовГУ
им. Ярослава Мудрого
**ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВИЧ
СОРОКА**

— Владимир Васильевич, готовы ли к требованиям сегодняшнего университета выпускники нынешней средней школы?

— Если исходить из того, что любой выпускник нашего университета должен, по нашему мнению, быть хорошо образованным, интеллигентным профессионалом, то на базе обычной средней школы достичь этого невозможно; по крайней мере, за то время обучения, которое отводится на подготовку специалиста, то есть — за 5 лет. Поэтому мы нуждены сегодня вводить дополнительное время обучения в университете — 5,5 лет, а в рамках бакалавриата и магистратуры этот период увеличивается для "полного специалиста" и до 6 лет. Из школы мы постепенно должны получать пополнение с образованием, близким к классическому — молодых людей, которые уже владеют в совершенстве или свободно хотя бы одним иностранным языком, знают латынь, историю культуры и религии народов мира, основы естественных наук, и способных к творческой деятельности. Пока этого нет и в ближайшие годы, к сожалению, не будет. Особенно, когда речь идет о выпускниках сельских школ.

— Мы мечтаем об учителях нового типа. Но, чтобы таких учителей получить, необходимы преподаватели нового типа. Есть ли они у нас?

— За исключением отдельных учителей-новаторов, как правило самоучек, а также коллективов некоторых общеобразовательных учебных заведений (лицеев, гимназий), таких преподавателей нет. Поэтому первейшая задача нашего университета как регионального центра образования — подготовка учителя нового типа. Организационно этот вопрос мы решаем через развитие института непрерывного педагогического образования (ИНПО) в структуре университета, которое уже ведется широким фронтом. Это — создание педагогического колледжа среднего педагогического образования на базе теперь уже бывшего новгородского педучилища, развитие научных исследований в области педагогики, психологии и дидактики через научный центр сравнительной педагогики ИНПО, открытие факультета педагогического мастерства в структуре ИНПО, создание комплекса «Гармония» (детский сад-инновационная школа) как учебно-научно-педагогической базы для отработки новых технологий развивающего обучения и практик будущих учителей нового типа и так далее.

— Ваши претензии к образованию — среднему и высшему? Основные проблемы.

— Лучше говорить не о претензиях, а о недостатках и проблемах организации высшего, среднего образования. Если раньше оно было безвариантным, жестко централизованным, то сегодня этого уже нет. Но зато возник новый ограничитель — недостаточное, мягко говоря, бюджетное финансирование. По некоторым оценкам в сопоставимых ценах финанси-

рование, например, высшей школы сегодня сократилось по сравнению с 80-ми годами почти в 10(!) раз. Поэтому многие свободы, данные Правительством вузам, в этих условиях выглядят как проявление наплевательского отношения к высшей школе и образованию населения вообще. Тем не менее, многие (если не большинство) из работников системы образования России, побывавшие за рубежом, любят повторять, что наша система образования не хуже тамошней. Я с достаточным скептицизмом отношусь к таким заявлениям, так как понимаю, что это достигается лишь за счет созданной в России для учителей и преподавателей потоковой системы. Например, посетив в Париже не так давно университет «Сорбонна-8», я был изумлен, узнав, что у них на одного преподавателя приходится 30 студентов (у нас — 8). Но при этом каждый преподаватель официально по расписанию работает со студентами лишь 6-8 часов в неделю (у нас в среднем — около 20). Я не буду здесь говорить подробно о разнице в зарплате (она у нас примерно в 50 раз ниже, чем на Западе). Но вывод ясен — студентам в наших вузах, и вообще учебных заведениях, уделяется профессиональными преподавателями примерно в 10 раз больше времени, чем в западных университетах. В этом и есть ответ на вопрос, почему при нищенском финансировании наши вузы готовят специалистов не хуже, а может быть и лучше, чем вузы Франции и США. Но стоит ли этим гордиться — вот в чем вопрос. Я убежден, что перегруженный, подрабатывающий на многих других работах, не успевающий почитать, отдохнуть и поразмыслить преподаватель нашей системы образования заведомо уступает своим коллегам из развитых стран, а поэтому рано или поздно это обернется (и уже оборачивается) отставанием нашей системы образования от среднего мирового уровня. А за этим будет следовать уже начавшееся отставание и во всех остальных сферах — науке, производстве, экономике, духовности. Нельзя же все время так безжалостно эксплуатировать трудолюбие и энтузиазм нашего народа, как это делали все советские, а теперь первые российские правительства. Особенно

большой риск существует сегодня в сфере образования — если она вдруг надорвется, энтузиазм ее организаторов, педагогов и ученых угаснет, то это обернется большой бедой, потерей для перехода к цивилизованному развитию страны еще одного или нескольких поколений молодежи, новым витком роста криминальности, безответственности и беспорядка в стране. Поэтому экономия на образовании и культуре — самый верный путь к катастрофе.

Что касается среднего образования, то, в отличие от высшего, существенно изменившегося и перестраивавшегося за последние годы, оно замерло в своем концептуальном развитии и явно деградирует.

В условиях, когда хорошие специалисты с высшим образованием (инженеры, врачи, педагоги) ищут любую работу, чтобы прокормить себя и свою семью, аналогичные специалисты со средним образованием просто становятся не нужны. По моему мнению, среднее специальное образование в новых социально-экономических условиях либо должно существенно измениться и закрывать новые области хозяйства, где в специалистах с высшим образованием просто нет надобности, например, в сфере обслуживания (да и там, в основном, требуются квалифицированные и культурные рабочие кадры), либо пойти по пути интеграции с высшей школой, когда среднее образование — лишь ступень к высшему профессиональному образованию. Но для этого опять же надо перестраивать и приводить к уровню требований высшей школы и кадры, и организацию учебного процесса, и материально-техническую базу. Мое личное общение с некоторыми коллективами ССУЗов и ПТУ убеждает в том, что в них господствует консервативная идеология, готовность что-то изменить по форме, но не по содержанию. И когда они говорят: давайте согласуем наши учебные планы, и мы будем сами (на той же базе и теми же кадрами) готовить новых специалистов, то это — утопия и непонимание глубины требуемой перестройки. Поэтому мы были вынуждены искать свой путь в виде создания в структуре университета многопрофильного колледжа со ступенями начального и среднего профессионального образования, интегрированного в учебные планы высшего образования. Тем самым, к сожалению, мы создадим ССУЗам дополнительные проблемы. Может быть, конкуренция со стороны университета подтолкнет их на ускорение поиска реальных путей перестройки и нахождения собственной ниши в сфере образовательных услуг, что тоже положительно скажется на нашей системе профессионального образования.

— Что представляет из себя многопрофильный колледж, входящий в состав университета как часть системы непрерывного профобразования?

— Многопрофильный колледж в структуре нашего университета — это важнейшее звено в системе непрерывного, многоступенчатого профессионального образования. Прием в него осуществляется, в основном, после 9-го класса общеобразовательной школы, что позволяет дать общее образование студентам колледжа, в том числе из сельской местности (им будет предоставляться общежитие, как иногородним студентам университета!), с учетом наших требований к будущему выпускнику университета. В колледж на конкурсной основе (для сельских школ вводится отдельная квота по приему) будет приниматься одаренная, с ранней профессиональной склонностью молодежь, которая должна получить, кроме начальной и средней профессиональной подготовки, углубленную подготовку по иностранным языкам и общей культуре. Тем самым мы предполагаем компенсировать основные недостатки общеобразова-

тельных школ. По окончании колледжа его студенты по горизонтали будут переходить на 2-й или 3-й курсы (в зависимости от специальности) соответствующего факультета и, я надеюсь, в недалеком будущем составят костяк наших лучших студентов и выпускников университета.

— Много ли в Новгороде, в связи с созданием университета, появилось новых преподавателей? Приглашал ли их университет, если да, то откуда? Был ли конкурс?

— В наш университет интенсивно приглашаются как молодые выпускники ведущих университетов России, так и высококвалифицированные кадры (доктора наук, профессора) из, главным образом, бывших республик СССР (Украина, Казахстан и т. д.). Без обновления и омоложения преподавательских кадров, а также без развития собственных научных школ рассчитывать на быстрые изменения и качественное улучшение подготовки наших выпускников не приходится. Сейчас число приглашенных специалистов уже исчисляется десятками. Например, если при создании университета в 1993 году специалистов высшей квалификации (докторов наук, профессоров) у нас было около 30-ти, то сейчас их уже в 2 раза больше. И этот процесс продолжается. Всех приглашенных специалистов мы берем либо сразу конкурсу, либо по контракту (на год) с последующим прохождением по конкурсу.

— Год назад в НовГУ создан медицинский факультет, недавно получивший лицензию на подготовку врачей и медсестер с высшим образованием. Не смущает ли Вас переизбыток медиков, многим из которых уже сейчас грозит безработица? Не опасаетесь ли конкуренции с питевскими медвузами?

— Открытие медицинского факультета было продиктовано не только и не столько необходимостью увеличения подготовки медицинских работников (сегодня, по меркам цивилизованных стран, можно говорить о перепроизводстве в нашей стране и врачей, и инженеров, и учителей...), сколько необходимостью предоставления личности возможности получения качественного медицинского образования не где-то в столичных городах, а у себя в Новгородской области. Это обстоятельство имеет сегодня серьезную экономическую подоплеку: ехать в Москву и учиться там 6 лет далеко не всем желающим по карману. Кроме того, судя по статистическим данным, Новгородская область по заболеваемости и продолжительности жизни уже давно должна была быть объявлена зоной бедствия. И без развития собственной академической медицинской науки — без собственного медицинского факультета университета — эта проблема не может быть решена. Причем, создание медфака — лишь первый этап на этом пути. Далее будут создаваться (и уже создаются) научные медицинские центры и клиники, подкрепляемые ростом научных исследований и квалификации кадров. Уже сейчас на медфаке работает около 10-ти профессоров и 20 доцентов, а еще год назад во всей Новгородской области не было ни одного профессора.

И, наконец, мы создаем университет классического типа, в котором должны интегрироваться все области научных знаний, в том числе и о человеке. И в этом — одно из главных наших достижений и отличий от отраслевых медицинских вузов. Медицинское образование и наука в структуре университета опирается на достижения всех других наук, сконцентрированных на других факультетах университета. Тогда как даже самый сильный чисто медицинский вуз не может иметь таких возможностей, так как «варит» в собственном соку. Поэтому Минздрав РФ

правильно усмотрел в создании медицинских факультетов в ряде университетов страны (в том числе в Московском, С.-Петербургском и пр.) сильную конкуренцию для собственных медицинских вузов и ставит палки в колеса их лицензированию. Но мы раньше других университетов заставили Минздрав РФ признать наше право на лицензирование и, в некотором смысле, открыли новую эпоху в медицинском образовании — эпоху интеграции медицины (как это было и раньше) в университеты. Поэтому мы не только не боимся конкуренции с питерскими медвузами, а наоборот, есть все основания полагать, что уже в ближайшие годы они испытают серьезную конкуренцию со стороны нашего университета в Северо-Западном регионе России.

Что касается переизбытка медиков (то же можно сказать и об инженерах, педагогах и прочих специалистах), то в организации медицинского обслуживания начнется глубокие перемены, в результате которых начнется и уже начался процесс сокращения соответствующих рабочих мест. Плохо это или хорошо — покажет время. Но ясно только, что этот процесс пройдет прежде всего по специалистам пенсионного возраста, а также положит конец сложившейся традиции, когда врач работает, как минимум, на 1,5 ставках, препятствуя притоку молодых кадров, а может быть, закрывая таким образом существовавшую фактическую нехватку квалифицированных медицинских кадров. К тому времени, когда мы выпустим из университета первых своих врачей, этот переходный процесс закончится, и по нашим оценкам, какого-то серьезного перепроизводства медицинских работников мы не создадим. Кроме того, следует учитывать и то, что мы будем готовить специалистов (врачей, инженеров, педагогов) нового типа, без которых рынок труда не сможет обойтись. И наконец, многие наши выпускники (особенно выпускницы), получив образование семейного врача или учителя начальных классов, смогут прекрасно реализовать себя как домохозяйки и воспитатели своих собственных детей. А это — тоже работа, и еще какая! Просто ее социальную значимость в бывшем советском обществе власти игнорировали.

— Университетом опекается Новгородский областной педагогический лицей. Плюсы и минусы сотрудничества.

— Педагогический лицей развивается как элитное общеобразовательное учебное заведение, дает своим питомцам прекрасную подготовку по иностранным языкам, а также по ряду других предметов. Поэтому он является для нашего университета «кузницей» лучшей части студенческого состава, с которой мы давно сотрудничаем и собираемся сотрудничать. Я даже предлагал им интегрироваться в структуру общеобразовательной подготовки студентов многопрофильного колледжа, уровень которой я хотел бы видеть близким к тому, который обеспечивает уже сегодня педагогический лицей. Однако пока они оказались к этому не готовы, считая, что у них нет сегодня серьезных проблем. В этом можно, вообще говоря, посомневаться, так как название лицея и его областной статус не в полной мере отражают их основную деятельность, с чем связаны и некоторые проблемы нашего нынешнего сотрудничества. В частности, открывая прием в наш многопрофильный колледж из сельских школ (после 9-го класса), мы в каком-то смысле становимся конкурентами. Хотя те же вопросы можно было бы решать совместно.

— Как вы относитесь к платному обучению в вузах? Практикует ли его наш университет? Чем это вызвано? Чем оправдано? Чем мешает?

— Платное обучение, как дополнительное и добровольное, наряду с бесплатным (за счет государственного или местного бюджета) — явление известное и распространенное во всем мире. В частности, значительная часть платного обучения в ведущих вузах относится к обучению иностранных студентов. Мы тоже уже второй год ведем платную подготовку иностранных студентов и планируем ее дальнейшее расширение. Это дает нам необходимые для развития международных связей валютные поступления (в сметах госбюджетного финансирования вузов статья «Международное сотрудничество» вообще отсутствует). Наряду с этим мы принимаем по договорам на платное обучение сверх установленного плана приема, финансируемого из госбюджета, всех желающих, не прошедших в вуз по конкурсу, хотя и успешно сдавших вступительные экзамены. В прошлом году плата за год обучения у нас составляла около 1,5 млн. рублей в год, в нынешнем году, я полагаю, будет раза в два больше. Это оправдано тем, что лишь таким способом мы можем реально помочь отдельным молодым людям поступить в университет, даже не прошедшим по конкурсу и не получившим права стать студентом. Понимая, что такая плата очень обременительна, мы разработали Положение, которое предусматривает возможность при определенных условиях (хорошая успеваемость, плохое материальное положение) перевода части таких студентов на места отчисленных студентов, обучавшихся за счет госбюджетного финансирования. Сами понимаете, что если конкурс составляет в среднем (как было в прошлом году) 3 человека на место, то два из трех абитуриентов, сдавших вступительные экзамены, не могут быть приняты в университет. А если кого-то принять, то нужно иметь для его обучения дополнительные средства на дополнительную оплату труда преподавателей и поддержание материальной базы. Единственное, что можно сделать для смягчения этого бремени, ложащегося на родителей такого студента, это — например — максимально сократить размер платы, разнести ее по времени, что мы и делаем.

— Скоро ли окончательно перейдем на платное обучение?

— Этого никогда не будет, а если произойдет, то Правительство и Парламент, допустившие это, будут вынуждены уйти в отставку под давлением общественности.

— Все чаще поговаривают о том, что возрождение России начнется (или начинается) с провинции, а возможно и с Новгорода, который многие уже называют университетским городом. Что в нашем, самом молодом университете России столь прогрессивного? Каков его рейтинг?

— Из предыдущих ответов можно увидеть наши новации: особое внимание к подготовке и переподготовке учителей и педагогов (традиционно классические университеты были ориентированы на подготовку ученых-исследователей, а педагогическое образование и отбор в них были непрестижными); собственная и оригинальная система организации многоступенчатого непрерывного профессионального образования на основе многопрофильного колледжа в структуре университета, возрождение былой традиции существования медицинских факультетов в составе классических университетов, особая и возрастающая роль университета как регионального центра образования, науки и культуры и влияние на все стороны социально-экономических и духовных преобразований в регионе. По состоянию на 31 марта текущего года мы имеем по методике Госкомвуза РФ очень высокий рейтинг среди классических университетов — 15-е место из 46-ти.

Владимир
Гребенников

Письмо Виктору Астафьеву

Д ОРОГОЙ ВИКТОР ПЕТРОВИЧ, ЗДРАВСТВУЙТЕ!

Прочитал в «Новом мире» «Прокляты и убиты» одним заглотом /строю дом, ничего не читал 3 года/, враз опрокинув концентрированную крепость этого писания, прожигающего все нутро как спирт. Да, горькое лекарство правды приготовили Вы для больного народа и умалишенной власти — выпьем ли мы его, привыкшие к сивушной слащавости лжи? Вот ведь от истины Солженицына отказались же! Да и патриоты любых мастей и окрасов не пожалуют, не помилуют Вас, как и его.

Умной, надрывающейся душой, мыслью, удобренной сердцем, здоровым осветленным сознанием сотворялась Вами эта вещь. Всеобзорен Ваш огляд, зорок, зряч — так только и подобает смотреть художнику на святую и злобную громаду жизни, в три ока сразу: и телесным оком, и оком души, и оком сознания.

Виктор Петрович, Вами написана потрясающе мощная книга о том, как проклятая власть проклятой державы в проклятое время убивает своих людей. Теперь в литературе XX-го века две таких книги: «Архипелаг Гулаг» и «Прокляты и убиты».

И кто же думал, что роман, подводящий черту правды под минувшими временами, вдруг вновь разорвется, как бомба, животрепещущей раной свежей и горячей насущности. Мы не просто прокляты, мы прямо-таки сатанински закланы и не на все ли впрок времена?! Дочитывал и додумывал Ваше писание уже под канонаду известий с очередного «плацдарма», на этот раз с кавказского. До чего же нещаден к нам суд Господень! Стыдно и больно, стране-самоубийце не опротивело прокручивать человеческие жизни на прокорм своих державных вождей-паханов. И нынешняя «заславная» чаша опять во имя и славу России, как всегда, кровью самой же Родины вспенена — будь прокляты все эти собутыльники власти, когда же они захлебнутся, кремлеисчадцы! Давно не русское, в четвертом уже поколении «новая общность людей», наше стадо государственное беспрерывно стельно советской нелюдью. И всегда-то в этом темном лесу какой-нибудь беспутный космач ненароком да и взгромоздится на государев пенек власти и кучкой на все готовых поганок узурпирует людское урочище, заразит всю полезную человеческую грибницу червоточиною и источит ее податливую на отраву телесность, ознобит холодом лжи, затиранил, загубит.

Глядя на все, что вытворяется сейчас, как не вспомнить сказанные В ми в «Последнем поклоне» слова о крестьянине, «тихо воняющем в валенок», и о «сопле, так и не брошенной в сторону Кремля» Веками кряж российский питался соками народа, сейчас же Россия держится на волоске — на одиночках, зрячих разумом и душой. Мы являемся очевидцами не просто умирания народного, а какого-то срамного и

смердного погИБалища целой нации.

Р АЗОБРАН ДО ВИНТИКА, разломан человек, перемешано все деталье его, перемешано и расшвырено, чтоб не собрать заново. На такой земле — и так несправедливо, глупо и слепо жить! Человек сегодня, как вещь, затарен в ящик убогого миропонимания своего и — брошен на брезентовую подошву транспортера судьбы. И несет эта адская лента человеческую душу, несет транзитным маршрутом жизни, и не жизни даже, а не-то житухи, не-то безрадостного рабского изыбывания, а точнее — маршрутом серого, нудного, больного и заклятого прозябалища. Туда несет, туда — в отвал бытия. В общую кучу кладбищенского праха! И уносит так тысячи и миллионы — вчера, сегодня, завтра.

И можно, надо было бы пожалеть человека, но кто ж и виноват нам, если так ожесточились, так привыкли видеть в ближнем не брата и друга, а противника и врага. Редко-редко, может быть, что-то людское шевельнется в нас при виде новорожденной жизни, или какую-никакую человеческую слезу все же выдавим при виде покойника, а в промежутке от рождения до смерти уж как пластаем друг друга, как унижаем, как безнаказно обманываем и издеваемся над равными себе. И, как безумные, не в себе ип причины собственного бесчеловечия, а внешнего супостата вынохиваем, чтобы на нем выместить все, все, все. Неужели бедным матерям нашим надо было в муках, теряя свою святую кровь, рожать нас, ухаживать за нами, лечить, кормить, ночи над нами не спать, любить — чтобы потом из чистого, ясного ее дитяти вырос хам, пьяница, распутник, лицедей, лжец — вражина!

И вот мы, такие, — в семье доводимся друг другу внуками, детьми, родителями, мужем и женой, братом и сестрой; улице приводимся — соседом, приятелем, другом, городу — радете-лем, народу своему — соплеменником, государству — гражданином, а родине — служителем. И вот такие мы: жизни — певцы, а смерти — плакальщики! Чему же дивиться: каковы мы сами, такие у нас и семья, и улица-город, такой вот мы народ, такое государство и такая Родина.

Но что же заражать друг друга отчаянием, переведа дух от задышья — не опрокинулось бы сердце, и пусть оно, сколько ему осталось, стучит во здравие, а не за упокой.

ИЗ ВСЕХ НАСУЩНО НЕОБХОДИМЫХ для жизни д подвигов, ныне осмеянных как никчемные, дело искусства едва ли не самое обесмысленное в ряду бесполезных. Да, в заблудном обмороке живет сейчас и искусство, не счесть званых в нем, но мало избранных. Но Вы, вот, Виктор Петрович, слава Богу, стоите по-прежнему, без пошатия, подпорным колом для падающей стены нашей отчей домовины. Черт с ними, кто не верит в искусство, потому что с ними поистине черт. Все избудется, а хлеб, любовь и правда — а это и значит искусство — пребудет вечно. В великой русской литературе сделана Вами еще одна великая книга, сотворена умопомрачительная, убийственная, испепеляющая жуть — «Прокляты и убиты».

Давно уже так сложилось, что для русского художника стало нормой использовать божий дар своего искусства как скребок, которым он счищает коросту омертвевших пластов жизни, злом отравленных до полного бесплодия. Ради этого и создавались ими произведения, а не для любования красотой нетленной только, хотя в учувствовании гармонии русские писатели вовсе не последние среди собратьев

народов иных. По мере того, в каких размерах обнаруживалась художником нравственная порча в самом человеке и в жизни в целом, зрячее искусство до поры пыталось усювестить человеческую душу своим отцовским увещанием. Вот такими увещаниями нерадивости и малодумия народа /правильно назвал Вас Андрей Битов народным писателем/ были все Ваши произведения до «Последнего поклона» включительно. Но люди дичали, а страна летела к чертовой матери и искусство подошло к пределу душевного вразумления, когда просто моральным наказом уже не пронять, не взять отпавших от добра изгоев истины. В насаде сердца и разума художник перестает быть учителем, воспитателем, врачевателем и становится судьей, жестким и неумолимым. И вот, начиная с «Печального детектива» и «Людочки», Ваш роман «Прокляты и убиты» — это истинно судные произведения, в коих кончились уговоры. Да уж сколько зывалось праведными в литературе к нам, неслухам, — остановитесь, одумайтесь, опомнитесь! Тут и самый любящий, терпеливый отец не выдержит и сына-олуха оглоушит! Звереет зло — яритесь и правда!

Мысли о бойне, пережитой Вами в 20 лет, настоялись еще а 70-летнем опыте созревшей и горячей мудрости, на опыте измученного людским безобразием сердца. И хорошо, что эта вещь сотворилась сейчас, а не раньше, она объективно была бы жиже, если бы означилась лишь знанием молодости. Временной разлет книги шире срока событий войны, это едва ли не весь горизонт человеческого бытия. Внимая «Проклятым и убитым» сейчас, в самом истечении двух тысяч лет по Рождеству Христову, невольно качаешь головой — да, такая вот «новая эра» у людей получилась!

Поэтому сильнейшие описания страстей смертных — они, в подтексте своем, уже даже не увещания о человечности в человеке, а прямо-таки какой-то духовный стон, надрыв, взвой, клич, призыв, крик, пропаганда к людям: да будьте же вы все человеками! Только во имя жизни, в предчувствии обальной катастрофы, позволено художнику разрывать душу себе и читателю таким описанием анатомии ужаса.

«Прокляты и убиты» — это правда лютая. Это лишь на поверхности книга о прошлой войне, но бьет она своим кулаком по нашей теперешней морде. И понятно, откуда этот оштенный скрежет духовности в книге — он вызван тем, что Россия, в начале века катапультированная революциями в тар-тарары, и все эти последние после войны полста лет исторгалась из правды, вываливалась из бытия, гнила. В спирали погребального смерча вздыблены — стоймя стоят! — неупокоенные смерти тех, кого положили на том военном гноище. Мы не победили зло, которое ругалось над жизнью, мы уничтожаемся и посейчас тою же обездушенной неумью, своей и державной, от которой мерли и мрут люди на всех коммунистических плацдармах Великих: — от Днепра до Сунжы — рек.

Ужас правды в том, что глотка погубления жизни не была замурована Победой, но изев адского государственного зла все так же ненасытно глотает и глотает человеческий корм без меры, без счета!

В СЮ ЖИЗНЬ МЫ УЧИМСЯ сопряжению мира человека и мира природы. И с помощью еще и Ваших, Виктор Петрович, книг я постигал изначальную взаимозависимость этих двух великих миров-суверенов. Сколько раз думалось: если бы люди уподобились травам,

цветам и деревьям! Мне давно уже блазнится сравнение нас с ними. А ведь схожи мы и с лугом, и с садом, и с лесом. Но там, в отечествах произрастающего Смысла, в этих издревлих государствах листьев, все живые души цветов, былинки, стеблей, веток, стволов и стволиц — все души живут согласуясь и со своими братьями, и с космосом земли, небес и времени: одною порой они зацветают, одною — завязывают плоды, враз утучняются ростом и, к своему общему сроку, румянятся одинаковой степени спелостью, укрывая в темном своем и теплом нутре-закрое заветное зернышко — венец поколения, семя нового зарода жизни. И мудро, и в лад, и ни в чей ущерб. И в тех пенатах так все скомпоновано, что иерархия в соцветном мире никого не подавляет, она признает требы всех характеров равновеликими, соподчиняя отдельные суверенные добровольия ко благу всех и каждого. И не отягощает природное царство разнородность растительных личностей, а умножает рост и силу его пользы и красоты.

Не так в нашем сожительстве: один бедолага до веку мыкает горе, другому до гроба не расхлебать своей сытости, один наперекосяк болен, другой наперекосяк здоров. И когда и куда ни взгляни, всегда и везде — чреватое взрывом разномастье национальных кровей, возраста, опыта, привычек, чувств, характеров, навыков ума, интересов, знаний, воззрений, идей, политических сборищ, религий... И все это вразнотык, вразнобой, вразнолад. Каждая человеческая персона особлива, но особость ее зловеще обособлена ото всех остальных персон Мира Жизни, каждая втиснута в самую себя, не расширена миром и потому ущербна и несчастна. И как результат — в миллионы ног и голов вечно разбрдающееся людское стадо, гурт, табун, судорожная слепая толпа, толпа, толпа. И бешеный накал озверелости, и слабое, угасающее свечение сердечности. Сколько людей — столько же степеней их человеческой спелости. Вот так мы, высокоумные, живем-бываем в сравнении с лишенным разума растительным миром.

Ничто нас не вразумляет. Ох, Виктор Петрович, я не так стар как Вы, но немолоды мы одинаково. И горько, что так малозаметен даже нашему возрасту замедленный прирост правды. Мы подошли к тому критическому минимуму наличной правды в нашем сожительстве, за которым начинается распад и каждого в отдельности, и всех вместе. А по Замыслу в Море Жизни все люди должны были бы произрастать плодами на этом самом древнем — от Адама — дереве правды. Могучая его крепость способна удержать на своих ветвях всю человеческую семью, но ветки его почти голы, червь обмана подъедает сердца, и люди падают в смерть преждевременно, зеленым кислом своей неспелости не годные в удобрение жизни. И чем больше людей нарождается, тем гуще устилает землю опадыш человеческих недозрелостей и, сгнивая, отравляет своими ядами и почву вокруг святого ствола, и воздух его кроны. Потому нарастают кольца правды по окружному прочерку древесного тулова таким мучительным, судорожным зигзагом, от крика лжи изломанным — стиснутыми, впрессованными один в другой слоями, прирождается железная сила подпоры жизни.

Но вот зачем-то же, опять и опять, с каждой весной новоявленного поколения людей на дереве правды зацветают хрупкие лепестки человеческих судеб — зацветают вновь и вновь, до сих пор, несмотря ни на что — освещенные Богоподобием!

И опять — тот же свичный проворот старо-пройденного, но как первопуток: от надежды — к отчаянию, от отчаяния — снова к надежде.

РУБЕЖАМИ ШЕСТИ ДНЕЙ отграничивалось Богом сотворение мира, и сроком тех же дней означено в «Проклятых и убитых» светопреставление живого времени в адову крошечность на плацдарме Великой реки. Эта книга о взрыве истории. А история — это многоголосие плачей и радостей разновидий времени.

В книге клокочет ураганной силы схватка жизни и смерти. И разметываются покровы невидимого, открывая истину как она есть: становится зримее и понятнее сущность, определяющая самую жизнь — сущность времени.

Дикое коммунистическое краснотлице переродило, перекорежило человека со всеми его потрохами, но с истовостью особенной вковыривалось именно в его человеческое сокровение — в органы чувств и мысли. Вот и стали мы на манер скотов — слабовидящими без разума, тугоухи без мысли, слабоумны без сознания. Ухо, природой сотворенное музыкальной раковиной, в глубинах которой плескались звуковые шорохи прошлого, настоящего и грядущего, пропагандистский эзотерический комсостав отформовал в жестянку раструба, узилище которого раздирает крикоговорение команд, лозунгов, призывов, приказов.

Но и ясный свет правды в том еще, что для Бога чужих слез не бывает. Не бывает их и для истинного художника. Вопреки всему, ничье голошение не глохнет в дольном и горнем пространстве истории. И цепким природным слухом Вашего писания улавливаются и оглашаются вновь счастье и страдание — звуки сказные сущности времени. Время — это былина пережитого бытия, а не просвист анекдотов жизни, и не все равно, чем обозначать свершающееся. «Все течет» — это мы усвоили и привыкли, приучили себя к тому, что и время жизни протекает в чем-то неопределенно-порожном и ненадежно подхватывает и нас, живущих, волоча и кувырка человека от даты к дате, как мусорную щепку.

Нет, время — это не толкотня вприплас мелюзги минут, часов и дней, и не стихийное неуклюжее толпление зим и лет. Время — это ипостась Бога, оно могуче, прочно, величаво, торжественно. Наше суетное, штрих-пунктирное бывание пишется дуриком, скорописно чиркнутой скособоленной буковкой. Но Великий Текст Жизни подобает означивать старинною рисованной Буквицей Времени — глубоким, страстным животворением сердечного, умного, светоносного и о-Боженного чувства.

Вся наша судьба, общая и свойская, протягается во времени, а наше житейское было-есть-будет все еще вымеряется негодящей равнодушной статистикой минут, часов, дней, лет. Но поди, измерь людские радость и горе, мысль и безмыслие арифметикой линейки, шкалы или циферблата, если человеческую судьбу так нещадно швыряет и колотит в центрифуге жизни, если человек ввергнут в водоворот двух мощнейших потоков бытия — добра и зла, ввергнут в самое их перекрестие, где чуть не в узел скручивает хребтину его позвоночника, если ристалище души и сознания всполошено энергией двух вселенских прожекторов — то пожарищем черной Тьмы, то кострищем Света белого, то мертвом, то жизнью. И редко, редко чья душа не ослепнет вконец от шока мнущейся гигантской этой светотени.

Нет, время не может быть равнодушно-бессмысленным

протеканием невесть чего, невесть откуда, невесть куда и невесть зачем. Непостижима сложноустроенность жизни, и так же невообразима многосложность вещества времени. Всевеликая явь времени разнovidна и время Материи и Духа — это разные лики единого Образа. Тем же разнообразием отмечены время человека и время Мира Жизни, но составы их сроков слиты воедино так же, как растворены одно в другом тайны времен Духа и Материи.

МНОГОМЕРНЫМ И УНИВЕРСАЛЬНЫМ вылепила природа человека: посредством тела — он величина лично-отдельная, посредством души и сознания — он сущность лично-всеобщая. Разнолика, неоднородна и его временная среда: в нем архитектурно-косно время его телесности, в нем бушует огонь времени сердца, в нем сверкает свет времени мысли. Но и мысль в человеке царует по-разному — ум квартирует в голове, разум проживает еще и в душе и сердце, а сознание парит везде, где захочет. Поэтому воздух времени человека насыщается озоном здешних — близких и дальних — земных полей и энергией тамошнего — небесного — запределья.

Но все, все разновидности времен и сроков бытийствуют целокупно. Время не поток, и ничто в нем не опадает донный осадок — ни вчера, ни сегодня, ни завтра. Время — это таинственно становящаяся живая взвесь сопряженного было-есть-будет. Божественная, священная зыбь, сияющая самородная слитность ныне-присно-во веки веков — вот определение времени. «Пресуществления вечные» — вот его сущность. В духовном, царственном и абсолютном своем выражении время — это /повторю/ ипостась Бога, а время Бога превечно и беспредельно. Сроки же Мира Жизни — они у порога Его времен. И Ему исповедны.

Так мерою какой насущности подобает исчислять эту священную взвесь, в каждую частичку которой вживлены нервные волокна всего миролюдия? Только тою насущностью, в которой зарождена любовь — время отсчитывается ударами человеческого сердца. Каждый удар его — это молекула времени.

Время не протекает, оно пульсирует токами крови, следовательно — токами жизни. Время — это кровь и жизнь, а не цифра и число. Время — это дыхание сердца, а ритм дыхания у всякого человека свой, он не повторяется ни в чьем пульсе. Поэтому время каждого живущего уникально, сколько людей, столько ликов у времени.

Время переживается всею полнотой человека — и его телесностью, и душевностью, и сознанием. И насколько здоров наш телесно-духовный организм, настолько и время в нас живее или мертвее, конечнее или бесконечнее. Оно процветает силою и энергией человека и Мира Жизни, человек и Мир нераздельны, а времена и сроки их взаимопопечительны. Время человека внутри времени природы, а не вне его. Мир — гармония единовременных личностей жизни, и в этом гармоничном единстве никто никому не холоп и не царь, но со-равен исконно. По Библии, Мир Жизни вверен в попечение человеку, но находится под призором Бога. Человек задуман быть широтой в широте, и когда он скукоживается в исключительность своей горделивой самости, ссохшись — он вываливается из Единства и лишается благодати общего достояния, в том числе и временного. Человек без Мира — сирота, и время человеческое без бытия Природы тоже сиротское, оно ужато до обыденного бывания между датами его прихода в жизнь и ухода из нее.

Ознобно, дрожно существование человека, оно постоянно чревато Богом и дьяволом, жизнью и смертью. Время — это свойство жизни и ее условие, а значит оно есть развитие, становление и устремление. Все живое хочет быть, длиться и не хочет исчезнуть, жизнь — благо. И время — это обретение блага, или утрата его.

Томление жизни и времени разрешится тем, что вечное станет все-вечным: отсекутся бесконечности былого и будущего и все, что являлось плотью, душой и духом утвердятся в бесконечности единственного всеширокого есть. И это есть или освятится Светом Добра, или поглотится мороком смертного зла, станет или абсолютным всем, или абсолютным ничем.

КОЕ-КАК НАРОЖДЕННЫЕ, мы сразу из комбината родильни попадаем не в бытие, не в отчий мир и дом, а в безблагодатную «среду обитания». Вызревая возрастом, задуренные воспитанием как поле пестицидами, мы усваиваем, что жизнь есть жестокая борьба за хлеб, за место под солнцем, за идеалы. Ну, а раз она борьба, то надо подобающе подпуживать мышцу, выправить в голове извилины и пользоваться мыслью как вожжой — править жизнь к своим интересам. Ничто в этом потемном мире само по себе не имеет цены, а полезно лишь то, в чем присутствует мое костоломное я и где оно властвует. Тут поработано даже время, оно не бытие, им пользуются как способом и орудием борьбы за существование.

Код этого времени простой, в нем нечего разгадывать: до рождения меня не было — пустота, потом череда суетливых удовольствий и страданий — пустота, и опять пустота — черная могила, гроб и черви. И как следствие этого — грабежная философия «однова живем». Нет прошлого, нет будущего, а настоящее сморщивается до сегодня, до сейчас, до сего момента.

Безрелигиозного человека судьба вышвыривает в жизнь как в тюремную зону, отгороженную от бытия Мира Жизни колючей проволокой срока рождения и срока смерти. У каждого каторжника этой лагерной зоны своя пайка времени. Бессмысленно все в бессветном пространстве безнадёжности — и внутри человека и вокруг него. Здесь правит мистика коммуны: здесь коммунально время — толчея часов и суток, коммунальна жизнь — суетола людских самолюбий, грязни. Здесь общага, здесь коммунальные места рождения и смерти, здесь кладбище — роддом наоборот.

Бескормую дорогой понурый гурт, где дни и месяцы вместе с людьми уперты в затылок один другому, слепо бредет от вчера к сегодня, от сегодня к завтра, от завтра — куда? Здесь нет любви, все несут тяжкую ношу темного, тупого терпения и страха, гасимых вспышками ненависти. Каждому в помрачении души и разума, молодому и старому, его пайка времени кажется меньшей, чем у ближнего и он ярится злом на братву по стойлу, на ту несправедливую начальственную Силу, которая распорядилась этой пайкой не в его пользу.

В юности свою порцию недель и лет эск хлебаешь беспечно, но с годами баланда жизни в миске убывает, вот-вот уже и дно обнажится, а там — грехи в осадке, их горечь жжет нутро, но чем меньше остается хлебова, тем больше хочется есть, тем меньше он насыщается — рад и отраве. От любого несчастья его начинает судорожить, любой окрик болезни приводит эска в отчаяние, расширяя его глазной белок ужасом страха смерти. Помощи ему ждать неоткого, он знает, что все ему

враги, как и он всем, каждый стережет свое жижево и делиться ни с кем не желает. Срок его избывается, пайка выхлебана, добавки в этой безжалостной зоне обреченности не бывает — не за что, не предусмотрена. Сей день — последний? — вот чем вскипает сердце и закупоривает жилу у виска его задыхающегося сознания. К кому кричать? И он в отчаянии: мое человеческое семя — чьим произволом высеяно? Зачем, для чего я так тяжко прорастал сквозь утрамбовку плаца времени? Почему, по какому закону осатанелым людем вытаптывался стебель моей единственной для меня жизни? Зерна моего заморенного, чахлого колоса — на прокорм кому пошли? Какою роковой звездой мы все руководились и чьим же произволом я скончаюсь без следа и памяти, никем — и миром — не опознанный?

Уже вдавленный грудью в проволоку срока бывания, он понимает последним пониманием, что каждый из узников не жизнь проживает в этом мраке безбожия, а копает яму времени, чтобы ссыпаться в ее провальную глубину всею своей распадающейся сутью. Безвременьем был, безвременьем стал, и в том, и в другом — весь без остатка.

ВРЕМЯ, В КОТОРОМ БОГ — СВОБОДНО. Отграниченное сроком время становится неподвижным, мертвым и конечным — оно уже несвободно. Загнать человека в условия временки его земного бывания, отобрав у него врожденное ощущение вечности жизни, это значит отлучить человека от свободы времени, отлучить от Бога. И тогда он — смертен и временщик. И самая мучительная из всех несвобод для человека — это быть закованным в сроки существования. Может быть, главным определением Богоподобия человека является не столько свобода воли, сколько свобода времени. Лишаясь времени, всей его полноты, всей его свободы, человек теряет самую суть своего Богоподобия — в несвободе времени не может быть радости жизни. Когда пространство мира суживается до тела, а бесконечность времени — до срока жизни, тогда благодать отлетает от людей.

Человек навечно укоренен в мир Земли и Неба. Мир пронизан тайной, он обьят неразгаданным смыслом, человек распят на огромности и непостижности бытия. Но в пространственном и временном обиталище Жизни у каждого из нас есть связанная с человеком какая-то духовная укрома, из которой в моменты нашего критического колебания между добрым и недобрым, между человеческим и зверским испускается благой сигнал Света охранной для нас помощи. А в душе и сознании нашем есть приемное устройство — инстинкт самосохранения, — налаженное принимать эту световую весть.

Да как же и не быть этому световому духовному источнику, если мы рождаемся на свет не простейшим организмом, а плотью, в которой Мир, Природа, Дух. И самую неистребимой сутью в себе — силою инстинкта нашей воли быть — разве не предполагается такое духовное средоточие? Ведь к чему-то или кому-то вечный вопль этого инстинкта да обращен? Не сам же на себя он замкнут?

Раз укоренен в нашем телесном и духовном я запрос вечной жизни, значит он должен быть какою-то энергией Природы обеспечен, — Природа умна, все, что является Миром Жизни, целесообразно, эта целесообразность подтвер-

ждается всем достоянием накопленных знаний.

Эти духовные центры сверкающей ясности в мире человека и в Природе бесчисленны и сливаются они в единое световое поле спасительного благотворения ко всему сущему, великому и малому, равною мерой.

А если есть такое световое поле жизни, добра и блага, то должен быть и источник, его питающий.

Какой же очистительной яркости, какого же отградного свечения, сияния, источения сверх-белого должна быть изначально-данная духовная материя всевеликого Того, который и есть тот причинный Светоч, коим прозревается вся необъятная Вселенная! Какова же тогда светоносная сила самого Перво-Светила, если перед Его Ликом воссвечена такая лампада — Солнце!

Свет пресветел и живосен, жизнь изрождена светом и им питается ее величественная извечность. Все могущее процветать развитием, но до поры мертвенное, отзывается только на свет, лишь в тех толщах земли и вод, куда проникает луч света, взволновывается волшебство жизни, но и лишь тот человек воистину дышит, в ком этот свет загорается.

Все образовано светом и все разновидности Мира Жизни произрастают из почвы светового блага. Все, что светло — то красиво, и причина всякой дисгармонии в недостатке света. Любое доброе созидание обращено к световой радости, против света — только тьма, но и она, чтобы проявиться как чернота, нуждается в противостоянии света.

Свет — оживитель материи и духа, светом жизнь возвидняется и Мир обнаруживается его сиянием. Жизнь есть свет, а свет есть Бог, Он — обоснование света и жизни, а свет — это выражение Бога. И истина, которая открывает зрение и видение человека, очеловечивает его душу, размыкает мысль и возводит сознание к идеалу — эта истина тоже светолубива.

ЖИЗНЬ И ЧЕЛОВЕК БЕЗ БОГА — пропавший хаос.

Считай, весь мир с его искусственной, растратной цивилизацией погружается в него. Утопая, мы и природу, в которой Бог, затягиваем вместе с собой в сажную пучину. С исчезновением Мира Жизни закатится и солнце Бога — во чье имя ему светить, в ком воплощаться!

Но нас опять выносит на стремнину ложного верования. Божий свет, льющийся отовсюду, в чем еще осталась живая земля и что дышит высотой неба — этот Свет опять обращаем в безбожественное электричество, в иллюминацию, включаемую на час-другой по нужде церковной обрядовости. После обморока коммунистического атеизма кинулись все скопом «на том свете» жить, а этот, нерукотворенный, по-прежнему в упор не замечаем, заливаем его чернотой, как и встарь.

Нет, вера, из дела выхоленная в действо, бесполезна для людей, Л. Н. Толстой еще вразумлял нас в этом, за что, по русской благодарности, мы записали его в бесы. Такая дырка в нашем духовном теле разверзлась, разве закроешь ее декоративной пробкой обряда. Разве через церковный шланг только — накачаешь чистого воздуха в порожнее нутро человека, природой приспособленного дышать всеми бесчетными своими фибрами! Да и вряд ли нужны Богу пониклые

угодничество и коленопреклоненные служки, мы этим самым Богом превращаем в божка: истинное величие предполагает к себе ответное прямохождение. Нельзя быть рабом в Веру и быть свободным в жизни.

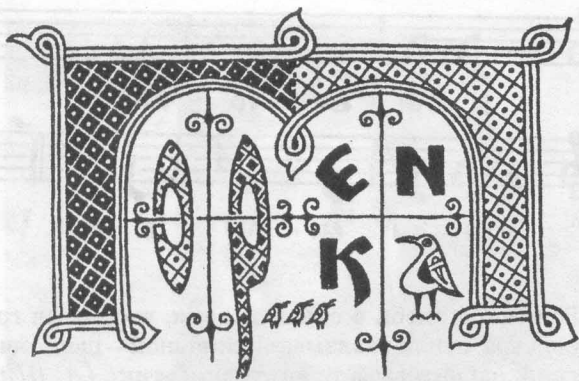
Мы по-старому крутовольны и поперечны истине. И все так же готовы разрушать миропорядок, основанный Богом на нераздельности материи и духа. Только ныне уже под другим знаком — пришибаем материю духом, как недавно побивали дух кирпичом материи. Оголтеты были в безверии, безрассудны теперь и в вере. Нас, русских, все швыряет из крайности в крайность, мы как заколдованы: то превращали святилища в мусор, то исчадия кабаков, казино и госучреждений окрапываем святой водой и кадилом облаговониваем — таким вот манером строилище тутошнее превращаем в царствие небесное.

Если бы для большинства людей вера не была бы только обрядом, то не была бы Россия брошена в советский позор. Но и искренне жаждущие веры вновь загоняют себя в застарелый соблазн, который понине разъедает православие. Это — уничтожение плоти во имя духа. Искривленная вера видит в человеческой телесности зло, которое надо еще жизни на земле унижить, преодолеть духом. Не в этом ... главная причина того, что Русь и Россия часто загоняла сама себя в убожество физических условий быта и жизни, не этим ли порождился извечный русский междоусобный мордобой? Не дай нам Бог утвердиться в прежнем знании, что земная жизнь — это юдоль печали и стезя плача, к чему тогда выкладываться в любой работе, если тело и материя мира — обман и ложь!

А главное, что вытекает для последовательно мыслящего из такой «веры» — это уверенность в том, что нельзя посягать лишь на дух, в котором Бог, и совсем не грех уничтожить плоть, которая безбожна. Наберется ли жалости к чужой жизни у такого верующего, тем более к жизни чужого еретика, или своего отступника? На уровне личного бытия такое понимание христианства закрепит нас в положении безумия ничуть не меньшего, чем сегодняшняя бездуховность. А на уровне государственном такое «православие» беременно новыми бойнями, в которых будут перемалываться русских же, такое «православие» не успокоится просто на России, как отечестве, ему подстать кобениться не меньше чем державой — царством кесаря. Излишне говорить, что такое вероучение уничтожает любовь и лишает надежды.

НО БУДЕМ ВЕРИТЬ В ТО, что истинно живое не застит собою свет, оно пропускает его насквозь через свои недра. Бесконечность Мира Жизни и человека подобает измерять не абстракциями цифровых мер пространства и времени, а просиянием веры света, надежды света и любви света. Мир и свет взаимоустремленны, и когда-нибудь и Мир, и Жизнь, и человек — да будут о-Божены Светом, а Бог-Свет будет о-мирен, о-жизнен и о-человечен.

Когда-нибудь грядет единение рожденного и родящего. Иначе должно утвердиться нынешнее, посейчас все еще не преодоленное, их одиночество, давно уже обесмысливающее разрывное и раздельное бытие Бога и человека.

полевые записи, нотации напевов
МАРИНЫ БУРЬЯК

КОГДА СУДЬБА НАРОЖДАЕТСЯ

РАНЫШЕ БАВКИ ХОДИЛИ ПРИНИМАТЬ РОДЫ. Идет одна бабка к роженице, а на пути старичок сидит, да и говорит ей:

— Не спеши роды принимать, ты сначала в окошко загляни: узнай, какая младенцу судьба нарождается.

Бабка поглядела в окно, а новорожденный в петле висит... (К. Леткова, д. Средняя Ловатъ Старорусского района).

Женщина рожала, а детвора бегала под ее окнами и слушала, какая младенцу судьба будет, сколько проживет, какая смерть придет. Моя бабушка, когда девчонкой была, ходила слушать под окно к рожонке. Слышно было, как мужики спорят:

— Да он утонет в реке, проживет до десяти годков и утонет.

— Не в реке, а в колодце.

Десяти лет мальчишке не исполнилось — утонул (А. Хазова, д. Корманица Череповецкого района, Вологодской области).

В МЕСТЕ С «НАРОЖДАЮЩЕЙСЯ СУДЬБОЙ» каждого крестьянского мальчика ожидала участь срута, а девочку — бабья доля: в замужестве женщина лишалась своей воли и принимала волю новой семьи, волю мужа и волю Божью в продолжении рода (детоубийство во чреве считалось одним из самых тяжких грехов); женщины рожали год за годом, но выживали лишь те дети, которым суждено было жить.

Новгородские староверы крестили ребенка в холодной воде: считали теплую воду мертвой; несмотря на мороз, непогоду, несли ребенка к реке и окунали в воду, и, если ребенок умирал, значит, был обречен на смерть (Клавдия, д. Соколье Поддорского района). Поздней осенью и зимой староверы деревни Свистуха Вологовского района крестили своих детей в избе, но в холодной воде, только что принесенной из мочила (мочило — пруд около избы), а летом крестили прямо в мочиле. После крещения шесть недель не носили в баню, слегка мыли дома. В крестные брали тех, кто постарше, имя давали по святой книге: мальчику — за день-два до рождения, девочке — шесть дней вперед (А. Андреева, д. Свистуха Вологовского района).

МИРЯНЕ С СОСТРАДАНИЕМ ОТНОСИЛИСЬ к рождению младенца, его крещению, первым дням жизни, к самой роженице и выполняли целый ряд оберегов, предостережений. Рожать начнешь, так перво-наперво скажи: «Ангел мой, будь всегда со мной, а ты, сатана, отвяжись от меня», и перекрестись.

Как сейчас помню, мы с мамой рожь жали, мама и говорит: «Не рожай, покуль не выжнем!» Жнем и жнем — выжали, ригу обмолотили, чую спина болит. Пришли домой, я и говорю: «Маменька, у меня чего-то спина болит!» Тут мама забегала, татке наказывает: «Пусть скорее баба Анна к нам бежит, Николай заболел». Татко приехал на поле, кричит: «Бабка Аннота, иди скорее, у нас дед Николай заболел» (Открыто не говорили, что надо роды принимать: чем меньше людей знает, тем легче рожать). Она тут прогонилами бежит, сарафан подторкнул. Прибежала:

— Ох ти, тебе давно рожать надо!

Ну, я и родила. Она мне сразу корку хлеба насолела, а я и говорю:

— Не хочу!

— Нет ешы!

..Пупочек ребенку точевой ниткой перевязала, что-то пошептала на пупочек, обмыла мальчишку, завернула в мужнину рубаху, хлеба нажевала и сунула ему в рот. На следующий день — в баню. Баба Аннота подает мне сковородник и говорит: «Иди дворами, чтобы никто не видел». Сковородник оберегает от злых сил (у В. Даля — сковородник — обычное оружие бабы: «Причину найду — сковородником хвачу»). Бабу Анюту все знали, она многим бабничала — помогала рожать (Н. Кириллова, д. Заход Демянского района).

ДЛЯ РОЖЕНИЦЫ ГОТОВИЛИ ЧЕТЫРЕ БАНИ: на второй, третий, четвертый и пятый день. Повитуха вела роженицу в баню, парила, мыла, правила ей живот со словами «Здоровья тебе!», березовым веником сметала сажу со стен и с потолка, чтобы вся худоба ушла. Затем мыла младенца, а после скачивания скрещивала ему ручку с ножкой: сначала левую ручку с правой ножкой, затем правую ручку с левой ножкой и прижимала их к животику, чтобы не ломались (А. Фролова, д. Мелочее Вологовского района).

Тетка роды у мамы приняла, пуповину перерезала ножом, пупочек ниткой перевязала, а бабушка послед убрала, зарыла куда-то. Ребеночка вымыла, тутто запеленала свивальником, чтобы ноги были прямыми, поднесла его к двери и три раза коснулась порога, чтобы спокойным был (А. Дмитриева, д. Сорокино Боровичского района).

(Т. Бернштам пишет о «женской природе земли», о тесной сакральной связи женского начала с родственными ему стихиями земли /.../: в последе видят будущего ребенка — младшего брата или сестру новорожденного, зарывание последа в землю обеспечивало будущее плодородие женщины, а его сохранность в земле — здоровье человека на протяжении всей жизни. — прим. М.Б.)

Я САМА С ПОВИТУХОЙ РОЖАЛА.

— Доченька, ложись, ты скоро родишь, — сказала повитуха, перекрестила меня со словами «Господи, благослови!», вымыла руки, три раза обвела руками живот, и я родила. Тут же подала ломоть черного хлеба и сказала:

— Обязательно съешь, вся грязь из тебя выйдет. Потом намыла ребеночка и подала мне кормить. Оберегая ребеночка от порчи, сглаза, повитуха подносила его к двери, трижды сливала воду через дверную ручку и прыскала на ребеночка этой водой со словами «Господи, благослови! Дай, Бог, здоровья!» Послед мыла, заворачивала в тряпку и зарывала в подвале в завалину. На третий день от родов хозяйин топил баню, повитуха приходила и с приговорами мыла роженицу (А. Анисимова, д. Заполье Батецкого района).

В ДЕРЕВНЕ УНОМЕРЬ Батецкого района роженица садилась на ведро с горячей водой, чтобы скорее отошел послед, на второй день топили баню и бабка мыла роженицу. Бабку дарили материалом, деньгами (П. Дроздова). В деревне Цемена Демянского района молодухи рожали на печке, а ребенка повитуха принимала на хлебной деревянной лопате (Н. Земскова, г. Новгород). В деревне Починная Сопка Боровичского района женщины уходили рожать в баню (Т. Иванова, г. Новгород).

— Моя мама пошла в баню, там и родила, крестная и меня отправляла в баню рожать, но я осталась в избе около печки. Моя бабушка помогала рожать: подошла ко мне, окропила святой водой, чтобы легче рожать было, я и родила. Она говорила, что при рожонке ругаться нельзя. Я рожая, а мне бабы пироги несут: «Вот тебе, рожонка, здоровье!» (А. Хазова).

СЕСТРА СДВОЮРОДНАЯ тяжело рожала, так батюшка райские ворота в церкви открыл, а бабка молитвы читала. Младенец родился, его в корыте эта бабка намыла, послед чисто-начисто вымыла и закопала в подвале, чтобы самой на том свете было, что есть. Утром следующего дня женщины-молодухи приносили пироги-наведы — здоровье роженицы, а на третий день ребенка крестили в церкви, батюшка имя давал. На крестины звали родственников, приходила повитуха, а роженица дарила ее деньгами; маленькие ребятишки прибежали и пели по подоконью:

Коледа, коледа,
Подавайте пирога, не подадите пирога,
Маленького ребенка

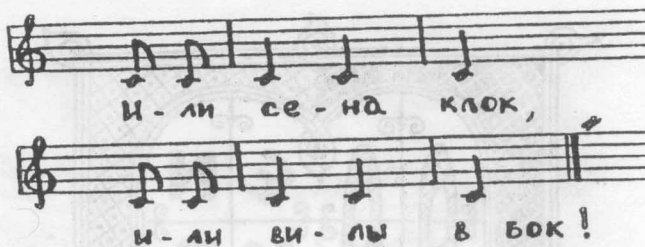
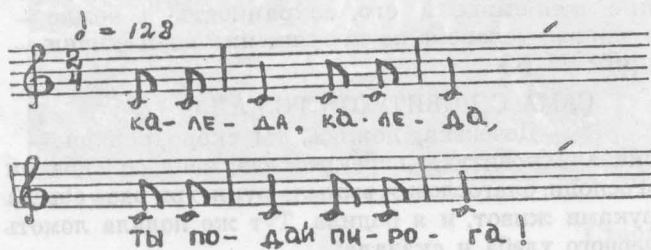
в стрекаву (крапиву) посадим!

За коляду роженица выносила угощение: пирога или конфет (М. Яковлева, д. Лежню Батецкого района).

Аналогичные песни-колядки исполнялись детьми на крестинах в деревнях Уномерь, Корокса, Кчера, Мелковичи, Любенец Батецкого района:

Коледа, коледа,
Ты подай пирога!
Или сена клок,
Или вилы в бок!

(П. Борисова, д. Любенец Батецкого района).

Роженице хлеба с солью давали, чтобы вся грязь вышла вон, пупок завязывали жигиной — шерстяной ниткой, забинтовывали вокруг животика (А. Шубина, д. Войново Батецкого района). Обязательно наведы несут сверстницы моей ровни, кто с маком пирог несет, кто с яблоками, и ребенка сразу крестят, чтобы он не умер некрещеным: некрещеного батюшка и отпевать не будет (А. Анисимова).

КРЕСТИЛИ ТОЛЬКО В ВОСКРЕСЕНЬЕ (Н. Кириллова), после церкви справляли крестьбины; приглашали крестных — кума с кумой, родственников, повитуха приходила. Раньше в кумовья приглашали только родственников (З. Серебрякова, с. Мошенское). В церкви-то красота! Крупи купели свечи стоят. Батюшка берет ребеночка, закроет ему ушки, глазки и три раза окунет. Тут уже пеленочки приготовлены: мальчика примет на руки кум, девочку — кума и носят кругом купели (Е. Семенова, д. Беретье Вологовского района). Во время крещения волоски младенца бросали в купель и смотрели: если волоски всплывут — ребенок будет жить, если утонут — умрет. После крещения — крестьбины: стол приготовлен, роженица ребенка держит, на полотенце стоит, каждый подходит и дарит что-нибудь (А. Монеткина, д. Кипино Демянского района). После крещения стол собирали, обязательно кашу готовили — накрывали кашу платком, и кто сколько мог, дарил деньгами: клал деньги на «кашу», чтобы жизнь у младенца была сытая, богатая (М. Твердова, п. Поддорье).

БАБА, КОТОРАЯ ДИТЯ БАБИЛА, для крестин кашу варила: на пшене с молоком, яйцами, маслом. Вот когда за стол все сядут, выпьют по чару, тогда баба несет кашу в глиняном горшке; горшок цветами украшен, полотенцем покрыт. Начинаются «дары» — деньги кладут на кашу: если первый положит пять рублей, то следующий кладет больше (меньше нельзя), кум последним дарит — должен больше всех подарить. После даров роженица убирает с каши полотенце с деньгами, расчищает стол, и кум должен «бить горшка»: надо так разбить горшок о стол, чтобы каша не рассыпалась. Сразу все черепки уберут, кашу разрежут, угощаются, нахваливают: «Смачно, баба, сварила кашу!» Кумовьев назначали с вечера или в утро крестин: спекли пирог, окружи в полотенце и отнеси со словами: «Ты мне должен (или должна) дитя перекрестить». Если не скажут: «Убирай свой пирог» — то согласны крестить твоего дитя. Кум и кума могут быть чужими до крещения ребенка, а после обряда они становятся как родные, теперь они в ответе за крестника и должны беречь все равно что своего (Е. Бурьяк, О. Ермолич, д. Кольно, д. Борок Гомельской области).

УМОЙТЕ МЕНЯ, ИЗЛЕЧИТЕ МЕНЯ

РЕБЕНОК ПОЯВИЛСЯ НА СВЕТ, издал первый крик, его покрестили - позади опасность родов, а впереди - бесконечные хлопоты, заботы о его сне и здоровье. Старые люди передавали молодой роженице свои чудодейственные секреты из уст в уста.

НА СОН МЛАДЕНЦА

когда спать, вымыть личико и сказать три раза:

Сумело мое дитятко родить,

Все недуги вгоню -

Полуночицу, полуденницу,

От призора, от оговору. Аминь.

(А. Мочалова, д. Теревут Хвойнинского района)

из кухни мести метлой мусор под кроватку младенца, который плохо спит, и сказать стих трижды (и так три вечера; на четвертый день всю грязь из-под кроватки сжечь):

Полуночица,

полуденница—

ночная, денная, минутная,

часовая—

Не смейся над моим

младенцем (имя)

Смейся над ножиком

да над венником.

Моему младенцу дай сна и

доброго здоровья.

(А. Ворученкова, д. Горка Боровичского района)

ОТ НОЧНИЦ

когда плохо спит ребенок, говорить вечером на зори надо, на три зори:

- Зоря-зоряница -

Красная девица,

Где, зоря, была,

Где, зоря, гуляла?

- За мхам за топучим,

за лесам дремучим.

- Давай, зоря, посватамси,

Давай, зоря, побратамси.

меня есть дочь невеста,

а у тебя есть сын жених.

Моей дочке -

по ночам спать,

А твоему сыну -

по ночам с...б.

(А. Никандрова, д. Ходыли Старорусского района)

Зорюшка - зоряница -

красная девица,

Возьми свои

ночные ночницы,

Денные денницы—

Полуношливые,

полуденные,

Уперливые и плаксивые,

беспокойливые.

Идите по мхам, по болотам.

Там вам и мамки,

Там вам и няньки,

Там перины пуховые,

Там кровати тесовые,

Там одеяла шелковые.

Вас там будут поить, кормить,
Вас там будут качать и ласкать.
У Рабы Божей (имя) нету мамок,
Нету нянек,
Нет перин пуховых,
Нет кроватей тесовых,
Нет одеял шелковых.
Некому кормить и поить,
Некому качать и ласкать.

выходишь на зору вечернюю и трижды с поклоном говоришь, трем зорям поклонившись:

Зорюшка-зоряница - красная девица,

Вот тебе низкий поклон,

Дай младенцу покой.

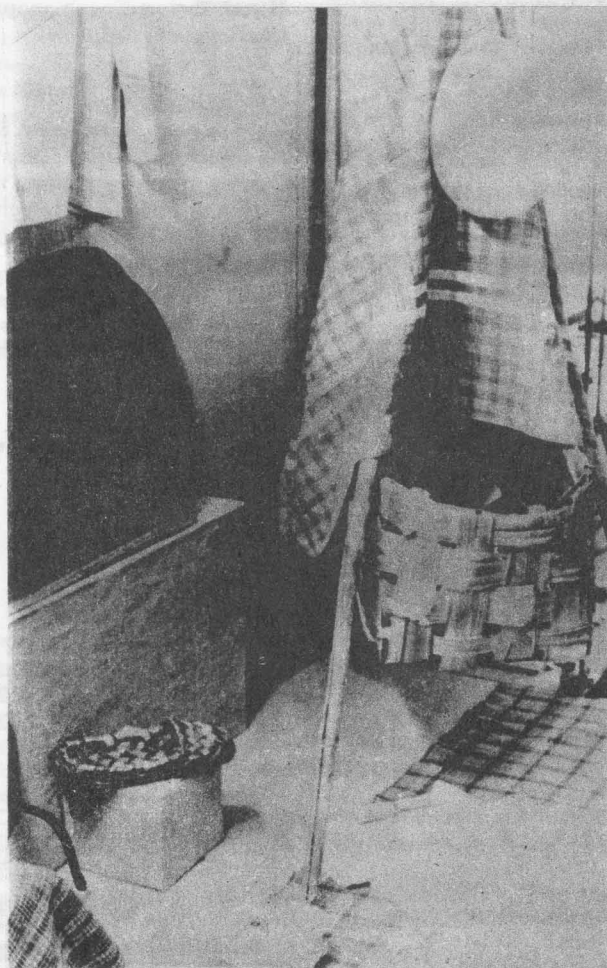
говорить на зору, стоя у окошка вместе с ребенком; трижды надо сказать (после каждого раза глазки ребенка лизнуть и сплюнуть):

Зоря-зоряница - красная девица,

Возьми наши ночницы—

Денные, ночные, полуночливые—

От младенца (имя).

НА СНИМКЕ:

Выставка предметов народного быта в Витославицах. Экспозиция собрана из вещей, предназначенных для родильного и крестильного обрядов. Заслонка печи, которая открывалась при тяжелых родах, мужская рубашка, (в нее заворачивали новорожденного), люлька, сплетенная из бересты.

Фото ЛЬВА ДАВЫДОВА.

Если в пахах у ребенка стерлося, надо взять гнилы с трухавого дерева и посыпать.

Щетинку в бане вытирали своей рукой: молока со своей груди на спинку налей и потри; щетинка вся и выйдет.

Если животик заболит, возьми свою косу и потри легонечко.

(Н. Помощикова, д. Чавницы Новгородского района)

Народился ребенок, умывай его и трижды приговаривай:

Водичка-матушка

востошница!

Умывай пеня, коренья,

белое камень,

Крутые берега,

желтые пески

И дай моему ребенку

сон и покой

И доброго здоровья.

(А. Монеткина, д. Кипино, Демянского района)

КОГДА С РЕБЕНКОМ В БАНЮ ВХОДИШЬ

Родные задобные,

Не надо плакать

воды сделать и spryskнуть;

три раза сказать:

Урочище-пророчище,

Уймитесе, уговоритесе,

У Раба Божья младенца

(имя)

По сей день, по сей час,

по мой приговор

Во имя Отца и Сына

и Святого духа. Аминь.

(А. Никандрови)

Багюшко баенный,
Матушка баенная
Со своими малыми детушками—
Красными девушками,
Умойте меня,
Излечите меня.

КОГДА РЕБЕНКА В БАНЕ МОЕШЬ

Встану я, Раба Божья, благословясь,
Пойду, перекрестясь,
Из дверь в двери,
Из ворот в ворота,
Во чисто поле.
Во чистом поле стоит дуб,
Под этим дубом три святые:
Первый святой Симон,
Второй святой Илья пророк,
Третий святой Никита мученик,
Пошел же святой Симон
По пути, по дорожке,
Встретил же святой Симон
Двенадцать девиц
Косматых и беззастежных,
Спросил же святой Симон:
Куда же вы пошли?
- Мы пошли в святую Русь
Людей знобить да кости ломить,
Да к смерти гонить.
Выломал же святой Симон сто прутков,
...же святой Симон по сто стихов.
Не хлещись, ты святой Симон!

Кто эту молитву в бане три раз не переберет,
Мы в тот дом не приступимся, не пришатнемся.
От ныне, до веку, до переставленного свету.

КОГДА РЕБЕНКА СОКАЧИВАЕШЬ ВОДОЙ

три раза сказать:
С гуся вода,
С Наташеньки - вся худоба.

КОГДА ОДЕВАЕШЬ РЕБЕНКА

Одевайся Раба Божья (имя)
В тоненьку поношену рубашку
На Божью милость,
На Христову радость.
(А. Синицкая, станция Анциферово,
Хвойнинского района)

ОТ ЗОЛОТУХИ

обводить платком вокруг пятна и приговаривать:
Золотуха золотая, здесь тебе не место,
Тебе место на осине, на самой вершине.

ОТ ГРЫЖИ

Не боли, грыжа,
Не грызи, грыжа,
Не ходи, грыжа,
Ни по жилам, ни по костям, ни по полным местам.
Выйди, грыжа, из младенца (имя),
Из пустой головы,
Из белого тела,
Из красной крови.
Во имя отца, сына и Святого Духа. Аминь.

Говорить три разка на ночь и кусать пупок:
Грыжа, не расширяйся,
В глубину не углубляйся,
Младенцу моему дай сна и доброго здоровья.

ОТ ПРИЗОРА

говорить на воду; попрыскать, помыть и дать три глоточка сделать (остальную воду вылить в дверную скобу):

Ставлю я лестницу
Возле ясного месяца,
Вызываю Иисуса Христа
И мать Пресвятую Богородицу.
Иисус Христос
И Мать Пресвятая Богородица,
Помоги, Господи,
Пошли, Господи,
Моему (имя) доброго здоровья
От ломоты, от щипоты, от призора,
От тягостей, от всех болей
Во имя Отца и Сына и Святого Духа.
Я Раба Божья (имя)
Становлюсь, перекрестясь,
Иду, благословясь,
Со двора во двор,
Из ворот в ворота,
В чистое поле,
К ясному солнцу.
Водица-царица, истошница,
Омываешь все корешки и драгоценные камешки,
Смой с моего младенца (имя)
Всю тоску-кручину
И дай ему доброго здоровья.
(А. Ворученкова)

ОТ ЛИШАЯ

Тебе дерево, в поле не бывать,
Накорню боле не стаивать,
Сук на руку не ращивать.
У (имя) Рабы Божьей лишаю не бывать и не баливать
Не на ветху, не на молодую, не на полный месяц.
Идет Иуда по дороге,
Тянет шуку за оборы,
Я Иуду заколю
И младенцу (имя) лишей заговорю.

ОТ УШИБА, БОЛЯЧКИ, КОГДА РЕБЕНОК ПЛАЧЕТ

У сороки боли,
У вороны боли,
А у Васеньки моего,
Болячка, заживи.
(А. Синицкая)

$\text{♩} = 162$

У СО - РО - КИ БО - ЛИ,
У ВО - РО - НЫ БО - ЛИ,
А У ВА - СЕ - НЬКИ МО - Ё - ГО,
БО - ЛЯ - ЧКА, ЗА - ЖИ - ВИ.

ТЫ, ГУДОЧЕК, НЕ ГУДИ

Самый лучший оберег и успокоение для ребенка — это любовь и доброта матери, ее мягкие нежные руки и, конечно же, ее голос в сладостных звуках колыбельной песни:

Спи, дитя, до вечера,
Т тебе делать нечего,
С вечера-то — до утра,
До девятого часа,
А с утра-то до полден
Мы с тобой гулять пойдем.

(М. Ширяева, д. Богослово Пестовского района)

Бай, бай, бай, бай, ты, собачка, не лай!
Ты, гудочек, не гуди, у нас Марину не буди.
Марина выспитца, не куражитца,
Во зеленый сад пойдет, разгуляетца,
Разгуляетца да разыграетца.

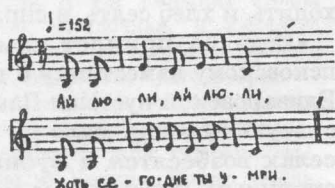
(Е. Кудряшова, д. Семенкино Мошенского района)

Оберегом ребенка от злых сил служили смертные колыбельные:

Ай люли, ай люли,
Хоть сегодня ты умри,
Завтра похороны,
На гороховины.
Пирогов напекем,
Мы никому не дадим,
Мы никому не дадим,
Соловею продадим,
Соловей-пташечка
С четырем ножкам,
Пятой, пятой хвостик,
Уехал на погостик.

(А. Морозова,
д. Михайловское
Батецкого района)

ТАМ НОВАЯ СВЕЧА...

Давно утрачены традиции крестильных и родильных обрядов, давно никто не бабничает, да и тех бабок уже нет, нынешние рожонки не знают колыбельных песен и искусства оберега своего младенца: новое время предоставило женщинам родильные дома, медицинских специалистов, школы для матерей. Да, времена меняются, но испокон веков женщины рожают, вскармливают детей и благодарят судьбу за благо быть матерью, продолжительницей рода. И ни для кого не секрет: горе той семье, где нет дитя.

ЖИЛА ОДНАЯ ПАРА, и у них много год не было детей. Однажды мужик поехал на ярмарку,

и встречается ему женщина — вся в черном:

— Знаю я про твою беду.

— А коли знаешь, так помоги мне, — говорит мужик.

— Я помогу, и родитца у тебя сын, если ты в ответ самого дорогого не пожалеешь.

— Все, что есть у меня, я ничего не пожалею, все отдам, лишь бы сын родился!

— Ничего не пожалеешь? — еще раз спросила женщина в черном.

— Ничего!

— И от слов своих не откажешься?

— Не откажусь!

— Ступай домой, не пройдет и года, родитца у тебя сын.

Ну вот, родился сын, муж с женой рады-радешеньки.

На третий день стучится в окно тая женщина:

— Я хочу быть крестной твоему младенцу!

— Вот и ладно! — обрадовался мужик.

— Я своему крестнику ничего не пожалею, и будет он как сыр в масле кататься, — сказала женщина в черном, — а ты в церковь ступай и скажи: «Николай Чудотворец, благослови, а Богородица — отойди».

Не успел он произнести эти слова, как двери церкви отворились.

— Ты не пугайся, иди по лестнице! — слышит он голос женщины в черном.

— Странно, — думает мужик, — службы нет, а свечи горят.

— Это жизни и смерти на каждый род, на каждую фамилию из поколения в поколение, — говорит ему тот же голос, — по свечам все видно: где жизнь зарождается, там новая свеча, а где догорает, — тому помирать пора.

— Кума, а какая у моего сына свечка?

— У твоего сына свечка хорошая: Пресвятая Мать Богородица и Николай Чудотворец дали ему долгую жизнь.

— Кума, а мою-то свечку покажи, — робко попросил мужик.

— А твою показать, так ты расстроишься.

— Все равно покажи!

— Смотри, — женщина в черном подошла к столешнице с тремя свечами, — в твоём роду горят только свечи жены и сына, а твоя сгорела.

— Да оставь ты мне хоть маленький осколочек, — просит ее мужик, — хоть до годика сына подержать, на ножки его поставить...

— Нет! Ты мне слово давал, что самого дорогого не пожалеешь. А что дороже жизни?! Ты сыну жизнь подарил, а свою отдал. Смерть твоя пришла!

Так мужик пошел себе счастья искать, а сам для себя смерть нашел (К. Леткова).

Страница Центра
музыкальных древностей

КОГДА СОЛНЦЕ ИГРАЕТ

С ОБИРАТЕЛЯМ НАРОДНЫХ ПЕСЕН, обычаев, обрядов приходилось записывать от деревенских жителей рассказы об одном интересном явлении, которое можно наблюдать во время весенне-летних праздников. На восходе солнце «играет»: переливается цветами радуги, «разбрасывает ленты», «шныряет в воду». Бывает это на Благовещение, Чистый Четверг, Пасху, Вознесение, Троицу, на Ивана Купалу, на Петров день, Ильин день. Моя мама наблюдала солнечную игру на Пасху в Вологде: «Солнце рассыпается на мелкие блестящие. Золотые или цветные. Потом лучи вокруг солнца начинают кружиться, сгибаясь полукругом. Быстро-быстро. Сначала в одну, потом в другую сторону. Затем лучи замирают, а само солнце начинает быстро-быстро вращаться». Не этот ли образ «вихревого солнышка» изображается в народных вышивках и деревянной резьбе.

Художнику из Костромы Ю. В. Комарову доводилось летом рисовать по утрам и наблюдать восход солнца: «Природа, она каждый день нова. Восход и закат каждый день другие. Восход всегда праздник, и солнце радуется, играет, оживляет землю. Играет каждый день по-разному, иногда больше, иногда меньше. А землю оно покидает печально»...

С ОЛНЦЕ ИГРАЕТ — это не сказка и не выдумка, а такое же удивительное явление, как и радуга, появившаяся над куполом новгородского Софийского собора во время освящения престола 16 августа 1992 года. Сколько таких событий, повторяющихся и неповторимых, запечатлено в верованиях и представлениях народа об окружающем его мире, о добрых силах, о зле и его служителях. У каждого народа есть свои, только ему принадлежащие чудесные явления, есть свои герои. И все-таки понятия добра и зла, порядочного и недостойного поведения в основе своей общие.

У всех народов в обрядах участвуют растения, животные, огонь, вода — все, что создал Бог и что окружает человека. Солнце, дающее свет, тепло, жизнь почиталось более всего.

Все солнечные события отмечены в народном

календаре. Одно из таких событий — летний солнцеворот, справлявшийся в ночь на Ивана Купалу.

С КРЕЩЕНИЕМ РУСИ многие славянские праздники получили дополнительные христианские названия. 7 июля /24 июня по старому стилю/ церковь отмечает день Рождества Иоанна Предтечи, получивший в народе название Ивана Купалы, где имя православного святого прибавилось к названию древнего праздника Купалы.

В эту ночь в честь солнца горели обрядовые костры. Поселяне около них плясали, водили хороводы, пели купальские песни.

Как и солнце, огонь отгоняет нечисть, очищает от сглазов и болезней. Обрядовый купальский огонь, добываемый для костра древним способом — трением дерева, обладал особой целебной силой. Чтобы приставшее к человеку зло сгорело, через костер перепрыгивали. Влюбленные прыгали парами, и если не разомкнут руки посреди костра, всю жизнь будут вместе.

В Новгородской области, к сожалению, этот обряд затерялся в веках, но здесь встречается перепрыгивание через крапиву — во многом имевшую подобный огню свойства.

Наряду с солнцем в весенне-летних календарных обрядах почитались травы, деревья и цветы. В Вербное воскресенье освящались ветви вербы. На Троицу пол в домах устилали травами, а церкви и крестьянские дворы украшали молодыми березками, освященные ветви которых весь год хранили за божницами. На Купалу с особенными, купальскими или иванскими песнями собирали целебные травы, плели венки. «...С вечера собираются простая чадь обоего пола и соплетают себе венцы из ядомого зелия или корения и препоясавшися былием возжигают огонь; инде же поставляют зеленую ветвь и, емшися за руце около, обращаются окрест одного огня, поюще свои песни, преплетаяще Купалом; потом через оный огонь прескакують». /Густынская летопись XVI в./

В ЕСЬ УКЛАД ЖИЗНИ КРЕСТЬЯН, сохранивших до наших времен дохристианскую культуру, говорит о единении человека с природой, о бережном разумном отношении к ее дарам. Живущие в ладу с окружающим их Божьим миром, обрядами они соединялись с ним.

Официально принятое в X в. Христианство осуждало народные обряды и обычаи. И все же целое тысячелетие прожили в душе народной два миропонимания, породившие Русское Православие, — исконные народные традиции и пришедшее извне Христианство. Крестьяне успевали и в церковь ходить, и хлеб сеять, и справлять отцовские обряды.

«Егда бо придет самый праздник, — пишет псковскому наместнику о дне Ивана Купалы игумен Елизаровской пустыни Памфил /XVI в./, — тогда во святую ту ночь мало не весь град возматется, в селех возбесятся, в бубны и сопели и гудением струнным, плесканием и плясанием...» Благодаря этому свидетельству мы узнаем об участии в купальском обряде таких же музыкальных инструментов, реконструкции которых созданы на основе археологических находок и хранятся в Новгородском центре музыкальных древностей.

КАК ТРАВЫ И ОГОНЬ, вода в это время набирается чудодейственной силы. Начиная с Аграфены Купальницы 6 июля /23 июня по старому стилю/, купаются в реках и озерах, обливают водой всех встречаемых. На севере России, где по причине Петровского поста многие народные обряды забылись, осталось только купание и собирание трав, а старики в этот день ходят в баню.

Купальская ночь полна чудес. Деревья разговаривают и переходят с места на место, волшебным огненным цветом распускается папоротник. Как и на зимний солнцеворот — Рождество Христово 7 января /25 декабря по старому стилю/, в эту ночь можно гадать, но надо быть осторожным: во всю гуляет нечисть. Ведьмы молоко от коров отбирают, делают заломы во ржи, от которых потом болят руки у жниц. Крестьяне их стерегли, разбрасывали головешки купальского костра по полю, собирали крапиву да польнь — боится всего этого нечисть.

Сбирайтесь, деуки, Ивана пятаи,
Ивана пятаи, сонца пильгнувати /встречать/,
— поют в конце праздничной ночи на псковщине. Убранные травами и цветами, очищенные водой и огнем, передавшие всю силу своей любви земле и небу, с песнями шли люди встречать восход, приветствуя играющее солнце и нарождающийся день.

НАТАЛЬЯ ПОПОВА,
сотрудник Новгородского
Центра музыкальных древностей.

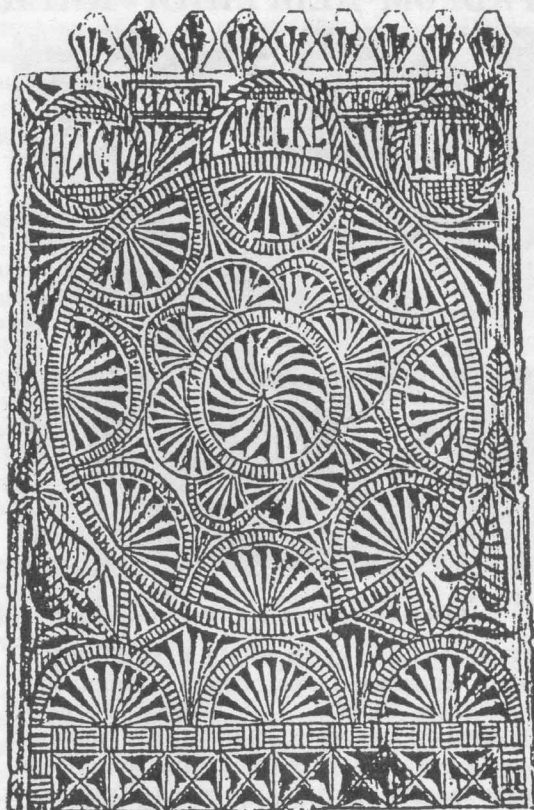
По материалам:

В. К. Соколова «Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов».

А. М. Мехнецов «Песни Псковской земли», вып. 1

А. Н. Афанасьев «Древо жизни»

Э. О. Бондаренко «Праздники христианской Руси»

Созданные знахи на лопастях прялки
1890 год; Вологодская область

ПЕСНИ МЕСЯЦЕСЛОВА

В 1989 году в Ленинграде увидел свет первый выпуск сборника «Песни Псковской земли», посвященный календарно-обрядовым песням /составитель А. М. Мехнецов/. В основе сборника — материалы фольклорных экспедиций Ленинградской консерватории. Вот тексты нескольких песен из этого сборника, записанных в Себежском районе и исполняемых в ночь на Ивана Купалу. Тексты даются с сохранением особенностей местного говора.

Иван ходить па вулицы,
Сабирайтесь, деуки, бабы,
Сабирайтесь на Купальню.
Да хто пойдеть — красавица,
Кто ня пойдеть — пень-калода,
На дуб лезеть, сучча ломить,
З дуба лезеть, кару дероть,
Домик строеть, крышу кроеть.
д. Ляхово.

Де Марья хадила, там жита радило.
Де Ванька купаусё, берег калухаусё.
Ванюткина ж мамка беряжком хадила/o/,
Беряжком хадила, Ванютку сачыла/o/:
— Ванютка-саночак, плуви к беряжочку.
Плуви к беряжочку, к жёутаму пясочку.
Надень тонку-белу, белую рубашку.
Иди на работку, иди на тяжёлу.
д. Дашково.

Иванская ночка мала-невяличка.

Я й тую не спала, я й тую не спала/o/.

В Пётри ключи крала, в Пётри ключи крала/o/.

Зарю размакала, зарю размакала/o/.

Зарю размакала, расу вапускала/o/.

Раса медавая, раса медавая.

Трава шелкавая, трава шолкавая.

д. Красиково.

Зьбирайтис, деуки, Купальню пятаи,
Купал/и/ню пятаи, трох змей пильнавати,
Адна ж ужо змея пад хлеу падпалзаеть,
А другая змея каров усасаеть,
А трэття змея с хлеба спор збираеть.
д. Дедино.

И як на Йвана сонца йграла,
Як на Йвана сонца йграло.
А Йваниха сама встала,
Чаладину пабужала:
— Чаладины уставайтя,
Коней у поля вапускайтя,
Майго каня ни пускайтя,
Майго каня прабирайтя,
Злота-сребра ускладайтя,
Я й паеду проти сонца,
Ужо сонца прабралося,
Ужо сонцо найгралося/o/.

д. Дедино.

Примечание:

Сачыла — искала.

Размакала — отмыкала.

Пильнавати — стеречь, встречать, ждать.

Спор — двоенный колос, залог урожая; как имя собств. — божество,

покровитель урожая; у В. Дала — семья безцветковых растений.

Чаладину — челядь, слуг, работников.

Ня — дня.

О ХРАБРОМ ДЕВГЕНИИ - КИРИЛЛИЦЕЙ ОБЕРЕЖЕННЫЙ СКАЗ

Владимир ПОВЕТКИН

Сундук-подголовок с изображением добра молодца и красной девицы. Детали и общий вид росписи. Конец XVII в. Северная Двина.

ПОСТИЖЕНИЕ НА РУСИ ВЕРЫ ХРИСТОВОЙ, ее истории, заповедей, песнопений начиналось с написания знаков азбуки. Той азбуки, название которой производят от одного из имен христианских миссионеров IX века - двоих греков, братьев, славянских первоучителей и святых апостолов - Кирилла и Мефодия.

Письменная грамотность стала удобной многим. В древнем Новгороде ею владели и монахи, и купец, князь и сборщик дани, ратник, гудец, златокузнец и пахарь, мужчины, женщины и дети.

Не сказать чтоб устное слово тою порой обнаружилось свое бессилие: доньше оно призвано обустривать хитросплетения жизни. Так было и так будет. Но, как полагали, к слову записанному, зримому, прибавлялось священности или заклинательной силы. А еще, надеялись, оно получало надежную ограду от забвения. Все так. Впрочем, и о том толкуют, что у всякой палки два конца: нечто изначально говоримое, а позже попавшее под перо, начинало новую жизнь и становилось иной раз объектом восхищения лишь «книжного червя». Бывало. Но, как говорится, «неча на зеркало пенять...»

С технизацией и возвышением человека над природой, а в нынешнем столетии еще и с откровенной «модой» на геноцид, подвергались разрушению те устные традиции, которые дотоле являли собой родовую, племенную, народную память. Параллельно более и более пробуждалась потребность запечатлеть в книгах все уходящее из жизни - от колыхельных песен до смутных припоминаний о былом. (Мы простодушны. Уповаем на того, кто будет после нас. Он, де, «бросит все» и, читая книги, начнет «возрождать»).

ПО УКАЗАННЫМ ЛИ ПРИЧИНАМ или по какому-то еще, о которых можно лишь догадываться, попытки увековечить в письменности то, что испокон веков звучало изустно, начались отнюдь не недавно. И чем эти попытки древнее, тем они драгоценнее. В XVIII веке, например, при легендарных обстоятельствах был создан сборник «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым». Под стихотворениями, коих было собрано более семидесяти, подразумевались старины (были-

ны), исторические и лирические песни, песни-баллады, духовные стихи, небылицы и шуточные скоморошины. Этот величественный памятник, изумивший Европу и воспитавший в А. С. Пушкине русского поэта, рассматривали в одном ряду со «Словом о полку Игореве».

Устное слово, записанное в древности, способно «разговаривать» с тем, что дожило или еще памятно в сельской неписменной традиции. При этом последнее приобретает свою подтвержденную письменным документом «биографию». Вот тому замечательный пример.

В восточных от Новгорода селениях старожилы, обжигая свою память 1920-ми и последующими годами, пересказывают обычай, в котором кое-кому из них посчастливилось участвовать. Отроками они с помощью плотницкого инструментария мастерили шести-семиструнные гусли. Струны «брали от тяжей», настраивали «по песням» и приходили на посидки в избу к девушкам-рукодельницам. «Брякая», развлекала девушек игрой «под песню», «пляску», привораживал парень к себе одну — будущую невесту.

В ТЕХ ЖЕ КРАЯХ ВСПОМНЯТ ТЕБЕ И СВАДЕБНУЮ ПЕСНЮ:

А во новой во горенке столы стоят,
Стол� стоят!

Посеред белой светлицы - дубовые,
Дубовые!

На столах-то скатерти браные,
Браные!

На скатертях гусельцы звончистые,
Звончистые!

У гусель-то струны-то серебряные,
Серебряные!

Играя в гусельцы Иван-то молодец,
Иван-то молодец!

Играя во гусельцы Васильевич,
Васильевич!

Подошедцы Марыюшка послушати,
Послушати!

Отошла Ивановна - заплакала,
Заплакала!

На родительские вопрошания она отвечала:

- Как же мне-то, матушка, не плакати?
Не плакати!

У Ивана гусельцы - неладно говорят,
Неладно говорят! -

Велено Ивана-то Иваном назвать,
Иваном назвать!

Песни, в которых гусли воспеваются как символ мужского начала, рассыпаны по всей России. Во всевозможных изображениях, начиная с XII века, гуслиями владеет добрый молодец. В нынешнем же столетии девочки или женщины в шутку или всерьез учились играть на гусях. Вместо мужчин. Это и кощунство с точки зрения обрядности, и знак страшного бедствия, знак разрушения устоев жизни. В самом деле, после войн в деревню, бывало, не возвращалось ни отца, ни сына. Ни коня. Женщины, «погоняемые» женщинами, впрягались в соху или плуг... Без «молодцев преизрядных» невозможна была

гусельная игра «под драку», во время которой в пляске, постепенно переходившей в обрядовый кулачный бой, выказывалась удал молодецкая. А все сводилось к главному.

СЧИТАЕТСЯ, ЧТО ХРАНЯЩИЙСЯ ныне в Государственном Историческом музее сундук-подголовков XVII века с Северной Двины был расписан в новгородских живописных традициях. На нем изображены взявшиеся за руки молодец и девица, она — с чарой вина, он — с гуслими. Изображение может напомнить собою момент обручения Садко с девушкой Чернавой, о чем повествуется в известной старине. Садко-чародей. Он и должен быть таковым, ибо он — музыкант-профессионал. Но посмотрим, как ведут себя в старинах добры молодцы — не музыканты, чаще всего богатыри, если намерены привлечь к себе внимание возлюбленной. Оказывается, что для этого мало проявить доблесть в «чистом поле»: еще необходимо и уметь играть на гусях, как, например, Добрыня Никитич:

А честна вдова Офимья Олександровна
Тут скорешенько бежала в нову горенку,
Притащила ему платья скоморовский,
Отмыкала она погреба глубокий,
Подавала тут гусёлушка яровчаты,
Сам же взял дубинку сорока пудов,
А пошел же скоморошиной на свадьбуку.

ГУСЛИ — СИМВОЛ МУЖСКОГО НАЧАЛА. Таков их и космический мифологический образ. Он отражен в древнейшем роде устного народного творчества — сказках. Согласно разысканиям А. Н. Афанасьева, верховный Громовержец, играя на гусях, орошает Матерь-Землю плодородным дождем.

Подобных подтверждений обычаю и жизнеутверждающей в нем роли гуслей, о чем поведали жители новгородских сел, в устном народном творчестве сохранилось очень много.

Что же касается письменных упоминаний о древнерусских музыкальных инструментах, то книги, коими ведала прежде всего церковь, не поощряли иного музицирования, кроме песнопений в православном храме. Уважительным вниманием пользовались библейские, иначе, исторические или зарубежные музыкальные инструменты. В особенности псалтирь — струнный щипковый музыкальный инструмент, изобретенный, как считают, царем Давидом. При переводе библейских текстов на церковнославянский язык ближайшим сравнением к малопонятному «псалтирь» показалось слово «гусли», подразумевавшее в древнерусской традиции также струнный щипковый музыкальный инструмент. И поди разбери: гусли в руках Давида — это инструмент для прославления Бога, а гусли, скажем, в палатах князя Святослава Ярославича в XI веке — инструмент осуждаемый. Не говоря уже о тех гусях и прочих «тудебных сосудах», которые звучали на игрищах.

При таких обстоятельствах прочитать в древних рукописях, например, о певце Бояне — все равно, что коснуться чуда. И вот — еще одно переложенное на язык письменности сказание, которое в виде одного из списков, очевидно, не случайно вошло в сгоревший, к сожалению, сборник вместе со «Словом о полку Игореве»:

ПРЕСЛАВНЫЙ ДЕВГЕНИЙ, получив благословение у отца своего и у матери своей, собрал небольшое войско, и, взяв с собой дорогие одежды и звонкие гусли, сел на своего быстрого коня и поехал

к Стратигу — так начинается глава «О свадьбе Девгения и о похищении Стратиговны» в обширной повести, полное наименование которой — «О подвигах храбрых людей минувших лет, о дерзкой храбрости и доблести прекрасного Девгения». Эта древнерусская повесть является переводом византийского эпического сказания X века о воине-богатыре Дигенисе Акрите, охранявшем границы Византийской империи. Совсем как о русских богатырях! «И поехал Девгений по городу Стратига /.../, оделся в дорогие одежды, и велел захватить с собою златострунные гусли, и велел взять юношу, нового слугу своего, поехал сам-четверт ко двору Стратигу и, взяв гусли, стал играть и петь, ибо дана ему была Божья помощь, которая всегда была с ним. Всегда все удастся ему, а прекрасной девице Стратиговне суждено быть похищенной Девгением, сыном Амирацаря. И, услышав голос его и звуки прекрасные, испугалась девица, затрепетала и, прильнув к оконцу, увидела, как Девгений сам-четверт проезжает мимо двора. И вселилась в сердце ее любовь». Далее рассказывается про обрядовое похищение невесты, о том, с каким достоинством Девгений ее защищает, великодушно сохраняя жизнь ее родителям и братьям, наконец, о свадьбе.

ВСУЩНОСТИ ВСЕ, казалось бы, так знакомо по песням и старинам. Но не зря же замечено: «Напишешь пером, не стешешь топором». В том особенность сказания, что оно заверяет по меньшей мере X веком древность известного в новгородских селах обычая и, кроме того, область его бытования делает не только Древнюю Русь, но и Византию. Следует думать, что славянский мир в то время соприкасался с Византией, являвшейся прямой наследницей Античной Греции, не только в вопросе христианского вероисповедания, но и обычаях более древнего происхождения. Кстати, что в данном случае еще важно. Гусли звончатые, согласно местам археологических находок их самих или их изображений, увозят из Новгорода через Старую Рязань и Киев в средневековый город Алустон (Алушта). Там в слое XIII века обнаружено византийское блюдо с изображением гусяля, плясуньи и ряженого в медвежьей шкуре — все так напоминает обрядовые сцены, награвированные русскими мастерами на серебряных с позолотой боярских и княжеских браслетах в XII-XIII веках. И еще. От Алустона недалеко Херсонес Таврический или древний Корсунь, откуда начинали свою миссию Кирилл и Мефодий.

Браслет из клада в Старой Рязани XII-XIII вв.

СВЕТОЧИ

Так говорит Господь: остановитесь на путях ваших и рассмотрите, и расспросите о путях древних, где путь добрый, и идите по нему, и найдете покой душам вашим.

Книга Пророка Иеремии, 6, 16.

ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ, насколько мы знаем ее по летописям и хроникам, состоит главным образом из войн. Разумеется, у народов была в ту эпоху и другая, мирная история — развития экономики, общественных отношений, культуры. И все же важнейшая задача, с которой сталкивалось любое общество, — защита от внешних врагов. Думается, эти слова Н.С. Борисова, при всей их эксцентричности, имеют под собой реальную историческую основу. Средневековая Русь по своему географическому положению находилась на самой границе земледельческой Европы и населенной кочевниками степной части Азии. Историки даже говорили, что война была как бы обычным, естественным состоянием страны. А значит, средневековая Русь имела немало выдающихся полководцев. Однако письменные источники довольно слабо освещают сам ход той или иной войны: подробности сражений, распоряжения командующих, соотношение сил противников — словом, все то, из чего и складывается представление о личном полководческом искусстве. И все же почти любой человек в нашей стране знает имя Александра Невского. Люди знают князя, полководца, иногда слышали о нем как о выдающемся политике, но почти ничего мы не знаем о человеке Александре. Если собрать из источников всю информацию, получится считанное число страниц.

Кроме летописей, об Александре рассказывает его Житие. Оно было написано не позднее 80-х годов XIII века. Житие очень сложно по составу, в нем слиты воедино воинская биографическая повесть и произведение агиографического (житийного) жанра. Автор, или один из авторов, как говорит он об этом сам, лично знал Александра Невского и был свидетелем его деяний («самовидецъ есмь възраста его»), поэтому повествование отличается особой лирической тональностью. Сочетание в едином рассказе лиризма, особой стилистики воинских повестей, традиций агиографического жанра и эпических героических элементов придают «Повесть о житии Александра Невского» своеобразный неповторимый характер. Житие вдохновило на создание исторических картин Н.К. Рериха, А.К. Горбунова, П.Д. Корина; С.М. Эйзенштейном создан знаменитый фильм. Надо еще сказать, что Житие Александра — первое произведение, сформулировавшее идею религиозного противостояния католическому Западу и оказавшее глубокое влияние на литературу средневековой Руси.

Существование и летописных сообщений, и внелетописного рассказа позволяет отметить некоторые черты характера Александра Невского. Конечно, эти черты будут достаточно общи, но тем не менее это возможно.

ОГЛЯДЫВАЯ ВСЕШ КРУГ деяний Александра Невского, легко заметить: он удивительно схож с послужным списком своего отца. Во всех делах и походах Александр не был первопроходцем; он шел буквально «след в след» за отцом, повторив его судьбу даже в деталях. Однако его победы выглядят несравненно ярче не только из-за перемены исторического фона — они словно вспышки во мраке всеобщего отчаяния! — но и благодаря его молодости, блеску личного мужества и какой-то особой, веселой дерзости. Он воевал с теми же врагами, с которыми боролся его отец Ярослав Всеволодович, он часто использовал те же приемы тактики и стратегии, но все-таки действия Александра всегда чуть масштабнее, а последствия — глубже. Откуда это и почему проявилось именно в нем?

Совершив очень беглый экскурс в его жизнь и отметив проявления характера Александра.

1239 год. Александр женится на дочери полоцкого князя

Брячислава. И сразу же — «князь Александръ с новгородци сруби городеци по Шелони». Характерный штрих. Он мог какое-то время провести с молодой женой, но интересы земли новгородской превыше всего. Врагов кругом много, надо успеть организовать защиту. И он торопится. Он должен торопиться.

1240 год. Год Невской битвы. Шведский командующий посылает вызов князю Александру: «Аще можеши ми противитися, уже есмь zde, поплению землю твою». И реакция Александра: он «разгоревался сердцемъ». Можно ожидать, что князь соберет войско и отправится на обидчика, ведь усомнились в нем, в князе! Но Александр укротил себя, идет в собор святой Софии и начинает молиться и вспоминает слова псалма 34: «Суди, господи, и разсуди прю мою, суди, господи, обидящимъ мя и возбрани борющихся со мною, приими оружие и щитъ и стани въ помощь мне». Смиранные слова, но все же в них слышна и обида оскорбленного человека и князя. После молитвы Александр говорит своей дружине: «Не въ силе богъ, но въ правде. И помянемъ песнь словца Давида: сии въ оружьи, сии на конехъ, мы жъ во имя Господа Бога нашего призовемъ, ти спяти быша и падоша». Слова эти могли бы стать девизом его жизни.

Но дружины мало у него, можно и промедлить (ведь шведы далеко от Новгорода, на Неве) и собрать много воинов. И тут

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ. КНЯЗЬ. ЧЕЛОВЕК.

проявляется воля князя: надо немедленно наказать оскорбителей Бога, Новгорода и его самого. Он спешит навстречу врагу, но опять князь сдерживает себя: безрассудное нападение не в его характере. Он встречается с дозорным морской стражи, чтобы узнать про шведов. Дозорный рассказал ему про «видение страшно», о том, как святые Борис и Глеб спешили на помощь сроднику своему Александру. И здесь в рассказе интересный момент. Князь поступает несколько неожиданно: он говорит Пелгусию: «Сего не поведай никому жъ». И дальше следует рассказ о самой битве.

Почему князь запретил дозорному говорить о чуде? Может быть, раньше в тексте было объяснение, но позже было утрачено? Кто знает... Имеет право на существование и следующее объяснение. Битва предстояла страшная, воинов у князя было немного. Он просил помощи свыше и получил подтверждение о ней и, одновременно, хотел, чтобы его люди полностью отделились битве. Только максимальным напряжением своих сил могли они завоевать победу. А люди несомненно: при известии о помощи святых князей могли наступить некоторое ослабление этого напряжения. Вера в помощь свыше и тончайший расчет — вот что двигало Александром. И расчет себя оправдал. И вера была подтверждена уничтожением шведов Божественной силой на другом берегу реки Ижора, где не было русских воинов.

Весь рассказ о Невской битве пронизан сочетанием веры в Бога и, одновременно, проявлениями воли Александра Ярославича. И они не противопоставляются, а подкрепляют друг друга, обеспечивая победу.

Здесь, пожалуй, следует сделать небольшое отступление. Существует мнение (правда, чаще высказываемое устно) о том, что, может быть, вообще не стоило сопротивляться шведской агрессии, и тогда сейчас мы бы жили несравненно лучше. На это можно ответить сразу — история не знает сослагательного наклонения: если бы да кабы. А во-вторых, стоит внимательно посмотреть шведские средневековые источники. Например, в Хронике Эрика, написанной в начале XIV века, постоянно встречаются фразы: «не щадить язычников», «языческий сброд», «жгли и рубили всех» и тому подобное. И это не просто слова. В XVII веке, когда шведы захватили новгородские земли, историки фиксируют полное уничтожение русского населения в отдельных местностях. То же самое можно сказать и о немецкой агрессии. Возможно, именно само

существование более или менее сильной Руси спасло от уничтожения многие соседние народы.

В ОЙНА ПРОТИВ НЕМЦЕВ. 1242 год. И опять князь Александру бросается вызов — захвачен Псков и немцы решают: «Победим князя Александра Ярославича и имеем его руками». Князь принимает вызов. И опять он не обороняется, а наступает. Причем и тут проявляется его волевая натура. Вначале он стремительными, внезапными ударами освобождает русские земли. А затем — опять неожиданность. Александр внезапно останавливает стремительный поход и распускает полки по немецким землям. Вобщем-то, это была обычная практика в то время, но только не в данном случае. Немецкий Ливонский Орден вел войну с литовцами, свободных сил у немцев не было. Именно стремительными набегами на практически беззащитные прибалтийские земли Александр мог нанести максимальный ущерб врагу. Но князь видит, просчитывает дальние последствия: немцы после литовской войны собирают силы и идут на русские земли. И опять — сожженные города, вытопанные поля, убитые и уведенные в плен... И он дает время немцам собрать войско, чтобы в одной битве ликвидировать эту потенциальную угрозу.

При приближении рыцарского войска Александр отходит на Чудское озеро. И опять это не случайность. Перед немцами было три пути: к Копорью, на Псков и прямо на Александра. К сожженному Копорью смысла идти не было, тем более, что Александр мог действовать у них в тылу. На Псков идти было еще опаснее: немцы попадали под двойной удар псковичей и Александра. У них оставался только один путь — идти прямо к выбранному князем удобному для него месту будущей битвы. Фактически, князь Александр заставил немцев собрать войско и придти именно к этому месту. Многим ли удивляющимся полководцам давалось так диктовать свою волю врагу?! И результат — победа.

А ПОТОМ ПРОШЛИ ЕЩЕ ГОДЫ и Александр Ярославич стал великим князем. Стал в страшные годы установления монголо-татарского ига над Русью. В то время перед всеми русскими встал вопрос: как поступать, что делать тебе самому? Одни предложили мученическую смерть, не поступившись ни верой, ни собственным достоинством. Другие смирились, и это тоже был тяжелейший выбор. Даниил Галицкий, рассчитывая на помощь католического мира, венчался в 1254 году присланным римским папой королевским венцом. Александр Невский выбрал, пожалуй, самый сложный для себя путь. Он встал между болью, растерянностью своего народа и яростной беспощадностью насильников, грабителей. Встал не с мечом, как раньше победоносно вставал, а со своим умом и опытом политика и дипломата.

Александр, видимо, решил: если монголо-татары могли уничтожить и уничтожали целые народы (так погибла, была вырезана могущественная империя тангутов), то лучше вообще не давать им повода для раздражения. Он сам стал собирать дань для захватчиков, лишь бы они не приходили на его земли. Многие на Руси сопротивлялись. И Александр Ярославич проливал русскую, новгородскую кровь противников своей политики.

Он вычислил свой дальнейший путь и нашел в себе силы резко повернуть свою жизнь. Но еще он повел за собой массы людей. Повел, требуя покорности. Можно по-разному оценивать этот период жизни князя, но несомненно одно — он опять сделал свой выбор и следовал ему. Его воле почти всегда невозможно было сопротивляться.

В ОТ ТАКАЯ ЖИЗНЬ... Вот такой человек... Вернемся опять к источникам наших знаний о нем. Можно заметить закономерность: автору Жития интересен не абстрактный князь-победитель. Главное — это объяснение: какой же он был, почему он мог так поступать и поступал, чем мотивировать его поступки. Н. А. Бердяев писал: «Христианство утверждает не только свободу как высшее достижение, как победу высшего божественного разума, но утверждает и другую свободу, которой определяется судьба человека и судьба человечества, и которые делают историю... Христианство не мирится с той покорностью судьбе, с которой мирился античный мир... В христианском духе есть какое-то мятежное начало, не мирящееся с этой покорностью судьбе... Я думаю, что выковыливание и укрепление человеческой личности совершилось в тот период истории, который долгое время, с гуманистической точки зрения, считался для личности неблагоприятным, — в период средневековья».

Думается, князь Александр Невский и был такой личностью — цельной, волевой. Он имел жесткие жизненные принципы, но имел силы и мужество менять свою жизнь.

Его жизнь — это постоянное служение. Служение активное, думающее. И еще он обладал волей, которой почти никто не мог противиться. Известны слова А. С. Пушкина:

Мой предок Рача
Мышцей бранной
Святому Невскому
служил.

Пушкин гордился службой своего предка Александру. А сам князь был великим тружеником: тружеником-воином, тружеником-

дипломатом, политиком, наставником. Но лучшими словами о нем были и остаются слова новгородского летописца после сообщения о смерти великого князя Александра Ярославича: «Дай ему, Господи милостивый, видети лицо твое в будущий век, — ибо потрудились он за Новгород и за всю Русскую землю».

ВЛАДИМИР ВАРНАЕВ,
научный сотрудник
новгородского музея-заповедника

По материалам:

- Н. С. Борисов. Русские полководцы XIII-XVI веков. М., 1993, с. 3.
Литература Древней Руси. Хрестоматия. М., 1990, с. 196-197.
Н. С. Борисов. Указ. соч., с. 14-15.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 1950.
Повесть о Житии Александра Невского. — в кн.: Воинские повести Древней Руси. Л., 1985.
И. П. Шакольский. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987, с. 18-24.
М. С. Черкасова. Динамика населения Троицкой вотчины в Новгородской земле в XVII — первой половине XVIII в. — в кн.: Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Новгород, 1994, с. 87.
Н. Бердяев. Смысл истории. М., 1990, с. 86, 97.

Дикта, Ноябрин и Коммунара

Наверно я неправ, но все же иногда мне кажется, что наша родная Россия заражена каким-то вирусом разрушения. В самом деле, как можно объяснить, что на царя Александра Второго, освободившего крестьян от крепостной зависимости, снявшего с печати цензурные запреты, была подлинная охота, закончившаяся его убийством. А трагическая гибель Столыпина, расстрел ни в чем неповинных детей Николая Второго! И еще гражданская война, колхозное разорение деревни - да разве все перечислишь! И далеко ходить не надо: мы уже привыкли видеть перевернутые скамейки в скверах и парках, оторванные трубки телефонов, порезанные сиденья в автобусах.

Даже сложившиеся веками обычаи - с ними боролись после Октябрьского переворота. К примеру, в далекие 30-е годы центральные газеты и наша новгородская газета «Звезда» писали об отмене рукопожатий. Правда, не удалась эта попытка. А вот венчания брачующихся в церкви в до- и послевоенное время фактически прекратились. На смену этому благоговейному акту пришла скучная запись в ЗАГСе, а потом разгульная пьянка, которая могла растянуться на несколько дней. Не отсюда ли пошли и скорые многочисленные разводы?

Анна и Фотий

Благочестивая жена Душою Богу предана, А грешной плотию - Архимандриту Фотию». Я вспомнил эту пушкинскую эпиграмму, когда на днях подсчитал, что графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская скончалась 147 лет назад, в 1848 году. Фотия она пережила на десять лет: он умер весной 1838 года. Наверно стоит напомнить, что графиня Анна была единственной дочерью Алексея Григорьевича Орлова, известного своим участием в возведении на царский трон Екатерины Второй. А еще он прославился разгромом турецкого флота в Чесменской битве и основанием русского коннозаводства.

Впрочем, были попытки заменить церковный брак каким-то другим церемониалом. Та же «Звезда» осенью 1923 года писала, как состоялась в Новгороде первая комсомольская свадьба. В брак вступили тогда курсанты губернской совпартшколы и по этому поводу было проведено комсомольское собрание. Вот как оно проходило: «Жених и невеста не были одеты ни в парадный фрак, ни в подвенечное платье, не было и всяких мещанских украшений. Председатель прочитал собравшимся заявление, которое было рассмотрено собранием и несколько товарищей дали характеристику обоим комсомольцам. Жених объяснил собранию цель вступления в брак, после чего состоялось подписание необходимых документов и молодыми были выслушаны поздравления. Комсомол Новгорода дал новобрачным наказ активно участвовать в строительстве нового коммунистического общества». Вот и вся свадьба, скорее похожая на митинг, чем на таинство скрепления брачными узами новой семьи.

Коснулась эта ломка старых традиций, и даже имен. Когда я учился в университете, в нашей группе была студентка со странным именем - Дикта. Как-то я ее спросил, что оно значит. И она ответила: «Мои папа и мама старые коммунисты, вот и назвали меня Диктатурой...» Потом сердилась на меня, потому что я называл ее не иначе как Диктатурой Петровой.

А еще был у меня календарь на 1925 год. И в нем рекомендовались такие имена: Коммунара, Революция, Правда, Шахта, Краснослав, Ноябрин, даже Трактор. А «Звезда» в том же 1923-м году сообщила, что в Новгороде одного из новорожденных нарекли именем Эдипролен, что означало - Эпоха диктатуры пролетариата. Ленин.

Интересная заметка помещена в этой же газете в ноябрьском номере - о собрании в клубе новгородских водников. Здесь проводился праздник наречения имени ребенку одного из рабочих пристани. В числе предложенных имен были - Очаков /по названию крейсера, команда которого бунтовала в 1905 году/, Профсоюз, Ким /Коммунистический интернационал молодежи/, Нинилак /с конца читается - Калинин/. Но единодушно одобрили имя Рэм, которое расшифровывалось как Революция, Электрификация, Ми. Дальше газета сообщала, что Рэма тут же приняли в профсоюз, - только членскую книжку пришлось выдать родителям...

орловские рысаки стали известными во всем мире.

С 1823 года графиня подолгу обреталась в Новгороде - на мызе рядом с Юрьевым монастырем и затратила громадные деньги на благоустройство этой монашеской обители - чуть ли не двадцать миллионов рублей. Можно представить, какие это были деньги, если корову можно было купить тогда за 2-3 рубля.

Фотий, не в пример графини, родился в семье ординарного дьячка в Новгородском уезде, учился в Новгородской семинарии, потом в Александро-Невской лавре и сумел войти в высшие круги петербур-

гского общества. В эту пору и стал духовным отцом Анны. Но вскоре поползли слухи, что сближение Анны и Фотия не ограничивается только духовным характером: об этом и свидетельствует пушкинский стих. Теперь, конечно, трудно судить насколько он достоин. Мне довелось поддержать в руках молитвенник графини. На одной из его страниц жирно подчеркнуты слова: «Несть греха в любви. Но подлинная любовь рождает радость». Сбоку подписано: "Зри". И поставлен восклицательный знак. Но Фотий ли выделил эти слова - сказать трудно. Читал я и переписку Анны с Фотием. «Тебя люблю всею душою и всем сердцем. Повергаюсь к твоим пречистым ногам, любюзяю их со всею любовью, равно и святые твои руки...» Это из письма графини. Но опять-таки трудно судить, о какой любви идет речь - духовной или телесной. Тем более, что Фотий в своих письмах настойчиво внушал графине спасаться «от сребролюбия, греховных игр, от карт, от маскарадов, плясок, танцев, театров...» И еще постоянно указывал, что «спасение в девстве и посте». Трудно поверить, что было расхождение между тем, что писалось и что было в действительности.

Наверно стоит сказать, что у Фотия было еще одно увлечение. В монастырь явилась довольно красивая женщина - бывшая артистка, якобы «бесноватая». По-видимому, ее подослали родственники Орловой, которые боялись, что графиня отдаст монастырю все свои богатства. В полночь с нею случались припадки, от которых Фотий спасал, набрасывая на нее платок и читая молитву. Она кричала: «Горю! Горю! Не мучь меня, дьявол!» Потом успокаивалась, потому как Фотий прогонял беса. Настолько увлекла Фотия, что он только ею и занимался, даже графиню не пускал к себе. «Фигурантку» эту постриг в монахини и назвал Фотиной. Орлова уже решила уехать, но монахи написали донос церковному начальству и оно предписало отправить Фотину в дальний монастырь. Потом опять ходили слухи, что она приезжала снова и потайным ходом являлась к Фотию. Но вскоре ее зарезал ножом монах - из ревности. А графиня простила своего монастыря и по-прежнему одаривала как монастырь, так и его самого.

Может показаться странным, но собирая материал о Фотии, я неожиданно пришел к выводу, что сейчас он был нужен русской православной церкви. Конечно, с некоторыми оговорками. Но в самом деле, никому неизвестный сын такого же дьячка, он вдруг смело вступил против мистицизма, масонства, сионизма, которым сочувствовал сам царь Александр Первый. А нынче у нас хватает и мистицизма, и проповедников самых разных псевдо-христианских учений. Вспомним хотя бы «белых братьев», которые еще недавно бродили по нашему городу и пугали предсказанием конца света. А сколько проповедников из Америки и Германии уже побывало в Новгороде? - Можно поверить графине Орловой, которая так говорила о Фотии: «Он возбудил мое внимание той смелостью, той неустрашимостью, с какою он, будучи молодым монахом, стал обличать

господствовавшие заблуждения в вере. Все было против него, начиная с царского двора. Но он не побоялся этого...»

Я согласен с Пушкиным, который в своей эпиграмме называет Фотия полу-фанатиком, полу-благим и полу-святым. Но вот кнута и меча в его руках не обнаружил. Правда, он был строг по отношению к монахам. В обителях, которыми управлял, запрещал даже хлеб давать тем монахам, которые не побывали на заутрени. А еще так писал о монастырских трапезах: «несытства исполненные утробы, они готовы все пожрать, абы мамон свой набить, а потом спать от лени; они хватают и съедают не только то, что им должно, но еще и за двух, за трех». Впрочем и к тем, кто приходил в монастырь, тоже применил суровые меры: запретил им выносить хлеб «кучами и котомками».

Разумеется, он был человеком своего времени и не чурался мирских благ. В одном из писем к Орловой писал: «Я теперь зело богат, в богатые ризы облачаюсь, живу в великолепном доме и гуляю на добрых конях». Бывало перебарщивал даже в отношениях с царем. Весенней порой Николай Первый был в Новгороде, и рано утром, никого не предупредив, приехал в монастырь. Долго ходил здесь, пока Фотий не вышел в роскошном облачении. И протянул царю руку - для поцелуя. Уже в Петербурге государь объявил, что нашел в обители «отменное устройство и чистоту», но в то же время приказал Синоду истребовать Фотия и обучить его смирению.

Обвиняя Фотия чуть ли не во всех смертных грехах, мы забываем, что именно его стараниями Юрьев монастырь был так обустроен, что прославился даже за границей. Сюда приезжали посланники из Франции, Австрии, Швеции и все единодушно говорили, что монастырь похож на «рай земной». Значительные средства Фотий затратил на ремонт и застройку Сковородского, Клопского, Отенского, Перекомского, Старорусского Спасского монастырей, благочинным которых он был в царствование Николая.

Что касается «полу-плута», каким называл его Пушкин, то Фотий действительно не только выставлял себя воителем Божьего Промысла, но и вещал о своих видениях, намекал на какие-то тайны, известные только ему одному. Но, может, именно рассказываясь в этом, изнурял себя аскетическими подвигами, неделями не принимая никакой пищи, дни и ночи проводя в молитвенных бдениях. Писал, что «придет час, когда его в худое рубище завернут и бросят, как пса, в могилу, снеся на старых изломанных носилках». Правда, предсказание это не сбылось. Умер он на руках у графини Орловой и погребен был с соблюдением всех полагающихся правил.

Подборку
подготовил
ВЛАДИМИР ГОРМИН

ВЕЧЕ

КНИГ

В этом году Новгород восьмой раз отметил дни Славянской Письменности и Культуры. Основа этого праздника, несомненно, книга. И богатейшая россыпь редких, дореволюционных изданий ждет вас в библиотеке Новгородского университета. Но прежде, чем начать о них рассказ, вспомним строки ИВАНА БУНИНА:

*Молчат гробницы, мумии и кости, —
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы, на мировом погосте
Звучат лишь Письмена.*

ПИСЬМЕНА, письменность, книги, культура... Все эти понятия, охватывающие многообразие нашей духовной жизни, произросли из одного источника, и имя ему — славянская азбука, рождение которой неотделимо от имен Константина (Кирилла) и Мефодия, братьев из Солуни. Жители греческого города Фессалоники, славяне, говорившие на одном из древнеболгарских языков, разными путями пришли к созданию славянской письменности, к проповеди слова Божия на славянском языке. Мефодий вначале, как и их отец Лев, попробовал себя на военном поприще, и лишь в зрелые годы удалился в один из монастырей в Малой Азии, чтобы посвятить себя книжной премудрости. Константин же (это его настоящее имя, Кириллом он стал, по существовавшей тогда традиции, перед самой смертью) с молодых ногтей тянулся к книге. И Царьград, столица Византийской империи, в которую входил их родной город и куда он отправился учиться, предоставил ему широчайшую возможность изучать грамматику и философию, богословие и геометрию, риторику и арифметику, музыку и астрономию. Латынь и греческий, арабский и еврейский языки — он владел ими в совершенстве, так же как и искусством вести религиозные диспуты. Он мог бы стать крупным царедворцем при дворе базилиевса Михаила III, но блестяще образованный юноша предпочел придворной суете скромную должность библиотекаря патриарха Фотия и преподавателя философии. Однако он много путешествует с религиозными миссиями. Сирия, Болгария, Хазария, Корсунь (теперешний Херсонес)... Здесь, в Корсуне, по сведениям знаменитого «Сказания о письменах» черноризца Храбра, Кирилл у одного русина увидел Евангелие и Псалтырь с «усскими письменами». Это первое свидетельство о существовании докирилловской письменности у славян. По-видимому, славянская речь была записана латинскими и греческими буквами, «но без всякой системы», «без устроения».

В 862 ГОДУ из Великой Моравии, княжества Панонии, в Царьград прибыло посольство от моравского князя Ростислава. Панония только что приняла христианство, причем по греческому, а не по римскому образцу, и хотела выйти из-под влияния Рима, который насаждал церковное богослужение и религиозные книги на латыни. Для этого они просили императора Михаила и патриарха Фотия прислать людей, способных создать славянскую письменность, перевести богослужебные книги на славянский язык и на нем же проводить богослужение. Выполнить эту миссию выпало на долю Кирилла и Мефодия. В 893 году, прийдя на берега реки Брегалницы, братья со своими содрузьями начали свою просветительскую деятельность. Тяжел и многотруден был их путь. Клевета, наветы, суды и тюремные преследования ждали их. Но в течение десятилетий, сначала вдвоем с Кириллом, а потом, после его смерти в 869 году,

КНИЖНЫЕ РОССЫПИ РОССИИ

вместе со своими учениками, Мефодий продолжал стойчески свое служение. Развитие славянской культуры и письменности не остановилось, несмотря на нескончаемые интриги, и даже запрет папой Стефаном V под страхом церковного отлучения славянского богослужения в Моравии. Ученики братьев — Клемент, Наум и Ангеларий, изгнанные из Моравии, — перебрались в Болгарию, где встретили благосклонный прием болгарского царя Семииона и нашли благодатную почву для распространения славянской письменности, которая через Болгарию и попала в Киевскую Русь. И здесь навсегда сохранилась память о братьях Кирилле и Мефодии, первых славянских святых, начавших «составлявати письмена азбуковные словенские». Множество песнопений, легенд, сказаний сложено о них. Подробный рассказ есть и в «Повести временных лет», а современный читатель может узнать о жизни Кирилла и Мефодия, о первых шагах распространения славянской письменности из романа болгарского писателя Георгия Караславова «Солунские братья» или из документальных книг Евгения Осетрова «Записки старого книжника» и Алексея Глухова «Русь книжная». Эти же издания позволят познакомиться и с книжными сокровищами Господина Великого Новгорода.

ИЗБЕЖАВ татаро-монгольского нашествия, город сохранил для России более половины из дошедших до нас древнерусских книг XI–XIV веков. Это и первая датированная рукопись «Остромирова Евангелия», и «Мстиславово Евангелие», и «Изборник» 1073 года князя Святослава. Древнейшая русская грамота — новгородского происхождения, древнейший частный акт — вкладная Варлаама Хутынского — тоже. Древнейший список «Русской правды» — так же из Новгорода. Здесь впервые, найдя берестяные грамоты, ученые получили сведения о широком распространении грамотности на Руси. Математическая рукопись дьякона Новгородского Антониева монастыря Кирика, замечательные географические описания «Хождение в Царьград» Добрыни Ядрейковича, впоследствии архиепископа Антония. Перечень этот можно продолжать и продолжать, но и упомянутого достаточно, чтобы стал виден высокий уровень культуры Древнего Новгорода.

Книжные богатства в большинстве своем хранились в библиотеке Софийского собора, в библиотеке, которая существует и по сей день, но, к сожалению, лишившись многих своих богатств, так как книги из Новгорода неоднократно вывозились. Вывозили их и Иван Грозный, и Никон, который до того, как перебрался в Москву и стал Патриархом всея Руси, был митрополитом в Новгороде. Вывозились книги и в Петербургскую Императорскую публичную библиотеку. И в советское время сия чаша не минула новгородские книги. Словом, не перечислить всех потерь. А в годы расцвета Софийской библиотеки пользовались ею для решения гигантских культурных задач многие. Так, в XV веке архиепископ Геннадий работал здесь, переводя Библию. В XVI веке архиепископ Макарий осуществил на основе этой библиотеки грандиозное предприятие — создание собрания «всех книг читомых на Руси». «Великие Четьи-Минеи» рекомендовали буквально по дням, что читать человеку в течение полного года, причем речь тут шла не только о религиозной, но и о светской литературе. Конечно, для создания этой «Хрестоматии» потребовались все книжные богатства Руси.

Рукописи Кирилло-Белозерского, Троицко-Сергиевского, Иосифо-Волоколамского и других монастырей были переписаны в специальной мастерской, организованной Макарием в Новгороде. Результат этой титанической работы — 12 томов объемом от 816 до 1759 листов. Позже, перебравшись в Москву и став здесь митрополитом, Макарий основал типографию, которую современные ученые называли анонимной печатней. Это была проба сил — типография, которая появилась за 11 лет до выхода в свет «Апостола» Ивана Федорова. Из нее за все годы существования, а это более ста лет, не вышло и десятка книг, но ее подлинное значение в том, что в ней, скорей всего, сделали свои первые шаги, получили первые навыки типографского дела Иван Федоров и Петр Мстиславец, те, которым суждено было стать первооткрывателями печатного дела на Руси.

А СВОЕГО РАСЦВЕТА книгопечатание в России достигло, конечно же, в XIX — начале XX в.в. Именно в это время возникло уникальное явление, которое незнакомо многим другим странам, — литературно-художественные и общественно-политические ежемесячные журналы. «Русская мысль», «Отечественные записки», «Русский архив», «Былое», «Старые годы», «Аполлон». Вот только несколько названий журналов XIX — начала XX в.в., которые находятся в фондах отдела редких книг Новгородского университета. Журналы эти зачастую были основаны крупными деятелями отечественной культуры и литературы, такими как Некрасов и Салтыков-Щедрин («Отечественные записки»), историк Вертнев («Русский архив»), художник Маковский («Аполлон»). «Отечественные записки» и «Русская мысль» печатали на своих страницах современных русских авторов: Островского, Успенского, Гаршина, Мамина-Сибиряка, Надсона, Чехова, Мережковского. Крупные литераторы работали в редакциях этих журналов: Писарев, Скабичевский («Отечественные записки»), Брюсов, Гиппиус («Русская мысль»). Не была забыта и поэзия, и переводная литература. Произведения Эрве, Г. Манна, Сенкевича, Ожешко очень быстро появлялись на страницах журналов. Литературоведческие статьи, например, «Поэзия Мел», «О жизни Гейне», о творчестве Санд. Но не были отринуты и наиболее животрепещущие политические и социальные вопросы современной русской жизни. «Крестьяне в Земстве», «Общинное землевладение в Швейцарии», «Хроника политической жизни Парижа», «Основы реорганизации армии», «Современная Норвегия», «Экономическая история как наука и периоды хозяйственного развития народов», «К психологии революции» — вот лишь малая толика названий статей, опубликованных в этих журналах.

И СТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «Русский архив», опубликовавший за время своего существования наибольшее количество материалов и документов по истории России, русского общества, русской мысли и общественного движения, печатавший литературу о быте и нравах России. Через публикации не только официальных документов, но и свидетельств частных лиц, частную переписку, записки и записные книжки, дневники и воспоминания, видна жизнь России в тончайших ее исторических поворотах, увиденная глазами не только крупных исторических лиц или официальных историков, но и простых людей: крестьян и священников, мещан и купцов, служивых дворян и помещиков.

Вот, например, письма Константина Яковлевича Булгакова к своему брату 1824–25 г.г. Будучи крупным царедворцем, он дает не привычную для нас оценку окончания царствования Александра I. Смерть Александра, отречение Константина Павловича, восшествие на престол Николая I, бунт декабристов — вот те исторические события, которые проходят перед

нами на страницах писем К. Я. Булгакова. Обладающий определенной толикой литературного таланта, он живо, непосредственно и остроумно повествует о реалиях жизни императорского дворца и петербургского высшего света. А вот биография князя Василия Борисовича Куракина, содержащая интереснейшие факты по истории петровской эпохи, составленная на основе материалов его личного архива; путевые заметки епископа Никодима, написанные в 1830 году...

Н ЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ и такие значительные художественные журналы как «Старые годы» — журнал для любителей искусства и старины — или «Аполлон», издаваемый в Петербурге утонченной рафинированной художественной элитой русского «серебряного века». Каждый номер журнала — драгоценное произведение искусства. Ведь в его издании, создании его обложек, заставок, иллюстраций принимали участие художники Бенуа, Сомов, Добужинский, Бакст. Чудные репродукции с картин известных мастеров, стихи современных поэтов, программные статьи различных литературных движений и объединений, литературоведческие произведения... Блок, Городецкий, Гумилев, Кузьмин, Анненский, Брюсов, Вяч. Иванов — вот лишь незначительный список авторов, постоянно сотрудничавших в «Аполлоне».

А ПОПУЛЯРНЕЙШИЙ РУССКИЙ ЖУРНАЛ «Нива», издаваемый Адольфом Марксом, предназначался для образованной публики — городской интеллигенции, чиновников, учителей, состоятельных купцов и провинциальных помещиков. Маркс печатал так же и книги, в основном русских писателей. Полные собрания сочинений Тургенева, Толстого, Чехова, Григоровича, Гончарова, Дашкевича, Гоголя, Жуковского впервые появились в качестве приложения к «Ниве». Но были здесь и книги Мольера, Ростана, Гейне, Уайльда, Метерлинка. Адольф Маркс, так же как и Маврикий Вольф, относится к тем русским издателям иностранного происхождения (Маркс — немец, Вольф — поляк), которые, имея большой опыт книжной торговли в Европе, прибыли в Россию для службы в крупных книжных магазинах. Открыв потом собственное дело, они постепенно начали заниматься книгопечатанием, став истинно русскими издателями. Но если Маркс делал ставку на широкое распространение недорогой, общедоступной книги, то Вольф отдавал предпочтение роскошным, дорогим, богато иллюстрированным книгам. Издавал много не только художественных, но и естественнонаучных (им впервые в России был опубликован Дарвин), и исторических книг. К таким книгам относится и «Эллада. Картины Древней Греции и ее религия, могущество и просвещение для любителей классической древности и просвещения юношества», СПб, 1878 г. Это издание привлекательно не только своим внешним видом, огромным количеством иллюстративного материала — изображением древнегреческих скульптур, рисунками с амфор и мозаик, жанровыми картинками, изображающими быт и исторические события Греции, памятниками архитектуры и дошедшими до нас портретами исторических лиц, — но и фактическим материалом, содержащимся на его страницах.

Мы привыкли изучать историю с классовых позиций, обращая преувеличенное внимание на социальные проблемы и зачастую забывая исторические события и факты. Эта же книга позволяет увидеть нам воочию нравы и обычаи, государственное устройство, военные походы, исторические события и великих героев Греции. Жизнь городов-полисов, Афинской республики, период македонского владычества, греческая мифология, философия и поэзия... Словом, читайте, любители классической древности, и узнавайте много любопытного и неизвестного.

НАТАЛЬЯ МОРЫЛЕВА,
главный библиотекарь
научной библиотеки НовГУ

За семью печалями

НОВГОРОДСКАЯ ДУХОВНАЯ СЕМИНАРИЯ была одним из самых старых и значительных заведений России, являлась центром духовного образования и просвещения Северо-Запада России в XVIII-XIX вв. и одним из центров культурной жизни Новгорода.

Основой для открытия в Новгороде духовной семинарии послужил указ императрицы Анны Иоанновны от 21 сентября 1738 года об учреждении семинарий — епархиальных школ, предназначенных специально для «просвещения божественным учением священного чина».

Огромную роль в создании столь значительного духовного учебного заведения в Новгороде сыграл архиепископ Амвросий (Юшкевич), вступивший на новгородскую кафедру в 1740 году. Будучи просвещенным и образованным человеком, он ревностно принялся за дело устройства семинарии, которая была открыта 30 октября 1740 года. Местом нахождения семинарии был выбран Антониев монастырь, по выражению Амвросия «место изрядное, угодное и веселое как ситуацией, так и близостью к Новгороду двояма токмо верстами отстоящее, над рекою Волховом лежащее, весьма к устройению академии по обстоятельствам и угодьям приличное».

Организация обучения в Новгородской семинарии была почти точной копией Киевской академии — ведь ее основатель и учителя вышли оттуда. По ассигнуемым на содержание средствам она оставляла далеко позади другие семинарии при архиерейских домах, то есть являлась фактически высшим учебным заведением, хотя и не носила наименования «академия».

В НОВГОРОДСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ была фундаментальная библиотека, представлявшая собой одно из крупнейших книжных собраний в России. Библиотека имела редкие издания XVI, XVII, XVIII вв., помещалась в специально построенном для нее здании 1870 года.

Начало фундаментальной библиотеки положило книжное собрание Новгородского архиепископа Феофана Прокоповича — знаменитого сподвижника Петра I и выдающегося ученого, политического деятеля.

Амвросий (Юшкевич) архиепископ Новгородский «озабоченный желанием обставить семинарию возможно лучше» обратился к императрице Елизавете Петровне с просьбой о передаче библиотеки Ф. Прокоповича в Духовную семинарию. 18 июня 1742 года дано разрешение передать библиотеку с подлинной описью в Новгород и 3 июля этого года «от Амвросия донесено о ее получении».

По установившейся традиции Новгородской семинарии оставляли свои книжные богатства новгородские иерархи.

Из частных собраний в фундаментальную библиотеку поступили книги из библиотек архиепископов Новгородских — Феофана Прокоповича, Амвросия Юшкевича, Стефана Калиновского, митрополитов Дмитрия Сеченова и Гавриила (Новгородского), настоятеля Деревяницкого монастыря Павла; Новгородского архиерейского дома; библиотеки учителя философии магистра Андреевского и доктора Исаева.

В 1800 году по распоряжению митрополита Гавриила передано 30 названий книг из библиотеки бывшего Олонецкого архиерейского дома. Ярославский архиепископ Антоний Знаменский в 1824 году завещал Новгородской семинарии свою библиотеку, состоявшую из 1028 книг.

От иеромонаха Антониева монастыря Серафима в 1829 году поступило 250 книг, касающихся большей частью истории Российского библейского общества.

Все библиотеки новгородских ученых иерархов включали большое количество исключительно ценных по своей уникальной редкости сочинений как по богословским дисциплинам, так и по широкому кругу наук.

Огромные фолианты на плотной с водяными знаками бумаге, в кожаных внушительных переплетках, изданные в типографиях Германии, Голландии и других странах, уже сами по себе представляли исключительность.

Фундаментальная библиотека, независимо от пожертвований, пополнялась за счет собственных средств Новгородской

О судьбе фундаментальной библиотеки Новгородской духовной семинарии

духовной семинарии, но эти издания составляли ее особый фонд, который не находился в обычном пользовании.

В фонде фундаментальной библиотеки хранились книги по Священному писанию, Творения святых Отцов, по истории гражданской и церковной, по юриспруденции, философии и богословию, медицине и языковедению, книги на древних и новых языках. Было также много книг, напечатанных при Петре Великом гражданской печатью, которые ценятся сейчас особенно дорого, так как в XVIII веке большинство из них уничтожено.

Б ИБЛИОТЕКА ИМЕЛА книги на русском и иностранных языках, в их числе — Библия с латинским комментарием, изданная в 1528 году в Париже Робертом Стефаном; Новый Завет на 12 языках, изданный в Нюрнберге Ильею Гуттером в 1599 году; сочинения в 6-ти томах Мартина Лютера, издание 1561 года в Виттенберге; Эразм Роттердамский (сочинения в 10-ти томах, издания 1703-1706 годов).

Отдел богословских систем насчитывал до 300 названий книг: сочинения Гуго Гроция, Социуса Фавста, Дедерлейна, Прокоповича «Полный курс теологии» в 27 томах и другие.

Среди книг по философии — сочинения Платона, Аристотеля, Сенеки, Декарта, Локка, Гегеля, а в историческом отделе книги Геродота, Пуффендорфа, Птолемея, сочинения византийских историков в 25 томах и многие другие книги.

Отдел латинских и греческих классиков очень богат, но все издания принадлежат большей частью XVI-XVIII векам.

Замечателен был фонд книг на русском языке как по количеству, так и по содержанию.

Среди них были сочинения Тихона Задонского, Златоуста, Ефрема Сирина, Стефана Яворского; в отделе переводной литературы — Платон, Плутарх, Эзоп и Софокл, Гомер, Гораций; в отделе исторических наук произведения Татищева, Ишимовой, Карамзина и других; среди книг художественной литературы — Фонвизин, Державин, Хемницер, Пушкин...

Отдельно стояли отделы рукописей, сочинений неблагомыслящих писателей, книг, не принадлежащих к духовному просвещению. Первые два отдела невелики, но третий — значительный.

В первом встречаются сочинения Адама Зерникова, грамматики братьев Лихудов, трудившихся в Новгороде на поприще просвещения в начале XVIII века, божественная служба на зырянском языке св. Стефана Великопермского, книга Стоглав царя и великого князя Ивана Васильевича, рукописная книга Максима Грека, летописи, поздравительные речи...

Во втором отделе — 8 томов сочинений Вольтера, алкор... на польском языке, книга Андрея Альциата против монашеской жизни...

В третьем — книги по гражданскому праву: «Правда русская», с славянским и русским текстом изд. 1799 года, «Правда воли монаршей» изд. 1726 года, «Уложение царя Алексея Михайловича» изд. 1737 года, «Наказ императрицы Екатерины»; книги по медицине, о театре и искусствах, по химии сельского хозяйства.

К НИГИ ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ хранились в высоких, очень прочных и красивых шкафах. Сохранность этих редких изданий была обеспечена, так как здание библиотеки изолировалось от других помещений и оставалось безопасным в пожарном отношении.

В 1870 году обзор фундаментальной библиотеки Новгородской духовной семинарии сделан статским советником, членревизором Учебного комитета при Священном Синоде С. Керским.

С. Керский не смог указать точную цифру книг, хранившихся в библиотеке, так как не существовало общего каталога. Он писал: «Первый каталог, составленный при ректоре архимандрите Антонии, заключался в трех больших томах, при составлении его принят тот порядок и то же разделение на многочисленные рубрики, какие

указаны проектом Устава духовных семинарий 1809 года. Второй составлен в 1847 году и скреплен только бывшим секретарем семинарского правления Жураковским. Третий заведен около 10-ти лет тому назад, в него вписываются книги поступающие вновь». Можно предположить, что в момент проверки фонд библиотеки насчитывал свыше 8,5 тысяч книг.

В Новгородском архиве находятся два списка книг библиотеки семинарии (сверочный и беловой экземпляры) от 1779 года, где указано 6404 книги. Согласно поздним архивным документам фонд фундаментальной библиотеки к 1925 году насчитывал свыше 14000 томов.

С. Керский сделал глубокий, обстоятельный анализ не только книжного фонда библиотеки, но и всей деятельности семинарии. Он отметил, что «собранные при этом данные не оставляют никакого сомнения, что семинария поставлена в благоприятные условия для ее успешного преобразования...».

НО СОВСЕМ ИНОЙ увидел семинарию и библиотеку в 1913 году профессор Варшавского университета П. В. Верховский, в свое время окончивший курс Новгородской семинарии.

По возвращении в Варшаву он опубликовал брошюру «Библиотека Новгородской духовной семинарии и ее сокровища (о необходимости спасти библиотеку Феофана Прокоповича)». В брошюре П. В. Верховский писал: «Особого библиотекаря нет. Каталоги старые, в виде описей, а карточного нет. Старой описи библиотеки Феофана тоже нет. Многие книги свалены в кучу, тут же помещаются и часть архива Новгородской семинарии в разрозненном и неразобранном виде. Другая часть архива, заключающего в себе дела еще Петровской эпохи, помещается в совершенно другом конце монастыря в темной сырой комнате под покоями ректора. Разумеется, все это гниет, портится и гибнет».

Я посетил библиотеку Новгородской семинарии с научной целью 7-8 июля сего 1913 года и вынес ужасное впечатление. Говорят ежегодно в смету семинарии вносится расход на ремонт библиотечного здания и упорядочение библиотеки и ежегодно Священный Синод, будто бы, выбрасывает этот расход из сметы, предоставляя сделать, что нужно из местных средств. Таких не оказывается и здание разрушается, кузница усердно действует, сокровища книжные продолжают быть в большой опасности. Эта библиотека заслуживает самого внимательного к себе отношения со стороны русского общества, правительства, высшей иерархии и ученых учреждений, в особенности же Императорской Академии Наук. По своему значению эта библиотека должна стоять наряду с крупнейшими публичными библиотеками всей России, и смотреть на нее, как на частное имущество Новгородской семинарии по меньшей мере, совершенно неправильно».

Новгородская духовная семинария была закрыта в 1918 году по декрету «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

1 октября 1919 года в ее стенах открылся Новгородский практический институт народного образования.

ДО 1924 ГОДА фундаментальная библиотека семинарии находилась в ведении института, который к этому времени был преобразован в Новгородский педагогический техникум, затем, согласно постановлению Планового совещания Губоно от 25.01.1925 года библиотека была передана Губмузею.

«Передача в ведение Губмузея (Пост. Совещ. Губоно от 25.01.1925 года) Фундаментальной библиотеки бывшей Новгородской духовной семинарии, находившейся до сего времени в ведении Педагогического техникума. Фундаментальная библиотека — одно из обширнейших старых книжных собраний в России (свыше 14000 томов), состоявшее в основе своей из библиотек новгородских владык XVIII столетия (Ф. Прокоповича, Амвросия Юш-

кевича, Стефана Калиновского и других), давно известно в мире. Библиотека, обладающая большим количеством редких изданий XVI, XVII, XVIII веков, имеет в «старой» части несомненный музейный характер и помещается в специальном здании XVIII в., состоящим самостоятельно на учете и под охраной Губмузея».

С. М. Смирнов, работавший заведующим историческим музеем в этот период, писал в своих воспоминаниях:

«На хранение Губмузей библиотеку принял, но что делать с ней, никто ничего не знал, да и соответствующих кадров у музея не было. Между тем, обстановка вокруг библиотеки складывалась явно не к лучшему. В Антониевом монастыре поселили Коммуну из бывших беспризорников. Эти лихие ребята с самого начала ознакомили свое пребывание в стенах тихой обители тем, что разгромили старинное монастырское кладбище. Разбивали надгробия, добирались до скелетов и, вытаскивая оттуда черепа покойных новгородцев, играли ими вместо мячей. Положение складывалось опасное, но, как часто бывает, на помощь пришел случай. Как-то в первые послереволюционные годы посетил Новгород известный ученый — византист В. Г. Василевский, профессор Петроградского университета. Был в музее, поинтересовался судьбой знаменитой библиотеки Ф. Прокоповича, о которой знал многое, и попросил показать её. Маститый ученый долго ходил по библиотеке, открывал шкафы, вынимал отдельные фолианты и вслух восторгался увиденным. Поблагодарил за любезный показ библиотеки и на прощанье многозначительно сказал: «А у вас здесь есть многое такое чего нет у нас в центре». Результат посещения оказался довольно быстро: в Новгороде получено было сообщение, что по распоряжению соответствующих правительственных и научных инстанций библиотека Феофана Прокоповича переводится из Новгорода в Государственную Публичную библиотеку в Петрограде».

Незамедлительно за тем в Новгород прибыла группа научных работников Публичной библиотеки для проведения этой операции. Здесь на месте была создана специальная комиссия, в состав которой, кроме сотрудников Публичной библиотеки вошли следующие лица: находившийся в научной командировке в Новгороде профессор Иосиф Болеславович Михайловский, ученый-архитектор; занимавший тогда должность городского инженера Новгорода, всегдашний друг и ревнитель музейных дел Любарский Аркадий Алексеевич и от коллектива музейных работников заведующий историческим музеем Смирнов С. М. Работа шла успешно, спокойными темпами. Сравнительно в короткий срок опытные работники Публичной библиотеки отобрали книги основного, наиболее ценного фонда бывшей фундаментальной библиотеки Новгородской духовной семинарии. Позднейшие издания, в том числе исторические журналы, были оставлены на месте. Для отображенного книжного материала были изготовлены специальные ящики, в них были уложены тщательно и бережно упакованы ценные редкости. Ящики были доставлены на вокзал, погружены в вагоны и под особой охраной в свое время прибыли к месту назначения».

СЕГОДНЯ НЕ НАЙДЕНА ДОКУМЕНТЫ, подтверждающие в каком году (предполагается в период между 1926-27 гг.) и какое количество книг было передано в Публичную библиотеку.

Невозможно подтвердить довоенный фонд библиотеки Новгородского музея: инвентарные книги пропали, а самое ценное было вывезено фашистами.

В Российской Национальной библиотеке нет описи книг, переданных из фундаментальной библиотеки Новгородской духовной семинарии.

Предстоит долгая кропотливая работа по разысканию этих книг в каталогах фонда РНБ, так как книжные собрания Феофана Прокоповича, Амвросия Юшкевича, Стефана Калиновского и других рассредоточены по разным отделам данной библиотеки.

ЛЮДМИЛА ДОГУЗОВА,
зам. директора научной
библиотеки НовГУ

ВЛАДИМИР ТОПОРОВ - новгородец, из села Подберезье, что в двадцати верстах от города. Рано лишившись родителей /они были учителями в Подберезской школе-интернате/, Володя подался в Москву, в Литературный институт. В девятнадцать лет становится автором первой книжки, в двадцать с небольшим — членом Союза писателей СССР. Сейчас у него много книг, живет в столице, и слово его очень заметно. Скажем больше: Владимир Топоров — один из лучших современных русских поэтов. Известный критик В. Гусев пишет о творчестве поэта: «Открываем — сразу же бьют в глаза простор, свежесть чувства и образа, крепость слова...»

РАЗГОВОР С САМИМ СОБОЙ В НОВГОРОДЕ

Пар встает из оврага. А возле дороги
Кровь рябины — на грязном снегу...
— Ты о чем, бедолага?

— Да о безнадёге,
О душе, о давно не всевидящем Боге
Все о том, что так жить не могу.
Время слову святому. Да вороны грают,
Славят идолов новых и знать.

— А как жить по-другому?

— Да кто ж его знает,
И кому доведется узнать.

— Святослава завет, Мономаха наказы...
Ты у предков совета спроси.

— Смутен будет ответ: сил бесовских проказы
На седых пепелищах Руси!

— Что тебе эта буча? Ведь ты в Новограде.
Сбрось кручину с души, будто блажь.

...Новгородский Детинец — икона в окладе.
Над Софию туча пылает в закате,
Как святого Георгия плащ.

Богатит мою речь иноверца язык,
Здесь повязаны все одной общей долей...
Понимать мог лишь только российский мужик,
Что не раб он, а труженик Божьею волей.
Воспевать мог лишь только российский поэт
Многохрамье, угодное Господу Богу —
Православную церковь, костел, минарет,
Староверцев молеленку и синагогу.
На Руси невозможного нет ничего.
Здесь и век пережить можно запросто за год,
Свой кушак распахнуть — бросить кисти его
На Восток золотой и на бронзовый Запад.

Офицеру запаса Ю. Камневу
Птицы памяти твоей, сколько им достанет сил,
Плачут, молят нас: «Не пойте песни грустные,
Как афганец-ветер выл, как он сердце холодил,
Сея «черные тюльпаны» в земли русские».
Ты десантный автомат рвал с горящего плеча
И в густом дыму не видя света белого,
Матерясь, чтоб не завывать, бил и бил из «калача»,
Обгорелый — из-под танка обгорелого.
А потом уже терял над своим сознанием власть,
Забывая мир и злой и покалеченный,
Где «вертушки», стрекоча и прицельно накренься,
Перемешивали камни с человечиною.
Жить остался ты затем, чтобы помнить, красота —
Это дикая ромашка у пожарища...
Эх, товарищ капитан, мы с тобой не господа,
Господин никак не тянет на товарища.

«Страна рабов, страна господ»
М. Ю. Лермонтов

Опять ты шлешь на пулеметы
Свою воинственную рать,
В цинк упаковываешь роты,
Ах, мать-отчизна... перемать!
Страна униженного русса,
Высоких мыслей эшафот,
Как встарь, в предгорьях Эльбруса
Кинжал чеченца в сердце бьет!
Как уберечь тебя от сглаза?
Я не хочу, покуда цел,
Глядеть на жителя Кавказа
Через оптический прицел.
А вдруг молодого разночинца
Столкнули с гордою Чечней,
Чтоб этот мальчик разучился
Гордиться русскою броней?!
...Надрессированы, как в цирке,
Мы правду ищем между строк...
А к матери приходит в цинке
Ее единственный сынок.

Вначале из Таманской был казак,
Потом — из Кантемировской казах,
Потом частей неведомых майор,
Прошедший и Афган, и Карабах,
А после... Впрочем, долгий разговор.
Ты на носу красивом заруби:
Убийцы мы не по своей вине!
Люби военных, женщина, люби,
Чтоб навсегда забыли о войне.

Не черемухи песнь белопенная
Там, где рос я, быть взрослым спеша,
А дорожке старушка согбенная —
Опустевшей деревни душа.
Сердце ранят слова ее кучье:
— Хоть бы церкву какую в селе!..
Это ей ты, герой революции,
Обещал скорый рай на земле.
Ей и нужно-то самое малое.
Над клюкою дрожит седина.
И чего я скажу тебе, старая?
Что в большой перестройке страна?
Но глядят на поля небогатые
Два десятка безлюдных домов,
И убогая рядом, горбатая
Мать пропавших навеки сынов.

ОТЦОВО ТАНГО

Над обгорелым ржавым танком,
Над госпитальным старым парком,
Ночное небо подпирая,
Премудрый вяз глядит на вас.
И что назавтра будет с вами,
Еще не ведаете сами,
И на пенечке патефончик
О том не ведает сейчас.

Луна и танго.

А башня танка

Среди черемух

Черней беды.

Ах, медсестрица,

Все это снится!

И лейтенанту

Приснилась ты.

О где же вы, замашки франта,
Лихая бравость лейтенанта?
Он и растерянно и нежно
Лицо склоняет над лицом.
Любовь по-прежнему бессмертна,
Печаль по-прежнему безмерна.
И медсестра танцует танго
С моим молоденьким отцом.
Война грехи кому-то спишет.
тут сердца друг друга слышат,
деток над пеплом вырастает,
Небесным светом опылен.
Берлин уже не за горою.
И как-то мирною порою
Семейный мой отец проснется
И снова вспомнит этот сон:

Луна и танго.

А башня танка

Среди черемух

Черней беды.

Ах, медсестрица,

Все это снится...

И лейтенанту

Все снишься ты.

Я знал тебя, беда,
И голос твой, и стужу.
Но словом «сирота»
Я не унижу душу.
Сиротство — для шпаны.
Мне ж горькая свобода:
тыре стороны
и пепелище рода.

Снова память меня отравляет, как яд.
И виски я сжимаю седые...
Там смеется отец, там ромашки звенят.
И у мамы глаза — молодые.
Это вижу я детство в цветке и в ручье,
В солнце и в золотящейся крыше.
Это вижу себя на отцовском плече —
Никогда не подняться мне выше!
Где высокого солнца лучи высоки,
Там в тепле и в сиянии резком
Мне запомнилась тяжесть отцовской руки
На плече моем хрупком и детском.
Но досталась отцу подсудимых скамья,
Ночь тюремная, горечь разлуки...
А была ведь в России и наша семья...
Что вы сделали, подлые суки?

ШАТУНЫ

Времена-то, ребята, глухие!
Спать бы, словно в берлоге медведь.
Но уходят друзья дорогие
Обживать занебесную твердь.
Неуютно в двухспальной берлоге
Двум разбуженным — мне и тебе:
Будем странники в вечной дороге —
Шатуны на смертельной тропе.
Не страшны нам голодные волки.
Но уже меж тобою и мной
Нас охотники ждут. И двустолки
Индивеют под чистой луной.
Ах, родимая, прожили вместе
Мы немало и счастья и бед!..
У Медведицы в небе — созвездье,
У медведя и этого нет...

СЕМГА-ОСЕНЬ

С юго-запада из болот
Туча медленная встает.
Поднимается во весь рост,
Гасит рек полнолуный плеск
И с полярной надбавкой блеск
Многоруких осенних звезд.
Пал шелонник, широк, упруг,
Воды мнет и бугрит, и вдруг
Гребни взводней свивает в дым.
Жизнью в реках сейчас полна
Даже темная глубина —
Семга-осень идет по ним.
В тундре встанет зима вот-вот.
Снова солнце забудет вход
В беспредельную белизну.
Но по осени, тяжела,
Семга вечно на нерест шла
И не думала про весну.
Безрассудно права она,
Даже если вовек весна
Продышаться не даст воде...
Что осталось бы и от нас
Если в каждый свой день и час
Мы бы помнили о беде!
Встану в заветерь под скалой
И подумаю: Боже мой,
За какие мои грехи
Чувство давнее все острее,
Что стихи — это лишь стихи,
Что пора заводить детей.

Когда с тобой ни друга, ни жены
И полночь сетью звездною нависла,
Вдруг понимаешь, что у тишины
Три уровня, три нежности, три смысла:
На первом — затиханье городов,
А на втором — душа полна собою,
Ну а на третьем ты уже готов
Не дорожить своею головою.
Кто смертного коснулся рубежа,
Владеет даром дружбы настоящей
И у него сбывается душа
Под взглядом Богоматери скорбящей.

К 60-летию поэта

ИГОРЬ ТАЯНОВСКИЙ — известный новгородский поэт, автор книг «Характер», «Верность», «Третий горизонт», «Фамильная земля», «В отчем доме», «Откровение», «Жалейка», «Восьмая струна», «И случилось-приключилось», «Приключения железного человечка», «Мужичок Избушкин и его частушки», вышедших в разные годы в издательствах «Советский писатель», Лениздат, «Детская литература», «Художественная литература». Его произведения печатались в Румынии, Венгрии, Болгарии, в странах нынешнего «ближнего зарубежья» (Украина, Белоруссия, Казахстан и другие).

Александр Межиров так говорит о нем:

«Поэзию Игоря Таяновского, проникнутую настроением общего любовного внимания к человеку, с живым интересом будут постигать и подростки пытливые, и те, кто уже вступил в пору юности, и умудренные долгим опытом взрослые люди. Подлинное ритмическое дыхание одинаково доступно всем, кто любит, чувствует и создает поэзию. Таковы стихи и поэмы Игоря Таяновского, призывающие с честью и мужеством совершать свой путь по дорогам жизни, тяготам которой противопоставляет он самого себя, свое гостеприимное сердце».

ЮРЬЕВ МОНАСТЫРЬ

Этот белый монастырь —
ни монахов, ни монашек,
Светлокаменный собор,
одуванчиковый двор...
В благолепии сплошном
под вечерний звон рюмашек
Там ведут душа с душой
задушевный разговор.
Там художники живут,
вечный колер подбирают,
К белой ночи норовят
подмешать златые дни.
Их шедевры на холстах
никогда не умирают,
Потому что никогда
не рождаются они.
В бывших кельях по ночам
смотрят сны свои цветные
Эти блудные сыны
красоты и суеты.
И в затылках много лет
чешут власти областные:
А куда бы подевать
тех творцов и их холсты?
Скоро в разные концы
их разгонят, вот ведь горе.
Необъятное объять
интуристы заспешат.
Только кто нам подберет
вечный колер Ильмень-моря,
Только что есть красота,
если это — не душа?
Из восторга и слезы,
из любви к земле родимой
Возникает дивный свет,
что нам светит впереди.
А к тому же на Руси
нет души недобудимой.
Если встретится тебе —
ты буди ее, буди...
Этот белый монастырь —
ни монахов, ни монашек,
Светлокаменный собор,
одуванчиковый двор...
Там художники живут,
там мечта крылами машет,
Там душа еще поет.
А про то и разговор.

ПОЗДНИЙ ВАЛЬС

Я кивну музыкантам,
и вальса прозрачные звуки
Душный серенький зал
светлой музыкой тихо наполнят.
Эти легкие волосы,
эти прекрасные руки
Мне совсем незнакомы,
но сердце их знает и помнит.
Две звезды в небесах
полетели друг другу навстречу,
Предназначено было,
чтоб звезды в полете столкнулись.
Оставалось тем звездам
до встречи совсем недалеко,
Но они повстречали других,
и они разминулись.
Две души на земле
потянулись навстречу друг другу.
Предназначено было
двум душам в единую слиться.
Но одна — по большому,
другая — по малому кругу.
А на кружном пути
так легко и душе закружиться.
Свет лица твоего
я закрытыми вижу глазами.
И дыханье твое
крепче вальса мне голову кружит.
Я танцую с тобой,
а на самом-то деле я замер,
И душа, улыбаясь —
печалится, плачет и тужит.

ИКОНОКРАДЫ

На проселке прислонюсь к березе,
Путник с облаками на висках.
Скрип саней далеких на морозе...
Дух дороги, тающей в веках...
За коня полцарства отдавали,
Нежно целовали звездный лоб.
Если прежде лошадь воровали —
Конокрада загоняли в гроб.
Где те кони, где те конокрады,
Ты про то у времени спроси.
Нынче завелись иконокрады
Вместо конокрадов на Руси.
Рыщут по России бедоносцы.
Ан с иконы среди бела дня
У Егория Победоносца
Не свести им белого коня.
Но они смекалисты, смекают...
На лихой машине белым днем
У старухи древней умыкают
Самого Егория с конем.
Эти наших дней золоторотцы,
И христородавцы наших дней
«Битву суздальцев и новгородцев»
Умыкнули. И воев, и коней.
Как они в России наблудили,
Как она безбожна, эта «страсть».
Прежде на Руси коней сводили,
Нынче память норовят украсть.
И клоню я лоб свой некрещеный,
Сам причастный к суете людской,
Пред избой, где выкрали иконы,
Древней бабкой и ее тоской.
Сердцу моему под небом отчим
До креста бубенчиком греметь.
Нам ведь не судьба, как разным прочим,
Запасную родину иметь.
И горюют где-нибудь за морем,
Об извечной позабыв борьбе,
Белый конь, и Змий, и сам Егорий
О родимой бабкиной избе.

СТАРЫЕ БЕРЕЗЫ

Пропадает береза от стужи,
Видно, холод ей корни спалил.
Ты бы кликнула, старая, мужа
Чтобы эту березу спилил.
На корню ведь она пропадает,
Неужели зазря пропадет?
Пусть хоть в печке свое страдает,
На березовый жар изойдет.
Только муж твой порою военной
Запропал на чужой стороне.
Не помощник тебе убиенный,
Не докличешься даже во сне.
Пропадает береза у тына,
Это холод березу сгубил.
Позвала бы ты, бабушка, сына,
Чтоб свалить он ее пособил.
Постарался бы сын, потрудился,
Чтобы мать отогреться смогла.
Только сын и на свет не родился,
Ночь твоя — предвоенной была.
Люди добрые бабушку любят.
Стороной обойдет лиходей.
Но и самые добрые люди
Не заменят любимых людей.
Муж ей видится в каждом солдате.
Чьи-то дети мамашей зовут.
В старом сердце, как в старенькой хате,
Неживой с нерожденным живут.
Под березой старуха вздыхает:
Долгожданный березы любил...
Пропадает она, засыхает,
Лютый холод ей корни сгубил

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Не догнать мне тряпичного мячика,
Что мальчонкой у светлой реки
Я забросил в цветы мать-и-мачехи,
В золотые ее огоньки.
Жизнь большая, желанная, взрослая
В путь-дорогу меня позвала.
Только помнится мне: и на расстанях
Мать-и-мачеха тоже была.
Та девочка, с косою до пояса,
Помахала мне вслед и ушла...
Мать-и-мачеха следом за поездом
По России за мной побрела.
А дорога мне выпала долгая.
Но куда бы она ни вела, —
Целиною, тайгою и Волгою
Мать-и-мачеха рядышком шла.
И когда горевал я, разнюнившись,
И дурил, закусив удила, —
Мать-и-мачеха лишь, пригорюнившись,
И страдала со мной и ждала.
И когда я хватался, как маленький,
За листок немудреной резьбы, —
Был он ласковой рук милой маменьки
И шершавей ладоней судьбы.
Лгали ангелы мне криводушные.
И друзья предавали меня,
Но целила избитую душу мне
Мать-и-мачеха, верность храня.
Это сколько ж протопано мальчишком
До того, как он стал понимать:
Это доля моя — мать и мачеха.
Это Русь мать и мачеха... Мать...
Быть мне вечным бродягой, беспечному,
А улягусь лицом на восток, —
Надо мною лампадкою вечною
Мать-и-мачехи вспыхнет цветок.

ЦВЕТОК КАРТОШКИ

Все расцветает в мире, как всегда,
Шмели в цветах медовых важно роятся.
А я все ожидаю: ну когда
Цветок картошки на Руси раскроется.
В ладонях коренастого куста
Затеплится смущенное свечение.
Как будто приоткроет красота
Великое свое предназначение.
Когда рванулcя Запад на Восток,
И мир дрожал от столкновенья грозного —
Железный Рур расшибся о цветок,
Цветок картошки с полюшка колхозного.
Землей родимой пахнет от него,
Не гож он для букетика продажного,
Но от цветенья скромного того —
Светлей в России на душе у каждого.
Росли мы на картошке — я и ты,
Ее земная сила в наших мускулах.
Ну вот и все о смысле красоты,
И о цветке картошки с поля русского.

ЖУРАВЕЙ

Жил в болотах журавль
Долгоногий, красивый и гордый.
Но по прихоти странной,
Закон нерушимый нарушив,
Бог тому журавлю
Подарил соловьиное горло,
И безбожным подарком
Смутил журавлиную душу.
Перелетная птица —
Журавль охладел к перелетам,
И царевен-лягушек
На вкус различать перестал он.
В журавлиной судьбе
Перемешаны небо с болотом,
И однажды — об этом
Дурным соловьем засвистал он.
Перелетная стая летает,
А странный — витает...
Крепким клювом вожак
Вразумляет его не случайно,
Но журавль только клюковки
Собственной крови глотает,
И орет соловьем,
Выдает журавлиные тайны.
Захотелось ему
Высоту заменить глубиною,
Но родимая стая
Все тащит его в поднебесье.
А в болотной воде
Отражается небо иное,
Там летят журавли
Что поют соловьиные песни.
Журавлю полететь
В отраженное небо охота.
Может быть, по-особому
Счастлив в глубинах летящий.
Но ему ли забыть,
Что вода из родного болота
Родниковой воды
Долговечнее, чище и слаще.
Перелетная птица —
И я охладил к перелетам.
От высокого неба
Я крыльями лишь отбиваюсь,
И как странный журавль
На просторах родного болота
Между небом и грязью
Шальным соловьем заливаюсь.

Станислав Десятков — новгородец, доктор исторических наук, профессор, член Союза писателей России, автор нескольких прекрасных исторических романов. «Жизнь Званская» — его новая работа.

Станислав Десятков

ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Боле 40 лет минуло с тех памятных гуляний на валдайских подставах, а вот, поди же, как цепка старческая память к своему бывшему молодчеству.

Важный барин в шлафроке даже зажмурился от удовольствия, вспомнив румянощеку красавицу Любашу: "И я ведь, Любаша, давно тебе ту измену простил!" — Гаврила Романович улыбнулся давнейшему воспоминанию, перекрестился, встал с кресел, подошел к перилам балкона и еще раз с приятством обозрел нарядный летний сад, спускавшийся к Волхову, дальние заречные просторы, на которых живописно паслись званские стада и где прыгали и резвились на густой траве молодые бычки.

"Вот так и мы в младости прыгаем и резвимся, зато в старости в охотку многие любезности вспоминаем!" — Державин снова прикрыл вежды под теплыми солнечными лучами. Слышал, как ровно стучит на берегу моль-машина на ткацкой фабрике (машину ту Дарья Алексеевна выписала из Англии и заменила оной сотню прях), ровно жужжит водяная лесопилка, добродушно пыхтит паровая мельница, доставленная из Петербурга. Что и говорить, вторая его супружница, Дарья Алексеевна, хозяйка была рачительная и оборотистая — Званка при ней расцвела.

— Пожалуйте, барин, одеваться к завтраку! На ваши именины ныне много гостей пожалуют, а сам преосвященный, отец Евгений, — камердинер Кондратий человек набожный из всех многочисленных гостей Державина более всего одобрял дружбу барина с епископом Старорусским и Новгородским викарием Евгением, — уже в гостиную чай купают!

Сам Кондратий охотно сопровождал барина, когда тот посещал викария в Хутыньском монастыре, что от Званки лежал в сорока верстах. Кондратий ездил туда как бы на богомолье и, пока барин беседовал с отцом Евгением о высокой поэзии, камердинер от чистого сердца отстаивал долгие службы в монастырском соборе.

Сейчас преосвященный Евгений и впрямь уже сидел за столом вместе с хозяйкой, окруженной своей многочисленной женской родней: сестрицами Бакуниными и тремя племянницами Львовыми — Лизой, Верой и Парашей. Марья Алексеевна Львова недавно скончалась, и все три девушки оказались на попечении тетки. Державин с порога с удовольствием оглядел их хорошенькие мордашки — к юной красе он по-прежнему был равнодушен, и временами почитал себя российским Анакреоном. В честь именин выражен он был сегодня в сенаторский мундир, украшенный орденами, хотя, по правде сказать, уже четвертый год как ушел в отставку с поста министра юстиции и весело зажил в Званке, не ведая боле никаких тягот государственной служ-

бы. Поначалу ему было как-то непривычно жить без вечных государственных забот и хлопот, но потом сие оказалось и приятно, и удобно. Он мог теперь прочесть все непрочитанные книги и осуществить все свои пиитические замыслы (писал он сразу 3-4 произведения и ничего, получалось). Ежели он умер для государственной службы, то для общества Державин конечно же не умер и по-прежнему почитался самым знаменитым поэтом России. Писал он не токмо важные оды, но и вольные песни, и весь Петербург распевал, к примеру, его последнюю анакреотическую песенку.

Если б милые девицы

Так могли летать, как птицы,

И садились на сучках:

Я желал бы быть сучочком,

Чтобы тысячам девочкам,

На моих сидеть ветвах...

Важный Капнист выговаривал ему за нескладную рифму, горячился и сердился, что "девочкам" никак не звучит, но Гаврила Романович сам слышал тот крестьянский говорок в своей милой Званке, поскольку был участником всех деревенских празднеств и посиделок.

— Что ж ты запоздал, именинник?! — Дарья Алексеевна, привстав, прошуршала платьем с высоко поднятым лифом. Платье, отметил про себя Гаврила Романович, было по самой последней парижской моде. Да и прическа у супруги яко у Жозефинки, женки Буонапарте, — веселая с кудряшками. Но лицо у супружницы даже сейчас озабоченное, деловое, с сильным мужским подбородком — наверняка забежала уже в контору, проверила счета. Только вот глаза сегодня у Милены ласковые, и даже бесовской блеск мелькнул, когда она обозрела своего супруга.

В екатерининском парадном мундире, затянутом голубой лентой ордена Александра Невского, отставной министр в свои 64 года был еще мужчиной в полном соку.

— Временами еще и приставала несносный! — усмехнулась про себя Дарья Алексеевна, отметив у именинника боевой задор и пламенный взор, который ее старик бросил невзначай на веселую голубоглазую вдову Наталью Алексеевну Колтовскую, пошедшую к имениннику с поздравлением и преподнесшую ему книжечку модного французского пииты Шатобриана «Гений христианства».

Меж тем, три веселых племянницы (старшей Лизаньке всего девятнадцать, младшей — четырнадцать) защелбетами, как птички, и поднесли дядюшке букеты полевых цветов, собранных ими в то погожее июльское утро.

Вслед за ними подошел и друг любезный Евгений и вручил недавно изданный его тщанием «Новгородский летописец».

Именинник поцеловал знатную гостью в смеющиеся губы, племянниц почтил поцелуем в лоб, а у отца Евгения поцеловал, яко у духовной персоны, руку, сказал громко: "Спасибо, отче, за сей Летописец, давно я древнюю новгородскую историю хотел познать. Недаром мне сегодня Новгород вспоминался!"

За столом разговор само собой пошел о недавних неожиданных событиях: полном разгроме русского войска под Фридландом и скором Тильзитском мире с Буонапарте.

— Это все немчура проклятая, Бенитсен, под

Фридландом напутал. Надо же, сообразил, поставил все войско тылом к реке. Сам пригласил французов сбросить наших героев в воды Стикса! — загорячился Гаврила Романович. В нем снова проснулся воин — ведь и с воинской службы на статскую гвардии поручик Державин перешел не по своей воле и не сразу, а из-за происков придворных фаворитов.

— Да и с миром Тильзитским поспешили! — поддержал его обычно тихий Евгений. — Вот погодите, явится еще к нам Буонапарте со двенадцатью языками!

— А по-моему, мир с императором Наполеоном — самое нужное дело. И прав наш Александр Благословенный, заключив скорый мир с французами. Теперь и я смогу в Париж съездить. Не то надо же, до тридцати лет дожидаться, а Парижа еще не видывала! — кокетливо надула губки госпожа Колтовская.

"Цирцея, истая Цирцея, — любого мужчину в простого скота превращает!" — подумал про себя Гаврила Романович, а на словах рассыпался в новых комплиментах голубоглазой блондинке.

После завтрака все общество, кроме хозяйки, хлопочущей о праздничном обеде, пошло в сад. Отец Евгений учил девушек различать травы, собирать гербарии. Гаврила Романович с Натальей Алексеевной приотстали, завернули к уединенной беседке, стоявшей на отдельном холме у берега Волхова.

— Местные мужики сказывали, что на сем холме похоронен волхов-колдун, в честь коего и река Волховым именуется! — пояснил Гаврила Романович гостье.

Колтовская улыбнулась лукаво, сверкнула голубизной очей:

— Да вы и сами, мой друг, не тот ли колдун-волхов? Стихи ваши чаруют! — И прочитала пылко:

Воздух свежестью своею
Ей спешит благоухать;
Травки смятые под нею,
Не хотели восставать;
Где я очи голубыя
Небесам подобно зрел
С коих стрелы огневья
В грудь бросал мне злобный Лель.

Да, голубые глазки Натальи свели в свой час с ума даже императора Павла. Попутно же задела онье и обер-прокурора сената Державина, крепко помогшего тогда красавице при ее тяжбе с родней покойного г-на Колтовского из-за мужниного наследства. Наталья Алексеевна, впрочем, умела быть благодарна. Прошлым летом сама здесь, в Званке, завела его в поле и упалав копыту свежего сена, отдалась со страстью.

Но стоило Гавриле Романовичу закатиться зимою к ней в Петербурге, как приняла по-ледяному — да и то сказать, рядом с ней в петербургской гостиной уже красавчик шевалье-француз на часах стоял. Ныне же, по слухам, шевалье в Париж ускакал, вот красавица Наталья опять в Званку пожаловала. "Люблю, — призналась, — тебя, мой пиит, за твои анакреотические песенки!" "Не за оды, а за песенки любит! Цирцея — истая Цирцея!" Вот и сейчас он не выдержал, стал целовать вишневый смеющийся рот. Красавица не противилась. И вдруг раздался далекий женский окрик: "Гаврила Романович! Где ты? К тебе еще гость пожаловал!" — Сомнений не было — звала жена.

— Что ж ты напугался, Гаврилион? — понасмешничала Колтовская.

— Не испугался, а того шевалье вашего вспомнил.

Ведь вы, почитаю, и в Париж-то из-за него поспешаете? — по переменившемуся лицу красотки понял, что нечаянно угадал. Но встал с колен без обиды и поспешил на зов верной супруги.

В холодной парадной зале красовался сухонький генералишка, тощие ляжки которого обтягивали новомодные лосины. Ежели императору Александру кавалергардские лосины очень шли, то на его любимце графе Аракчееве они гляделись просто нелепо.

С графом Аракчеевым Гаврила Романович был знаком еще по двору императора Павла. Затем, когда Павел подарил своему любимцу именье Грузино, что на другом берегу Волхова, в девяти верстах от Званки, они стали соседями. Но соседями недобрыми, понеже Аракчеев тотчас завел с Державиным тяжбу из-за какого-то прибрежного лужка. В сильный разлив Волхова лужок тот превращается в никому ненужное болото, но Аракчеев все хотел то болото прихватить, просто так, из-за врожденной злобы, а Державин, в свой черед, упрямылся, поскольку терпеть не мог этого солдафона и мастера плац-парадов.

В начале царствования Александра звезда павловского фаворита, казалось, совсем закатилась, а Державин меж тем стал министром юстиции. Аракчеев, узнав о недавнем назначении своего соседа, тяжбу с ним тотчас прекратил. Но прямодушный Гаврила Романович не пробыл на своем министерском посту и 13 месяцев, — так как не принял известное лукавство Александра I. Даже несравненная Фелица, премудрая Екатерина, и та не таила в душе столько обмана, сколько ее внук. Аракчеев, меж тем, хотя и имел от Павла гербовый девиз «без лести предаи», льстил молодому императору без меры и, поди же, стал еще большим любимцем у сына, нежели у отца. Александр I доверил своему фавориту распоряжаться всей артиллерией, назначив его генерал-инспектором столь грозного рода оружия. И Аракчеев тотчас возобновил тяжбу с соседом.

Теперь же прискакал он из самого Тильзита и, надо же, заявился на именины незванным гостем.

— Я, Гаврила Романович, попросту, по-соседски! Услышал, что у Вас именины, и решил Вам подарок сделать: уступаю, так и быть, тот лужок вам!

— А мне, граф, подарки не нужны! — рассердился вдруг Гаврила Романович. — И лужок тот Дарье Алексеевне по закону принадлежит, а не из вашей милости!

Аракчеев окаменел лицом, но сдержался, вспомнив поручение своего молодого благодателя Александра: узнать, какое впечатление Фридланд и Тильзит произвели на местных дворян, и тут же сообщить в Петербург. Император Александр очень был обеспокоен слухами, что Тильзитский мир дворянство российское уже именует позорным. А, помня жестокую судьбу и деда своего, и отца, Александр Павлович мнением дворянства всегда интересовался.

— У Державина же все окрестные помещики на именины соберутся, и разговоры у пииты после рюмки-другой будут самые волные! — И хотя хотелось спесивому новоявленному графу выйти вон от опального вельможи, но ради службы благодетелю Аракчеев сдержался (служил он не России, а токмо дому Романовых). А тут и Дарья Алексеевна подлетела, позвала с лаской: прошу за стол, граф, прошу за стол! И хотя именинник и бросал на нее грозные взоры, усадила-таки Аракчеева, как почетного гостя, по правую руку от именинника (по левую сидел Евгений).

Впрочем, гнев именинника на хозяйку сменился на милость, когда Гаврила Романович оглядел пышный стол.

Преосвященный Евгений весело улыбнулся в густую черную бородку и, поднимая тост за именинника, вдруг громогласно прочел:

Бьет полдни час, рабы к столу служить бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.

Я озреваю стол и вижу разных блюд

Цветник, поставленный узором:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь-икра, и с голубым пером

Там шука пестрая прекрасны!

— Фламандец! Рубенс! Истый фламандец! — звонко прервал чтение тучный молодой человек, ранее представленный хозяином яко известный сочинитель комедий Иван Андреевич Крылов.

Дамы — и сестры Бакунины, и все три племянницы — еще в прихожей тотчас окружили заезжего молодого автора и принялись пытаться, какую новую комедию сочиняет автор «Модной лавки».

Крылов в ответ застенчиво улыбался, переводя взор своих умных и острых глаз с одного хорошенького личика на другое.

— Да не пишет наш удалец боле комедий! Побасенками занялся. Лафонтена и Эзопа переводит, да и сам басни пописывает. Хотя сам Лафонтен у нашего Зоила совсем по-русски звучит. Послушайте, как он лафонтеновского «дровосека» завершает! — и Гаврила Романович прочел с чувством:

Как на свете жить не тошно,

А умирать еще тошней!

— Прямой новый русский Эзоп растет! — строго заключил Державин свои восторги. Вообще молодой литературной пороселью Гаврила Романович увлекался легко и искренне.

Крылов на высокую похвалу знаменитого пииты расплылся такой широкой улыбкой, что его лицо напомнило веселый масляный блин, точнее, колобок из известной сказки. Таким колобком он и вкатился в столовую залу. Как истый гурман, Иван Андреевич наслаждался от души и кухней хозяйки, и званской поэмой.

— Признайся в авторстве, Гаврила Романович! — насел баснописец на хозяина. — Ни за что не поверю, что наш философ-богомалец Евгений столь сочные вирши сложил.

— Ну я, батенька мой, я! — как бы нехотя согласился Державин, но тут же осведомился, — а как отличил-то?

— Да по стилю и отличил, Гаврила Романович! Ты же у нас, что Рубенс — один так широко пишешь! — простоудно отвечивал Крылов, приступая к поросенку с хреном. Литературный порыв баснописца сменился на порыв гастрономический, и он надолго замолк.

— А ведаете, граф, эпиграмку Хвостова на нашего обжору? — шепнул Аракчееву еще один сочинитель, явившийся на державинские именины, — князь Ширинский-Шихматов. Князьюшка почитал себя учеником Гаврилы Романовича в высоком искусстве оды, но баловался и пьесками и жгуче завидовал славе Ивана Крылова как модного драматурга.

— Прочти, братец! — Аракчеев подставил к сидевшему справа от него язвительному князю свое волосатое ухо. Ширинский-Шихматов зашептал громко, но так чтобы все слышали:

Небритый и нечесаный,

Взвалившись на диван,

Как будто неотесанный

Какой-нибудь чурбан,

Лежит совсем разбросанный,

Зоил Крылов Иван:

Обелся он или пьян!

— Ха-ха-ха! — когда Аракчеев смеялся, казалось, что стреляет пушка. Как знать, может за то он и был определен генерал-инспектором российской артиллерии.

Гаврила Романович сурово покосился на веселящегося генерала и неожиданно предложил обществу самому прочесть некие вирши.

— Просим, Гаврила Романович, просим! — жеманно заверещала Колтовская. Остальные дамы поддерживали её. Одна Дарья Алексеевна глядела на поднявшегося во весь рост супруга не без подозрения — ждала от него какой-нибудь озорной выходки. Впрочем, человек сухой и практический, она, как ни странно, и любила своего благоверного за это вот мальчишество и вечную юность. И посему, хотя вся и насторожилась, но в то же время в душе ликовала: ох и ударит сейчас мой Гаврила по этому неучтивцу-временщику, кой и за столом в Званке ведет себя яко в артиллерийской казарме.

Гаврила Романович тем временем важно поправил голубую ленту Александра Невского, опоясывающую его дорожное брюхо, и, обернувшись к Аракчееву, выпалил, как ожег:

Осел останется ослом,

Хотя осыпь его звездами;

Где должно действовать умом,

Он только хлопает ушами.

О! Тщетно счастья рука

Против естественного чина,

Безумца радит в господина,

Или в шумиху дурака!

Державин так же внезапно, как и начал, прервал чтение и опустил в кресла.

За столом словно тихий ангел пролетел — все смолкли, ведаая, что вирши сии имеют прямое название «Вельможе». Знал о том и Аракчеев. Его узкое, как перочинный ножик, лицо налилось кровью, так что ещё боле проступили на нем огненно рыжие веснушки.

«Ох, зря я к этому спесивцу заехал! — еще раз тоскливо мелькнуло в голове графа, представившего себе, как по всем салонам Петербурга разнесут сей стихотворный экспромт. — Знал ведь, что Державин самому императору Павлу смел перечить, так нет, не доверился предчувствию, поехал к соседу похвастанье своим новым чином. И к кому явился-то, к какому-то пиите!» Алексей Андреевич без усилия прогнал краску с лица, принял свое обычное и бесстрастное выражение и важно стал объяснять Ширинскому-Шихматову расположение русских и французских войск под Фридрихсгофом.

— Полагаю, успею подойти наш резерв и подать сикурс Бенигсену, безусловно, герой Прейсиш-Эйлау сумел бы прорвать фронт французов и под Фридрихсгофом!

— Резерв, сикурс... А, может, вашему Бенигсену лучше бы «ерофеича» рюмку-другую до баталии пропустить. Тогда бы и сообразил немец, что нельзя давать баталию, имея позади себя реку! — громко и отважно возгласил с нижнего конца стола доктор и письмоводитель поэта Аврамов.

Евстафий Аврамов служил когда-то полковым лекарем в войсках самого Суворова, совершил с оным Италийский поход и переход через Альпы, и с тех пор почитал себя великим знатоком во всех воинских экзерцициях. Водился, правда, за ним один грех: после десятой рюмки заветного «ерофеича», которую безропотно наливала ему его званская подруга, ключница Державиных Анисья Сидоровна, становился лекарь до отчаянности смел и говорить мог токмо о Суворове.

Но откуда сие было знать графу Аракчееву. Он

одно понял: сперва его оскорблял хозяин, теперь слуга.

Меж тем, под благосклонным державинским взором старик доктор приблизился к именинику и поднял рюмку со все тем же пользительным «ерофеичем».

— Позвольте, Гаврила Романович, на ваших именинах я вашего великого покойного друга помню — Александра Васильевича Суворова! — При том докторишка осмелился обернуться, бесстрашно встретил колючий аракчеевский взгляд и бросил небрежно, — Суворов не Бенигсен! Ему под Измаилом никакого сикурса не потребовалось!

— Помянем Александра Васильевича! Все знаем — сгубили его не отважные неприятели, а придворные козни! — охотно поднял свой бокал Державин.

И это тоже был камешек в его, Аракчеева, огород! Гостям за столом было отлично ведомо, что среди придворных гонителей Суворова числился и он, Аракчеев, тогдашний фаворит императора Павла.

Тем временем вскочил из-за стола девятнадцатилетний восторженный поэт, с несколько взлохмаченной по-новомодному прической «a la Tur», и звонким юношеским голосом стал декламировать державинского «Снигиря»:

Что ты заводишь песню военну,
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.
Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью россиян все побеждать?

Аракчеев знал, каким гневом воспылал когда-то покойный император Павел, когда до него дошли сии вирши неблагонамеренного барда. Ведь генералиссимус Суворов накануне своей кончины пребывал в тяжкой опале и только из-за болезни его не выслали снова в Кончанское. Полиция наблюдала за домом опального полководца денно и нощно и доносила о всех немногих его посетителях, среди коих первым был сей неумолимый обличитель вельмож, Гаврила Державин. В глубине души граф всегда не мог понять своего благодетеля императора Павла: почему, отправив в свое время в ссылку Суворова, император не отправил следом и его дружка барда Державина.

И забыв, что он не у себя в военной канцелярии, а за столом у поэта, Аракчеев вдруг строго, поначальнически спросил Гаврилу Романовича: "Что это у тебя какой-то молокосос стишки без просьбы читает?" Гаврила Романович отвечал фавориту с чисто поэтической презрительностью: "Сие не молокосос, граф, а новый любимец муз - Степан Петрович Жихарев. Написал недавно целую трагедию в стихах о несчастном полководце Артабане. Полагаю, после Фридриха и Тильзита у нас самое время сочинять не оды, а трагедии".

Гаврила Романович поднял тяжелые кустистые ветви и в упор уставился на Аракчеева столь гневным пламенным взором, унять который ласковой улыбкой умела когда-то только единственная его державная повелительница Фелица - она же императрица Екатерина Великая.

А меж тем, молодой поэт с горестной выразительностью закончил декламацию:

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! - что воевать?

Женское общество шумно зааплодировало молодому красавцу, а Аракчеев вдруг, яко вихор, сорвался из-за стола и бросился в переднюю.

— Совсем забыл-с! У меня в Петербурге срочное дело! — бросил он на ходу Дарье Алексеевне. И злобно добавил, — а что до тяжбы, так что ж! Коль Гаврила Романович мириться не хочет, продолжим и дале тяжбу! Токмо зря ваш муж на законы империи надеется - в нынешних кондиденциях не я под законами, а законы подо мной ходят!

В ответ Дарья Алексеевна гордо повернулась к соседу спиной и небрежно приказала: "Кондратий, проводи графа! Да посмотри, чтоб не зашибся как под Фридрихом!" Когда Дарья Алексеевна отставляла дипломатию в сторону, она была куда как остра на язык.

В столовой же, после ухода Аракчеева, Иван Крылов вдруг оторвался от кушаний и, как бы между прочим, заметил: "А ведь прав ты, Гаврила Романович! Осел останется ослом, хотя осыпь его звездами!" И весь стол грохнул от смеха. Смеялся даже князь Ширинский-Шихматов.

После тройной монастырской ухи, за курицей с шампиньонами Гаврила Романович любезно отвечал отцу Евгению на его ученые вопросы. Повгородский викарий составлял ныне словарь русских писателей и, дойдя до буквы "Д", само собой посетил Державина.

С той прошлой осени они и подружились, и Державин всегда охотно давал отцу Евгению все пояснения, как по литературе, так и по своей жизни.

— А правда ли, Гаврила Романович, что это вы сочинили посмертную надпись над могильным камнем князя Итальянского? — Болховитинов спрашивал тихо, но за столом все его услышали и затихли. Всякому хотелось услышать рассказ очевидца о последних днях знаменитого полководца.

— И то правда, отче, я Александру Васильевичу эпитафию еще при жизни его и сочинил. Спросил князь меня за неделю до кончины: "А что, Гаврила Романович, ты в эпитафии-то моей поставишь?" Я глянул на его исхудавший лик, ведь я Суворова еще молодым помнил, когда мы с ним по заволжским степям за Пугачевым гонялись, слезу сдержал и сказал: "Тут, Александр Васильевич, и придумать нечего. На камне твоим погребальном напишем просто: «Здесь лежит Суворов!» Ведь даже из гроба ты одним своим именем будешь оборонять Россию».

— Так выпьем за самых славных сынов России: Суворова и Державина! — снова вскочил восторженный молодой пиита.

Гаврила Романович улыбнулся горячности юноши, но бокал поднял и сделал некий знак Аврамову. И по знаку тому ударили салют шесть старинных екатерининских пушек, а домашний оркестр на хорах грянул марш Безгородко. Отдав салют, Аврамов подошел к автору Артабана и расцеловал его сначала в одну щеку, затем в другую, объявив громогласно: "Сей поцелуй за Суворова! Сей за Державина! Каждый из них венчал славою Россию!" И крикнув, выпил подряд две рюмки «ерофеича», после чего удалился в сад устраивать фейерверк.

Гости же под марш «Гром победы, раздавайся, веселися, славный росс!» — проследовали в гостиную, где молодежь начала танцы.

В Новгороде, на одном из домов Прусской (Желябова) улицы, есть мемориальная доска: «Здесь жил и работал писатель Леонид Иванович Воробьев...»

Л.И. Воробьева (1932–1976 г.г.), автора 19-и книг, помнят многие новгородцы. Не забыли Леонида Ивановича и мы.

Леонид Воробьев

ЗЕМНОЙ ЗАКОН

РАНО УТРОМ, двадцать первого мая, в день Ивана Богослова, бабка Настя, которую по деревне все звали Настёна, встала с кровати и начала собираться.

Последнее время она чувствовала себя все слабей, от природы худенькое ее тело и лицо еще больше похудели, словно бы усохли. Она собиралась медленно, неверными движениями отыскивая и надевая на себя праздничную одежду. Повязалась беленьким платочком и пошла к дверям.

Племянница Галина только что пришла с утренней дойки. Жили они в просторном доме вдвоем, пятеро детей Настены давно разъехались по городам. Галина с недоумением и почти с испугом смотрела на Настенины сборы. Потом спросила:

— Куда налажаешься? Доктор сколько раз лежать велел.

— Надо! — звонко ответила Настена.

Удивительно прозвучал ее голос, чудесно сохранившийся молодым. Не верилось, что может так звучно говорить старуха.

— Если к фельдшеру, так я сбегаю, — забеспокоилась Галина. И пряча глаза — неудобно ей было такое говорить — предложила:

— Могу и к попу сходить, если надо. Только не броди сама, нельзя ведь тебе.

— Поп мне ни к чему, — сказала Настена. — Ему до моих дел интереса нет. А если бог есть, то он и так, без исповеди, все про меня знает. Срочное дело пошла исправлять. Шибко нехорошо мне. Надо сделать, пока смогаю.

Она выбралась из дома, насквозь просвеченного солнцем, потому что был он окнами на зарю, осторожно спустилась с высокого крыльца и, подобрав во дворе палку для подмоги ногам, двинулась по задам тропинкой, ведущей в соседнюю деревню Бережок.

Утро было тихое, ласковое, уже сейчас теплое и обещающее жаркий день. Распустились все деревья и кусты, кругом все зеленело и радовало сердце. Скворцы и воробьи перелетали с тына на тын, бойко скакали по грядкам усадов. Звенел где-то в стороне и вверх жаворонок. Мычало стадо на пастбище, радуясь воле и первой траве. Было тепло, но Настена застегнула на все пуговицы теплую кофту: она все мерзла зиму и весну.

До Бережка добралась на удивление быстро, давно так не хаживала. Прошла к дому, крашеному в голубой цвет с белыми наличниками у окон, и зашла внутрь.

В большой комнате у стола сидел широкоплечий мужчина с кудрявой головой и круглым лицом.

— Настена? — удивился он. — Откуда правнисься? Ну, проходи, садись.

— Здравствуешь, Михаил, — сказала Настена. — Сидеть мне некогда. Чувствую себя худо, домой надо вернуться. По делу я. Дома у тебя боле никого нет?

— Никого, — ответил Михаил, зачем-то поглядев в кухню. — Никого, — повторил он и встал, оказавшись очень высоким, почти под потолок.

— Дак вот что, — звонким своим голосом начала Настена. — Жить мне пустяк осталось, а в могилу с собой это унести не хочу. Когда ты эдак с Антониной поступил, а потом от тебя ни слуху, ни духу не предвиделось, она — сам знаешь — уехала. Теперь — тоже знаешь — померла. Дак вот, есть у тебя, Михаил, дочка. — Настена помолчала. — Твоя дочка. Одна я знаю. Знал еще один человек, да помер. Антонина шибко меня просила не говорить, я молчала. А больше молчать мне нельзя. Сердце не велит.

— А-а где она? — глухо и растерянно спросил Михаил, опять опустившись на стул.

— В Кандалакше ищи, у Антониной родни. Зовут Вaley. Не осуждай. Слово я держать была должна. Пойду, некогда мне.

Она почти поясным поклоном попрощалась с Михаилом, еще не пришедшим в себя и ошеломленно глядевшим на нее, затем вышла. И уже мелконько шагала на другой конец деревни, к другому дому.

И этот дом был не заперт ни снаружи, ни изнутри: не от кого было тут запираяться, далекими от больших центров остались эти деревни, и лихого человека не опасались; не было никакого ему соблазна пробираться сюда. Настена без стука открыла дверь, ступила за порог. И этот дом был светел и чист. Но здесь за столом сидели мужчина и женщина, завтракали.

— А-а, Настена, — улыбнулась женщина. — Садись к столу. Похлебай с нами.

— Говорили, очень болеешь ты, — вступил мужчина. — Или врал?

— Болею, — ответила Настена. — В груди всё жмет. Шибко скудалась. Болею. Да вот дело лежать не велит. А есть я не хочу. Завтракайте, обожду.

Она села на краешек стула, поданного ей, выпрямив спину и сложив на коленях руки. Хозяйка ела, а она с молчаливым одобрением смотрела на них, как они ели, не торопясь, не жадничая, истово, с уважением к пище. Разглядывала шкаф с книгами, телевизор. Долго смотрела на картину на стене, где был изображен большой арбуз на тарелке, а вокруг него — разные фрукты.

От ходьбы у нее выступили на скулах яркие пятна румянца, но большая часть лица оставалась бледной, восковой. Только глаза, не выпуклые, карие, поблескивали, как у молодой.

— Слушаю тебя, — сказал, наконец, мужчина, обращаясь к ней. — Чем могу быть полезен тебе, Настена?

Был он немолод, одноглаз, но выглядел подтянуто: побрит, причесан.

— Ольга, — сказала вдруг Настена, — оставь-ка нас двоих. Выйди на немного.

— Это можно, — сказала Ольга, переглянувшись с мужем и улыбнувшись. — Только уговор: не отбивать его у меня. А то куда я без него? — проговорила она, уже переступая порог.

— Ну, давай, секретничай, — предложил мужчина.
— Дело у меня к тебе, Роман Алексеич, недолгое, но серьезное, — враз посуровела Настена. — Есть перед тобой, как хочешь суди, моя вина.

— Не думаю, — засмеялся мужчина. — Ни перед кем-то ты, я считаю, не виновата. Знаю я тебя всю жизнь.

— Есть, — твердо повторила Настена и, глядя в сторону, продолжила: — Тебя посадили ни за что, потом билитировали. Так я ведь знаю, кто на тебя наклеветал. Точно знаю. Кирилл, вот кто!

Несколько минут в комнате царило молчание. Только кот помурлыкивал на постели.

— Вообще-то и я это предполагал, — наконец, словно нехотя, сообщил Роман Алексеич. — Только мне непонятно, почему ты сейчас мне это говоришь?

— А я раньше, Роман Алексеич, боялась, — тихо проговорила Настена. — Всего боялась. И Кирилла боялась. И тебе говорить: характер твой отчаянный знаю. А подошел такой срок, когда ничего не боюсь. И молчать не могу.

— Другие-то кто знают? — спросил Роман Алексеич.

— Может и знают, — Настена поднялась со стула. — Но до других мне дела нет. У меня своя совесть, она чистой остаться должна. Помру я скоро.

— Ну, брось, — начал говорить Роман Алексеич, провожая её. — Не напускай на себя. Этак хуже разболеешься. Не смей и думать. Доктора вызови.

— Десять раз он уж у меня был, — ответила Настена. — Толку нет, чую — не жилец я. Из памяти иной раз выпадаю. Сегодня вот голова чистая, ясно всё. Ну, прощай, не обессудь...

Она прошагала мимо огорода, увидела в нем Ольгу и крикнула ей:

— Иди! Забирай своего. Никак не уговорила. Не позарился он на меня. Ольгу, говорит, люблю.

Ольга махнула ей рукой, и Настена двинулась обратно, к своей деревне.

Теперь идти было тяжелей. И приустала она, и тревожил предстоящий разговор.

Этого захода она страшилась. И хоть решилась давно, если будет совсем плохо — сходить, но шла неуверенно. Сердце билось часто. А, может, от ходьбы растрепотилось оно, от пьянящего запаха молодой полевой листвы, от обилия свежего воздуха... Давно по столько не хаживала Настена.

Дом был вторым от начала деревни, расположился в том же порядке, что и Настенин. И заходить не надо было: Зоя стояла на крыльце, бросала корм курам. Стояла она прямо, а Настена сгорбилась, опершись обеими руками на палку: здесь и присесть было негде.

— Здравствуешь, — сказала Настена. И четкий голос ее как-то надтреснулся, стал хрипловатым.

— Здравствуй, — сухо ответила Зоя.

— Что я сказать хочу, — с трудом начала Настена, оглянувшись: не слышит ли кто. — Помираю я. Скоро уже...

— Поживешь еще, — не обнадеживая и не успокаивая, безразлично проговорила Зоя.

— Помираю, — упрямо повторила Настена. — И сказать тебе должна, сколь ни тяжело... Я не какая-нибудь варахобина. Жизнь человеком прожила, никто не осуждал. Человеком и помереть хочу. Вина у меня перед тобой большая: любила я твоего Ивана. Настена замолчала. Молчала и Зоя. Кокотали

куры. А кругом было тихо, только слышались тракторы в полях.

— Очень любила, — совсем почти шепотом продолжала Настена. — Я не какая-нибудь... Я своему верная была. А как прошло столько времени после того, как убили, не выдержала... Согрешила я, Зоя...

Снова наступило молчание. Потом Зоя скупно сказала:

— Знаю я. Покаялся.

— Я не к тому, — заторопилась Настена. — Не подумай, что берeditь пришла. Невмоготу мне. Не могу так уйти, не покаявшись.

Помолчала и еще добавила:

— Коли можешь — прости. Не можешь — плюнь в глаза или ударь. Стерплю. А сказать я должна.

— Я не поп, — глухо сказала Зоя. — Не мне грехи отпускать. Иди с богом. Я ведь понимаю, что ты его любила. Если б я знала, что ты, как некоторые шевырешки, давно бы тебе глаза выцарапала. А я молчала и терпела. Иди.

Настена поклонилась, как и давеча Михаилу, и засеменила к своему дому.

Майский день разгуливался вовсю. Пробежал ветерок, прошумел деревцами и охолодил Настену. А она плелась еле-еле, и хотя совсем полегчало, совсем отошло на душе, непослушными, ватными были ноги.

«Ой, худо мне, — думала Настена, ой, вовремя я пошла. Потом бы и не сходить».

Она почему-то стала вспоминать, какой сегодня день. И вдруг даже охнула: ведь сегодня Иван был именинником.

Навстречу шли люди, здоровались. Она отвечала. А у самой мысли были где-то далеко. И не мысли, а какие-то отрывочные картины, удивительно цветные и яркие.

Протарахтел навстречу трактор с тележкой, над деревней уходил на снижение шумный самолет, угадывая на дальний аэродром, а Настене в этом шуме и гуле чудились звуки деревенского праздника.

И вдруг, как наяву, увидела она Ивана. Шел он вдоль порядка, но только не такой как перед смертью, а прежний: высокий, красивый и памятный до невозможности, с незастегнутой, как всегда, рубашкой. И на груди у него выколот был такой знакомый якорек.

А она пошла навстречу ему, сами ноги понесли. Пошла, хотя знала, что смотрят на нее люди. И чувствовала, что Зоя где-то рядом, глядит сурово, сердится. Но не могла она не идти, ибо сладкая боль пронзила ей сердце и знала она, что не в силах совладать с собой, не в силах сдержать себя, остановиться.

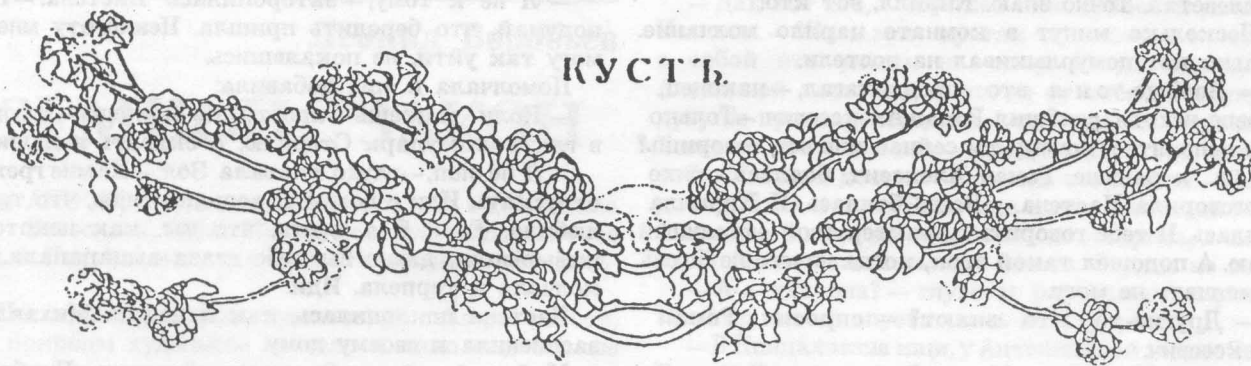
Но не знала она, что уже не идет, а лежит на шелковой майской траве, свернувшись сухоньким комочком, не дойдя всего-то каких-нибудь семи шажков до родного крыльца.

Г. Г. Воробьев

Рассказ опубликован с разрешения В. Д. Воробьевой, вдовы писателя.

Золотое руно. 1906 год, N 7 — 9

КУСТЪ.

Эй, куда вы, Иванъ Ивановичъ?

Но это былъ только Иванушка дурачокъ. Пригнулъ репейникъ подъ вѣтромъ перелетнымъ; бѣлый халатъ взлетѣлъ на немъ пышно, ниспалъ униженно; и тогда между вознесенными въ воздухъ краями халата, разведенными, какъ умоляющія приподнятыя руки, улыбалось небо съ пролетающими облачкомъ; на одной ногѣ бѣгуна старая туфля хлопала сыростью. Обѣ ноги тонули въ песокѣ, какъ пламень красномъ; тутъ вѣтеръ училъ прыгать: всѣмъ травы; ромашки метались, клонились колокольчиковъ липовыя кисти, горящій пурпуръ гвоздики разсыпался въ его глазахъ, когда шаталась гвоздика пьяная. А надъ цветочнымъ радніемъ въ неудержимомъ скокѣ онъ проносился, блѣднѣя и за сердце хватаясь, за усталое сердце свое.

Это онъ воскрешалъ въ городахъ мертвецовъ музыкой сердца, вытаскивалъ трупы подъ струю воздуха бурную. Не могли выдержать токъ воздуха и опять жертвенцы въ свои гроба разбѣжались. Да и бросить города, да и удаль въ поля, въ поля.

Слова динамитомъ усталь начинать, уста разрывные снаряды перестали выбрасывать. Говорить, взять да и замолчать! Замолчать, да и побѣжать! Прозрачные лепестки вѣтра ласково, пышно повѣяли ему бѣлымъ розамъ—теперь, когда онъ бѣжалъ.

Иванушка думалъ.

Какъ, бывало, крали поклонники у него краснорѣчіе—обокрали, какъ, бывало, враги набивали тайкомъ всякой дрянью карманы его, чтобы всякую потомъ дрянь изъ кармановъ да повытаскивать, людямъ на посмѣяніе.

Дуракъ думалъ.

Скакалъ черезъ кочки и рытвины въ колпакѣ да съ вѣтромъ надъ головой переломленной палкой.

Думалъ.

Ахъ, да и взлѣзъ же онъ въ черномъ фракѣ—взлѣзъ

на трибуну; взлѣзъ и кидать имъ цвѣты, оторванные отъ сердца,—цвѣты, которымъ нѣтъ названія: тогда на трибуну—теперь взлѣзъ на земляной горбъ цвѣточный.

Ай, да Иванушка!

Тухлое яйцо однажды кракнуло объ его лобъ; онъ сошелъ съ трибуны въ перемазанномъ фракѣ. Съ тѣхъ поръ въ пиджакѣ ходилъ онъ съ охапкою книгъ подъ мышкой. Тыкать пальцемъ въ страницу, подносить книгу къ толстому носу: „Вѣдь здѣсь же написано“. Но рука толстаго носа прихлопнула однажды его колѣнку, что-то подъ носомъ фыркнуло ему въ ухо: „Чортъ васъ возьми: проповѣдуете тишину среди насъ, тихонь...“ И потащилось оно въ самую глубь сюртучныхъ тушъ, плотно забитыхъ между ручками кресель!

Ай да дуракъ!

Ученое его поприще площадною бранью окончилось; попираетъ площади вѣпоры, городскихъ бивать, раскиная на тумбѣ: „Отречемся отъ стараго міра“.

И отрекли. И четыре стѣны міромъ ему стали новымъ, гдѣ по голубому пятну да ласковому, безотлучно смотрѣвшему изъ окна, пробѣгали тучи, пролетали птицы, ночи и дни. Но когда распахнулась дверь, лучъ сердце ранилъ. Съ сердцемъ пронзеннымъ, съ пронзительнымъ крикомъ несъ онъ вдоль пламеннаго песчаника. Давно уже протоцленный, давно просырѣвшій колпакъ, украденный воздушнымъ токомъ, далеко и глупо прыгать прочь отъ хозяина и безответственно закатился въ яму.

Видѣлъ Иванушка кустъ, танцовавшій въ вѣтрѣ съ далекаго пустыря. Чутко его листовое шевеленіе ухо да сухое, сухое лицо красноватое, корою—загаромъ—покрытое. То листовая его крона безглагольной скорбью возвышалась надъ пространствомъ краснаго песчаника съ коричнево-точно изъ шепи выросшей прямо къ небу, десницею; то ужаленный атакбою поклономъ и тянулся, и никъ онъ къ полямъ съ невольными вздохами, землю лобзая страстно; тер-

зала, жадно царапала землю его на кочках лежащая шуйца, пока листья шипела сердитым шипом меж кожистых пальцев ее.

Вот тѣло блѣдное глухо рухнуло у куста въ песокъ головою—рухнуло передъ кустомъ оно зеленымъ, будто предъ владыкою сихъ мѣстъ опустошенныхъ, гдѣ камни, острыми ребрамъ своими истительно врѣзаясь въ землю, ее багрили проліяннымъ песчанникомъ.

Кустъ возносился бокомъ о бокомъ съ камнемъ. Это былъ одесную поставленный тронъ владыки. И когда упалъ предъ владыкою, росшіе ошую репейники дискантомъ да восклицали: „Не отверзи лица твоего...“ Надъ обездоленнымъ гордо кустъ вознесъ зеленую крону свою приобщать его пустынножительству, точно благолѣпно совершать да царственно обрядъ вѣтропомазанія. Пролить елей вѣтра, пролить свою листовую, пролить свою сладкую о зарѣ пѣсню. Оплеснуть вѣтеръ, и репейники, будто рой пѣснопѣвцевъ юныхъ, свистнули голосисто, испуганно: „Аллилуйя, слава Тебѣ!...“

Простыня золотой пыли, пламенно взвѣянная, ниспала послушно на усталое тѣло дурака; потомъ тиховѣльно кустъ запеленалъ его черной своей тѣнью: исповѣдникъ, отпустивъ грѣхи, такъ накрываетъ мирной епитрахилью, и подъ ней обезсилена кается чья-то душа. Потомъ взялъ кустъ кадило невидимое за вѣтра нити серебряныя; листовыя руки его и воздвигались, и опускались надъ окрестностью, и, звеня мелодично вѣтромъ, кадило дымило росною сыростью. И изъ сырости росной самъ кустъ выросъ пугаломъ дивнымъ; пока издали проходили прохожіе, все вздыхали, все крестились:

„Э, да какой тамъ уродъ выросъ!... Э, да помолимся!“

Зацвѣтало свѣтомъ пространство. День наливался, какъ тяжелое зерно золотого колоса. Острымъ шебнемъ расчесывать тѣлце поутру стеленные волосы, холодный озирая пустырь. Все казалось ему теперь простымъ, безцарственнымъ. Вѣнчанный кустъ надъ оврагомъ сидѣть и вязать прутьями носокъ изъ тумана. Но онъ бросилъ въ оврагъ туманный носокъ, увидя, что гость проснулся. Добродушно болталъ онъ съ гостемъ. Кустъ не бѣгалъ съ полей; изъ городовъ кустъ тоже не бѣгалъ: благонадежно возросъ на пустырь, согрѣтый зорькой. Надъ юной зарослью протянулъ вѣтку и хвасталъ: „Эти окрестности я одинъ обѣменилъ. Здѣсь я хозяинъ“.

Поддѣлать зеленою корягой ведерце. Неуклюже сбѣгать къ ручью; принесть серебра: „Обмойся, отдохни—живи у меня, но когда придетъ зоря, только не слѣди за нами“.

Надъ валежникомъ потеръ сучьями и просыпалъ искры:

выросъ красный пѣтухъ, сталъ клевать валежники жадно.

День за днемъ, какъ пустырь, текъ проліяннымъ хмелемъ свободы. Какъ запойный пьяница выпивалъ тишину—настилъ изъ яркихъ звѣздъ, изъ яркихъ травъ да изъ воздуха. Сердце его въ тишинѣ винный сосудъ претворилось, а мысль претворилась въ жужжливый пчелокъ рой. Паки копчили и множили онѣ медоносные сердца соты. Съ пескомъ да съ рѣшью рѣчь держать дурачокъ, и съ усть его стекала на цвѣты медь душистый. Съ нимъ основались птицы. Онѣ дурали его волосы, ими наполняя свои гнѣзда. И хаживалъ вдоль огородовъ пригородныхъ онъ морковь воровать да капусту; попали огородникамъ, зашвырнули бѣ его огородники, что пса твоего, каменьями.

Эхъ, не разъ видывала его, да не разъ—огородникова дочка—лебедь, по вечеру за водою съ хитрымъ проплывающая—бѣлая лебедь, дивная, прелестью ужасной, будто молодой, оясненная. Изъ подъ сарафана попка съ богородичныхъ слезокъ росы медвяныя сотрясала. Капало ей на ножки муромъ цвѣточное. Бѣлый, бѣлый сарафанъ ее, заплатанный пурпуромъ, грудь тѣснилъ, прижимался; ее дышала грудь молодая жадно. Не смыкались уста ее красныя, ее страстные чуть отгѣненные пухомъ уста персиковымъ, вѣчно шепчущія въ небо голубое, прозрачное, въ небо звѣздное вѣдовскіе свои призывы да признанія. Соболиныя брови, заинта-рѣвшій ликъ, блѣднорозовыхъ яблоны румянецъ да звѣзды ечи какимъ бархатнымъ, вкрадчивымъ, томнымъ волновали душу, какимъ ласковымъ ожиданіемъ—у, ароматомъ какимъ дыша—дурманило русалочныхъ косъ золото зеленое! А взоры? Уязвленному сердцу не вынести ее несказуемыхъ, ее синихъ, ее, хотя бы и мимолетныхъ, взоровъ изъ-подъ тяжелыхъ, какъ свинецъ, темныхъ ее рѣсницъ, когда съ улыбкой, вѣдающей соблазны, обжигала она вскользь, какъ миндаль, удлиненными очами. А если бѣ рѣзнула тотъ воздухъ острая, дикая ласточка, выжигая визгомъ душу—нѣтъ, вы упали бы на землю къ ее ногамъ, вы лобзали бы ее охлажденныя ро-сою ноги. Жаркія рыданія извлекла бы она изъ груди у васъ, потому что и ее сгорало сердце отъ этихъ криковъ; и ушла бы она на мягкую мураву, чтобы нѣжными прикосновеніемъ, какъ вѣтерокъ легкихъ рукъ своихъ, изгладить изъ сердца томленіе смертное. Потомъ, улыбаясь себѣ самой, прочь пошла бы съ коромысломъ своимъ легкимъ, вся въ потокахъ бирюзы вечера нѣжнаго.

Вотъ же какая была у огородника дочка!..

.....

Медленно растушій оврагъ, подобно раку, чьи клешни разъ-

ждали почву, подползая съ годами къ кусту. Кустъ былъ хозяйни гостепріимный. Бѣлошаморныя яйца, какія сносили птицы на его вѣтвяхъ, всѣ дарилъ онъ дотошно постоялицу, только бы заставить его улечься въ оврагъ на зарѣ на вечерней. Не хотѣлъ гостю свои узы заревья показывать; также и гостя зарѣ. Упрятавъ его въ оврагъ, а—(какъ часто стоялъ у горизонта листовая ворожей, вдоль широкаго, да вдоль пустыря тѣнь свою, тѣнь черную вытягивать; преклонялся доламъ, травы сладкія лизать своей тѣнью. Но и Иванушкѣ зари захотѣлось и вечерней, и утренней; еще науськала его оврагъ не послушаться владыки пустыря, потому что самъ онъ, оврагъ, года ужъ подъ кустъ подрывался. Вотъ однажды въ ребрѣ овражномъ улегся Иванушка, причастный любопытству, сквозь репье да камень высмотрѣть куста униженное зарѣ. поклоненіе. А кустъ, богомольно замирая, водилъ по воздуху узловой, изъ шен брошенной въ небо рукою, подолгу звалъ зарю, красу свою.

Пурпуровымъ кадиломъ окропленный, весь засіялъ кустъ, а безцѣльно сѣкущій воздухъ руки, какъ чертили онѣ заклинанія! Какъ преклонилась щетина травная предъ ворожеемъ, какъ испуганно репейники пересвищнулись: „Зоветь, зарю зоветь!“

Приподнявшись изъ ребра пріовражнаго, ужъ и видѣлъ онъ, какъ рукою перерѣзалъ своею сухой кустъ зарю ясную—зорюшку. Не была то далекая, заря—то дѣвица была красная: съ полей дѣвица—полей—подходила, и волосъ ея потоки—желтый медъ, ей на плечи стекавшій; не смыкались уста ея красныя, ровно въ небо голубое къ звѣздѣ первой, вечерней безумія свои послававшія. А взоры? Не вынесъ несказуемыхъ ея, ея синихъ взоровъ изъ-подъ темныхъ рѣсницъ, изъ-подъ, какъ миндаля удлинненныхъ, разрѣзовъ глазъ, на него засверкавшихъ соблазнами вѣдовскими; не вынесъ, всплеснулъ руками, запрокинулся въ оврагъ и долго рыдалъ тамъ о безумно потерянномъ снѣ. Дикая ласточка остро рѣзнула воздухъ мимо его ушей, выжигая визгомъ память о прошломъ. Понялъ, что не зарю, а чью-то душу—любобвинцу свою—ворожбою кустъ вызвалъ. И думта та была его плѣненная душа; душа, плѣненная чудищемъ; о ней въ городахъ у него зацвѣтало тихое сердце, и о ней пропѣвывалъ онъ въ домахъ и на площадяхъ. Душа его, душа его—душа его плѣненная! Зачѣмъ призывала къ себѣ, развѣ не любила она ласки листовныя ея полонившаго урода? Нѣтъ любила!

Любила, любила: безвластная, опустила руки свои бѣдныя на его уродливыя плечи и, въ листовныхъ объятіяхъ сжа-

тая, голову запрокинула, лѣя на землю медовыя косы свои, къ лебединой шеѣ бѣлой его, куста, корявыя взволнованнаго уста припадали; что говорила она, вѣдовскою прелестью усмѣхаясь, что любила, о чемъ воздыхала, печаловалась, не услышалъ никто; не слушалъ и кустъ, цѣлуя, цѣлуя.

И она упала, и выпрямился надъ ней владыко—владыко сихъ опустошенныхъ мѣстъ; державныя длани пышно протянулъ, сжимая птичье гнѣздо, ровно скипетръ, а она, теперь склоненная передъ нимъ, цѣловала зеленныя его руки жадно: „Милый“...

„Иванушка!“

Это звалъ его кустъ поутру. Повернулся дуракъ и кусту представилъ спину—о чемъ болѣе съ колдуномъ рѣчь держать? Самъ кустъ притащился на своихъ корягахъ словомъ ласковымъ перемолвиться, руку—зелену протянуть ему; листовная, она да воскликнула на плечѣ у Иванушки, росная измочила частыми каплями да опрыснула. Ему показалось—не равно, кустъ заплачетъ: такъ пытливо да жалостно онъ въ глаза дураку позаглядывать.

— „Ай, Иванушка—ты видать зарю—свою душу, что любя такъ мнѣ, сихъ мѣстъ владыкѣ“. — „Нѣтъ, кустъ, ты ее оставь. Всѣмъ намъ онъ заря. Нѣтъ, ужъ отдавай-ка мою душу: всѣмъ-то, всѣмъ она—зорька иѣжная, да сестрица“.

И пока говорилъ Иванушка, просвѣтъ жемчужный ему, прося свободы, улыбался. И кустъ свою зеленую развѣять крону огорченно, припадалъ къ ноженкѣ дурака возлепестать: „Уходи-ка ты, пока не поздно, и на этомъ тебѣ челомъ бью“. Повернулся Иванушка къ кусту спиною—болѣе съ шаромыжникомъ-воромъ не хотѣлъ онъ якшаться.

И о будущемъ весь-то день кустъ супился, зеленью хлопалъ, награждая землю частыми, росными, дробными каплями. Каплями тѣми земля поилась-кормилась.

Еще упорнѣе ввечеру прыгаль подъ тучкой, унижаясь.

„Гой еси, тучка-злючка, громовая, свинцовая, ужъ пади ты на дурака да изсѣки его градомъ, да оглуши его ревомъ, золотымъ копьемъ, плавѣннымъ, проколи его на вылетѣ“.

Но тучка громовая да свинцовая проходила мимо.

Сухъ да колючъ бурьянъ мисолѣтній, не обнимай: всадить тебѣ въ тѣло съ десятокъ колючекъ, и ты вскрикнешь отъ боли. Сухъ да колючъ бурьянъ!

Но еще страшнѣе бурьянъ, когда выходитъ на небо мѣсяцъ, ровно багровая толстая жаба изъ бурьяна. Развѣ ты не видать палокъ его коряжистыхъ, развѣ не знаешь—

изступленно дикі шопоты по бурьяну метаются. Но припадая безстыдно и колько къ груди Иванушки, ахъ да почто, почто мысли его заповѣдныя бурьяны поразедали, въ вѣтрѣ вѣтряномъ да поразвѣдали. Завѣдныя его трепали вѣтры думы, плакали по немъ тучи слезными слезами: и о тихихъ тутъ было узакъ, вѣрныхъ, заключающихъ насъ по слову исконному чуднаго чудинца, хозяина оныхъ мѣстѣ. Не найти себѣ души, не оживотворить себя обездоленнымъ, оскудѣвшимъ душою. Вотъ и зоветь, призывно кличетъ насъ пустырь холодный на поединокъ съ Чудовищемъ. Эхма!

Съ грудью, изорванной рыданьемъ, въ ратоборство мы вступаемъ. Починай, какъ звали! Пусть съ пути того, пути заповѣднаго—возврата ужъ нѣтъ: нѣтъ и быть не можетъ. Пусть! (Но эй, сердце, помедли: тебѣ говорю!) Ахъ, что тамъ говорить, и—ахъ!—что тамъ медлить, коли предстаешь на пути намъ и оворожившее насъ Чудовище, и наша полоненная душа. Пусть очарованная свободой душа не проситъ, пусть неестественно она влюблена любовью,—скажите, что до того! Сладко бороться за душу свою, сладко вырвать душу—безсмертіе свое у смерти вырвать!

Боже мой, тамъ надъ песчанымъ оврагомъ, гдѣ все подлунной очернено собственной тѣнью, гдѣ все отчетливо хочешь, гдѣ стойкимъ ужасомъ оскалена мѣстность, плачемъ слезнымъ любо было Иванушкѣ голосить. Малъ-репейникъ съ шипомъ выметнулся изъ-за камня. Покачался одиноко,—сѣръ-колючъ, въ серебрѣ огорченно расплесканный. И не вѣдалъ, о чемъ слезы тутъ, слезы горькія, проливались—покачался, да надъ склономъ, что крутешенько надъ ручьемъ, склонился.

Вѣторы по бурьяну заметались сплетни да шопоты. Не обнимай, Иванушка, травъ-многолѣтниковъ: занозами тѣло твое онѣ проколятъ больно, потому что сухъ и невѣренъ бурьянъ.

Не разъ вѣторы виды видаты: листовитныя къ зарѣ куста гадкія ласки. А и богатые на ней сарафаны бывали—закатъ алый, дымный, али желтый, канареечный. Что ни день, новый, то надѣвала закатъ заря молодая. Приходила на вѣтвей его призывные взмахи. А не ее ли, красную, во сырой ночи корявые расщепы глазъ кустяныхъ пыткой пытали любовной, а не для нея ли, румяной, подъ шишкою носовую ширился ротъ—затлѣвающее дупло? А гуляй она вездѣ да впередъ, да вдоль пустыря, къ ней узлистая рука, сластолюбиво по кочкамъ протянутая, зеленымъ пошипывала бѣ шипомъ. Изъ земли коридиши выдирала корни, бѣло-набѣло вымывала, сухо-насухо вытирала, толкла, да столѣвши кусту

предлагала, опускала по чарочку, во медовую толокно. Ведромъ иногда, ржавѣющимъ въ песчаникѣ, черпала струю она серебряную; выворачивать изъ-подъ камня кустъ самоварчикъ: взапой съ зарей чайкомъ широваль несною во всю долгую ночь напролетъ онъ. Осенью приходила рѣдко и коротко. Зимой на плечахъ куста облетѣвшего подъ сердитое да подъ рывканье его застучавшихъ корягъ о свободѣ она рыдала.

Приковыляла однажды лошадушка въ пустырь, повитая мухами,—сивка шѣтоядная, пока думушку свою Иванъ—думу думать. Приложилась теплой она ноздрей къ Иванушкѣ, да и заковыляли прочь отъ него ся ноги—спутанны. Кланялась, зазывая къ себѣ дурачка, потому что и ей,—скоту, полоненному чарами,—отъ слезъ его захотѣлось души любовной. Шель, шель Иванушка, за скотинкой вѣщей, гдѣ видѣлась огородинкова крыша; тутъ, бывало, смотришь—заря блекнетъ, гаснетъ; грачи, суховатые руки встель облѣплявшіе, возлетали тутъ чернымъ токомъ.

Повстрѣчалась съ нимъ огородинкова дочка. Шла она, поклоняясь дому; золотая ея въ бѣлыхъ фіалкахъ головка, воней одурманенная, поднялась на Иванушку исподлобья, безвластно глянула, скромнымъ взоромъ ласково такъ затерзала. Вкрадчиво она гризла колосья острыми дубками, скрытой усмѣшкой слѣпительно его взволновала желаньемъ; истонная, усмѣхнулась, хоть ея бровей дуги соболии надъ глазами, надъ фіалками, сходились и жестоко, и остро; жестокое вѣдовство ея на слѣпнувшее его сердце теркинымъ виномъ властно пало и, затерзанный предестью, бѣсновато прыгнулъ о земь ей сжигать ножку поцѣлуемъ. Смыла, росой охлажденную, обвивать колѣни ея руками упруги, укрытыя пурпуромъ. Эхма! Буйная головушка—пропадай ты пропадаемъ!

Тряхнулъ кудрями онъ—кудрями онъ русыми, да съ закинутой головой и уставился взоромъ въ ея стыдливое, ея заалѣвшее личико. Несказуемо вдругъ лицо ея запылало, задышало опрозраченнымъ томлениемъ; будто угаромъ страсти пахнуло на него, и синія ея жгли угли-очи—ярко ширились, синія; да надъ синими брови черныя понахмурились. Колесомъ во рукѣ, во всплеснувшей на него замахнулась, уронила во руки лицо, а сквозь бѣлые пальцы ея засіяли хрустальные слезы, плечи широкія заходили прерывисто отъ рыданій безвольныхъ. Вся зацѣпилась она плачемъ жалобнымъ.

Душа моя—полоненная душа моя. Сердце мое по тебѣ, душа, болитъ изнываетъ; вѣрно оно изойдетъ токомъ крови

темной, бѣдный я, съ разорваннымъ сердцемъ я лягу у ногъ твоихъ, ненаглядная моя. Ты была бы, душа моя, со мною, кабы ворогъ давній не разлучилъ насъ надолго. Это онъ, это онъ, ненавистный, раздѣлитъ душу и тѣло на мое лютее горе, и съ той поры тяжело влеклось тѣло бѣлое, молодецкое, обездушено; безтѣлесною съ той поры самой мой душевка на холодномъ небѣ зарянницей разыгривалась. Ахъ камушечки, травленный сердце бѣдное да придавило!"

„Развѣ, душа, того сама не знаешь,—забыла? Не вѣрю я, нѣтъ, не вѣрю! Вспомни меня, ахъ, вспомни. Это—я же, это я тебя нашла!"

Сердобольно огородинкова дочка склонилась и, жадно дыша, своими руками лилейными охватила тѣло бѣлое, молодецкое, будто дитѣ малое, глянула въ душу Иванушкѣ, ровно сестрица оясненными отъ слезъ глазами, и не вѣтеръ потянулъ,—тонкій изъ ей груди воздухъ провѣять:

„Вспомнила, милый!"

Роковая межъ ними теперь лежала тайна.

Солнце сѣло. Надъ болотцемъ паръ поднимался, сѣрая утица воскликнула жалобно. И лизала ихъ мракомъ суковатая, павшая на нихъ, тѣнь. Повернула вдругъ красавица лицо свое къ пустырю.

Зеленошумный владыко, ярясь, ревниво возстать надъ окрестностью снова плѣнять ее, звать ее снова пѣснями бурно-пѣжными. Кажинный листикъ на его взвѣнной крошкѣ шелестѣлъ старинною прелестью: „Вась ли не захлестну вѣтвяю, въ вась ли не плесну песчанниковъ".

„Моя ли одѣжа не изумрудами выткана, не у меня ли, куста, корона царственно вѣтвистая, а ложе мое, развѣ не выставо ложе алымъ бархатомъ песчанника? Почто же забыла меня, почто разлюбила?"

Выпрямилась она, безвластная, холодно метнула взоръ на Иванушку, лютее его оттолкнула отъ себя: „Не твоя я душа, а его, куста, зари!"

На дѣтское лицо ее отдаленная ярость испугомъ да крестною запечатлѣлась мукою.

А владыко чаровать ее пѣснями, что всегда ей пѣвали: „Лютее ль горюшко ль сердце твое дѣвичье тучей окружишь, на монхъ на вѣтвяхъ есть гдѣ повѣстися, есть гдѣ раскататься. Вѣткой длинною шею бѣлую захлестну—хлестну; ахъ, вино—кровь, чарленая—запьянитъ, затуманитъ головушку!"

„Почто же забыла меня, почто разлюбила?"

— „Не уходи, не чаруйся". Безумно ее охватить Иванушка, съ ношей своей драгоценной бросился прочь отъ

куста-ворожѣя. Освирѣпѣлъ кустъ, взвихрилъ окрестность. Съ позелѣвшимъ лицомъ она билась на рукахъ у Иванушки, будто пойманная утица.

Протянулась. Руки вдругъ заломила. Изогнулась. Заряницей блеснула. На рукахъ дурачка только вѣтеръ свистать перелетный.

Было пусто въ поляхъ, гдѣ раскинулся Иванушка, орошая песоки слезами. Видѣлъ онъ на зарѣ танцовавший шумный кустъ съ далекаго пустыря.

Нѣтъ!

Не была то зари! Нѣтъ, горько къ бѣль-горючу камушку, горько дѣвица подъ кустомъ припадала. Владыко власти какъ смѣлъ, кто позволилъ ему своею рукой, сухой рукой, да надъ ней, зарей, надмеваться?

Убивалась она горько.

Но не даромъ знать душа красная улыбнулась Иванушкѣ: съ бѣлымъ, бѣлымъ, закаменѣвшимъ поднялся лицомъ онъ, грозно на кустъ-кустяной понадвинулся. Силница теперь рвалась, изъ груди просилась изступленно и мощно. Начало теперь острые мечи его сердце, что изъ чашки осіянной проліянную властью мощь токомъ лучило дикимъ. И ни поразглядѣть глазомъ, ни поразслышать ухомъ токъ тотъ сердечный, отъ руки богатырской, какъ отъ зеркала въ пространство отданный. Какъ на кого ладонь богатырь направитъ, тѣкая сила такъ въ того и взойдетъ огневицею; прямо грудью о камень падетъ изнемогая птица; съ вѣтрогоннаго дерева обдеретъ листъ. А человѣкъ? Будто кислотой его сожженная грудь разорвется; тѣсно туша на груди огонь ее пополающий, побѣжитъ человѣкъ, да и рухнетъ. Вотъ какая теперь богатырская во груди у Иванушки силища.

Но убивалась она горько.

Запримѣтилъ его кустъ-кустяникъ, отъ красавицы отъ распростертой прочь бочкомъ да бочкомъ! Къ удалцу припустился. Шуйца его, вскипѣвшая водопадомъ зеленоярыро по кочкамъ хлестнула, яро разбрызгала кочки; приснула туча зелени на ней богатырскимъ посвистомъ холоднымъ; лицо заприснуло зеленою, когда дикая шуйца на хряснувшее плечо удалца легла адскою болью. Изловилъ ее онъ у самого своего горла.

Ореоломъ зеленовѣйшимъ, съ носомъ, мятежно закинутымъ, съ мощно изорваннымъ бурей дупломъ рта возстало полоумное, полоумное лицо; бѣсовское, оно мечтательно раскаталось надъ упавшимъ Иванушкой: молитвенно то владыко-кустъ упивался схваткой.

„На царя? Ты какъ смѣлъ, рабъ, на царя возстать? Аа..."

И обезсилленно завизжать, отвалился от бойца зеленый лохмачь, как ладонью тот, зачарованный током, оборонился. Передались тут Иванушкѣ тучи темныя водоемныя, да копнеюмъ—молоней—по воздуху надъ нимъ рѣзали. Подхватилъ онъ на лету копыцею золотое, да какъ ужалить съ трескомъ его въ задымившееся лицо; тутъ у него обломилось остріе—искра; занозой оно въ щеку чародея зашло.

Не унялся кустъ: десницею, уродливо вверхъ протянутой, заклинанія призывная чертила онъ, въ то время какъ жалобою его шуйца къ прожальной щеке жалась, не кровь, труху гнилую, точившей:

Пылью даль взмывшася: а поспѣшала то на подмогу къ царю поровская буря со дружиною своей со хороброю; точно конница невидимая сотрясала окрестность. Эй, богатырь, не давай маху!

Окрутилъ, завился Иванушкѣ подъ ноги хать пятѣ дурманъ, воней ядовитой чаровать его: чудилось дураку—дѣвица красная съ горячаго камушка лицо свое вкрадливо подняла на него, и оно задышало желаньемъ; черныя подъ очами лежали смеженными у нея рѣсницы, черныя, а изъподъ тѣхъ шелковыхъ рѣсницъ да омоченныхъ синіе угли да разгорались.

— Вспомни меня, вспомни! Я эго, ахъ, я!..

Гой еси, берегись, богатырь!..

Завизжавъ, взлетѣлъ кустъ, сорванный бурей. Длинной, длинной своей лѣтвю мстительно захлесталъ по песку. Сухимъ пескомъ выхлестнулъ глаза. Темная къ очамъ ратоборца ночь привалилась, надо всемъ распростерлась.

Только въ ночи бѣдное чье-то сознаніе за безсмертіе свое настойчиво боролось.

— Здѣсь стѣна, куда вы, Иванъ Ивановичъ?

Ахъ, онъ опять забылся. Минуту назадъ разсматривалъ онъ пятно на зеленовато-оранжевыхъ обояхъ. И пятно показалось ему кустомъ. Значитъ дѣйствительно онъ серьезно боленъ. Значитъ не напрасно онъ здѣсь, въ этомъ вѣрномъ убѣжищѣ. Значитъ все это правда, что о немъ здѣсь шепчутъ; а шепчутъ многое: носятся слухи, что его, обгаренного кровью, подобрали подъ кустомъ, куда онъ бѣжалъ прямо изъ пересыльной тюрьмы. Здѣсь былъ онъ тихъ и покоренъ. Здѣсь никого онъ больше не подстрекалъ, не устраивалъ подписокъ, не посѣщалъ митинговъ; бойкотировалъ только своего доктора. Но кто, скажите, кто вѣрить здѣсь докторамъ?

Иногда онъ забывался и все шептать про зарю освобожденія. Подолгу просиживать подъ окномъ въ своемъ бѣломъ халатѣ и беспомощно указывать на зарю своему пріятелю, меланхолику: «Я ее знаю и вблизи, но она ускользнула. Поймите же, почему я—красный!»

Однажды лѣчебницу посѣтилъ красивый мужчина съ лиловымъ пятномъ обжога на щеку. Онъ долго разспрашивать о здоровьи Ивана Ивановича и все отказывался лично его увидѣть: «Я знаю его при иныхъ обстоятельствахъ. Тяжело намъ здѣсь повстрѣчаться».

Все же онъ переступилъ порогъ тихой кельи, чтобы протянуть больному руку; но отъ его протянутой руки рѣшительно отступилъ Иванъ Ивановичъ. Всегда тихій, строго онъ теперь сказалъ: «Идите въ виду, что я ничего не забылъ. Я еще приду къ вамъ. Еще добьюсь своего. Оставьте же меня теперь».

Долго потомъ посѣтитель въ передней совѣщался съ докторами.

Передъ окномъ его ширилась площадь. Недавно прошла здѣсь толпа манифестантовъ. Площадь покрыли тысячи черныхъ головъ, а надъ тумбой всталъ человѣкъ съ краснымъ знаменемъ. Онъ точно указывать на зарю. Слова нельзя было издать разобрать. Долетѣла одна только фраза: «Мы ведемъ васъ къ вѣчному счастью, къ вѣчной свободѣ». Кончая рѣчь, онъ просилъ толпу почтить павшихъ борцовъ за освобожденіе. И толпа, обнаживъ головы, пропѣла: «Вы жертвою пали въ борьбѣ роковой».

Тогда на балконѣ двухъэтажнаго дома вышелъ человѣкъ въ бѣломъ халатѣ, потому что дверь забыли закрыть. Теперь, скрестивъ руки, онъ весь ушелъ въ пѣніе и вдругъ отвѣсилъ глубокій поклонъ.

Манифестацію принялъ онъ на свой счетъ.

Это былъ Иванъ Ивановичъ. Въ толпѣ его никто не замѣтилъ.

Сегодня чаще забывался Иванъ Ивановичъ. Сейчасъ, придя въ сознаніе, думать онъ, что не даромъ прожилъ свою жизнь въ непреклонной борьбѣ за свободу, потому что заря ея близка.

И сладкія по его худымъ щекамъ катились, сладкія слезы.

Но мгновеніе. Его взглядъ упалъ на оранжевые обои, съ выступавшими пятнами зелени. Обои показались ему не обоями, а розсыпями краснаго песчаника. Лѣчебница Корнѣй-Притѣсневича была только сномъ, въ который проваливался по временамъ Иванъ Ивановичъ.

И стѣны опять разступились. Пойдите, Иванъ Ивановичъ, куда вы?

Но прыгнулъ репейникъ у ногъ подъ вѣтромъ перелетнымъ, а кругомъ разбѣжались поля, поля. Вѣтеръ училъ прыгать здѣсь вейныя травы, и лоскутами алаго бархата трепыхались надъ травой цвѣтоядныя бабочки.

Видѣлъ онъ кустъ, танцовавшій въ вѣтрѣ съ далекаго пустыря. Чутко его листьѣное шевелилось ухо, да сухое, сухое лицо красноватое; то листьѣная его крона безглагольною скорбью воздымалась надъ пространствомъ пламеннаго песчанника съ коричневой, точно изъ шеи въ небо брошен-

ной, сухой рукой; то уязвленный алчбою поклонивъ и тянулся, и никъ онъ къ полямъ съ невольными вздохами; листьѣную свою пролилъ сладкую о зарѣ пѣсню.

А тамъ... съ корысломъ на плечахъ по вечеру все такъ же за водой огородникова дочка проплывала ножкой бѣлой медвяныя сотрясать съ богородициныхъ слезокъ росы.

Было вокругъ цвѣточное радѣнье. Ромашки метались, клоунылись колокольчиковъ лиловыя кисти, красный пурпуръ гвоздики разсыпался жарко въ глазахъ.

Андрей Бѣлый.

Лѣтство, 29 мая 66 года.

О рассказе
Андрея Белого
«Куст»

Сергей ИСАЕВ,
доктор филологических наук, профессор
кафедры русской литературы XX века НовГУ

СОЗНАНИЮ НЕЗНАЕМАЯ МОЩЬ...

СИМЕНЕМ АНДРЕЯ БЕЛОГО в русской литературе XX столетия связано возникновение новой поэтической системы. Одним из ее приоритетов явился четко обозначенный ракурс: перенос художественного внимания с действительности, окружающей человека, на его внутренний мир - «голубое воздушное пространство души» и интеллект.

«...культура, - писал А. Белый в 1920 году, - определяется ростом человеческого самосознания; она есть рассказ о росте нашего «Я».

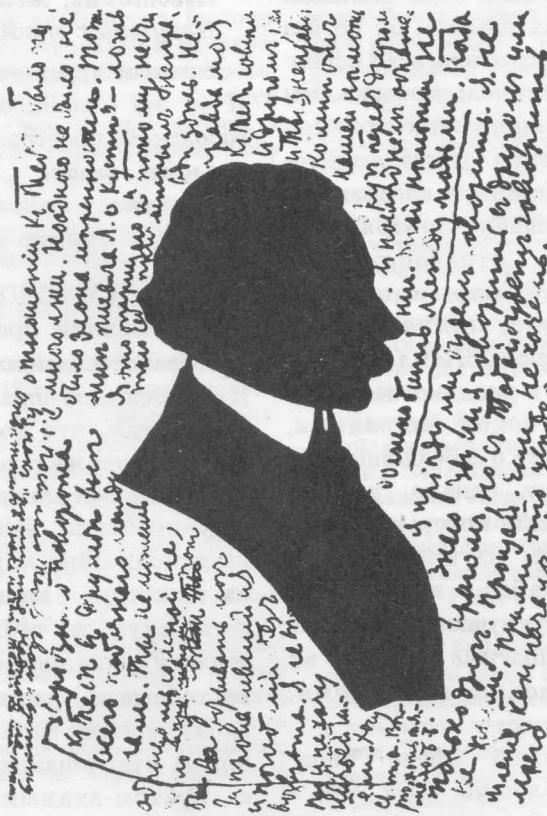
Существо открытий Белого - художника слова связано с так называемым «симфонизмом». «...по основному поэтическому характеру симфонии Белого - это лирические произведения, целиком построенные на эмоциональном срастании тем». Придавая большое значение музыке, «открывающей тайны движения, его сущность, управляющую миром», Белый вместе с тем тогда же приходит к выводу, что прозаические симфонии все же не имеют «душности, что это промежуточная стадия на пути к образованию форм, действительно важных.

Внимание к раннему произведению Белого «Куст» (датирован 29 мая 1906 года, опубликован в «Золотом руне» в 1906, № 7-9) продиктовано тем, что именно в нем апробирован синтез традиционных и новых приемов художественной изобразительности. В этом рассказе Белый впервые нашел то единство средств, которое вскоре блестяще сказилось в романах «Серебряный голубь» и «Петербург».

В РАССКАЗЕ ДВЕ ОСНОВНЫХ СЮЖЕТНЫХ ЛИНИИ: традиционный любовный треугольник (по мнению А. Лаврова в рассказе «Куст» отразились события жизни А. Белого, связанные с Любовью Дмитриевной Менделеевой) и история молодого человека, сочувствовавшего революции и

попадающего в клинику для душевнобольных. Под пером Белого, казалось, банальная любовная история превращается в яркое сказочно-драматическое действие с условно-мифологическими персонажами. В свою очередь достаточно неординарные события сумасшествия молодого интеллигента-революционера исполнены в тонах жизнеподобия и традициях реалистического повествования. Поскольку в рассказе

найден прочная мотивировка перехода из одного сюжета в другой, постольку фабульная (любовная) его часть стала земным, горизонтально-пространственным остовом произведения, а обрамляющая («революционно»-взрывная, экспериментально-мозговая) - атмосферой и сферой. Первая (пространственно-земная) линия - по преимуществу живописна, вторая - апеллирует к умственному, внутреннему зрению. На этом, втором, уровне завязываются основные проблемы произведения, а также кристаллизуются его идеологемы, «руководящие» «созвучанием» между уровнями. Текстовой массив рассказа опирается на фабулу как

Письмо Андрея Белого Александру Блоку (с силуэтом писателя). 23 ноября (6 декабря) 1906 года.

на свою основу, дающую рассказу пространственное «протяжение», а музыкально-эмоциональные «связки» и переключки тем и мотивов дают произведению интеллектуальную глубину и высоту. Найденная структура будет, по-видимому, признана Белым удачной. Во всяком случае, для первых его романов взята именно она. «В романах Белого, - пишет М. Бахтин о «Серебряном голубе» и «Петербурге», - дело не в биографии героев, он стремится связать все моменты жизни не обществом, как в английских романах, а космосом, заменить историко-бытовой и религиозно-ортодоксальный план космическим».

Х АРАКТЕРИЗУЯ СВОИ ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ периода работы над рассказом «Куст», Белый констатировал: «...для меня кончалась эпоха «Симфоний». Что же происходит в эти годы в творческой лаборатории писателя? Прежде всего заслуживает внимания корректировка мотива «концов и начал». Сама идея Апокалипсиса делается для автора «Симфоний» дороже и ближе. Но существенно меняется ее понимание и оценка. В рецензии на книгу А. Л. Вольнского о Достоевском Белый называет «апокалиптический бред» героев Достоевского «ненужным наследством». Склоняясь перед «вечным солнцем Апокалипсиса», Белый ратует за «просветленное» и уравновешенное к нему отношение: «Мы конца хотим, но корч, выкриков, беснований не надо нам».

Иной делается и оценка Белым одного из ведущих мотивов его творчества - мотива зорь. Называя предшествующую эпоху «замечательной», он не без горечи обнажает ее противоречивые итоги: «В свете истинного пожара с удивлением поняли мы теперь, что пожар, охвативший наши сердца, был призрак». Под воздействием «отрезвляющего» света исторических событий мотив зари, казавшийся когда-то ясным и возвышенно-прозрачным, переплетается с мотивом странного сна, затягивающего пеленой перспективу: «...и были призрачными путями - пути, манившие нас. Утомленные глаза видели марево. Мы пленились. Сердце превратило призрак в реальность, и мы действительно пережили некий странный, никому не снившийся сон». Это о себе бывшем. Из своего горького опыта Белому, однако, удастся извлечь целый ряд наблюдений, которые можно назвать приобретениями. Одним из них является резкое изменение масштабов восприятия окружающего мира в сторону укрупнения деталей: «...вспыхнул пожар, и ничтожные мелочи на пути отчетливо вырисовывались перед нами, зияя отблеском».

Отношение к художественной сфере «снов» становится ироничным: «В области грез мы, - насмешливо отмечает он, - более опытни, чем многие».

Д ВА НАПРАВЛЕНИЯ СЮЖЕТНЫХ НАПРЯЖЕНИЙ рассказа с их необычным исполнением определяют и необычные сочетания красочных и смысловых оттенков мотива зорь. Характерно, что символика красного цвета создается в рассказе еще до появления рассматриваемого мотива. Иван Иванович - молодой интеллигент, взволнованный и увлеченный революционной стихией, влезая на митинговые трибуны, кидает слушающим «цветы, оторванные от сердца». На наш взгляд, образ сердца и сердечных цветов в данном контексте нагружен двойной дериватной функцией: от него протягиваются связи и к красным революционным стягам, возвещающим зори перемен, и к сценам

любовного свидания с красавицей-зарей. Иную смысловую проекцию дает связь, устанавливаемая между «сердечными», красными цветами и красной песчано-каменистой почвой пустыря, куда сбегает из клиники Иван Иванович, превращаясь сначала в Иванушку-дурачка, затем в сказочного богатыря. В данном аспекте красный цвет, используемый Белым, продуцирует две семантические ветви. Красный цвет, будучи цветом пустыря, на котором, как позже будет сказано в «Пепле»:

*...по полю Оторопь рыщет,
Восстав сухоруким кустом,
И в ветер пронзительно свищет
Ветвистым своим лоскутом,*

*Где в душу мне смотрят из ночи,
Поднявшись над сетью бугров,
Жестокые, желтые очи
Безумных твоих кабаков, -*

символизирует именно бродильные ферменты почвы. И он же - знак, обозначающий противоположное городскому пространству, где «ветер учил прыгать вейные травы», где «ромашки метались, клонились колокольчиков лиловые кисти, горящий пурпур гвоздики рассыпался...»

И ГРА СМЫСЛОВЫМИ ОТТЕНКАМИ цветовой символики предвещает скольжение из одной пространственной плоскости повествования в другую. И это обещание оправдывается. Образ зари нарисован Белым так, что воспринимается читателем в его перетекании из условно-символической плоскости в живописно-реальную. Возникновение образа и формирование его семантических узлов идет непрямой, как бы стихийно, хотя и опирается на сюжетную канву, и, стало быть, имеет некую логическую и темпоральную последовательность: завязку (знакомство с кустом и слух о заре - его возлюбленной), развитие конфликта (подглядывание за свиданиями зари и куста и встреча с нею самим героем), кульминацию (поединок Иванушки-богатыря с кустом-владыкой), и, наконец, развязку (возвращение зари к кусту). В эту сюжетную логику вторгается другая смысловая стихия - семантика образов революционного бунтарства, борьбы, смятения и безумия. Образ зари в первом же его текстовом воплощении оказывается построенным на сочетании условно-фантастического и жизнеподобного. Куст предупреждает Иванушку: «...когда придет заря, не следи за нами». Сочетание чисто сказочной, мифологической условности с предметной воплощенностью дает «отзвук» уже в следующем абзаце, в образе «огородниковой дочки». Этот гармоничный, светлый, в меру, т. е. без нажима, эротичный образ - редкое исключение в творчестве Белого. Его сугубо жизненные и одновременно слегка стилизованные под лаковую живопись черты не нарушают требований правдивости. Однако в красках

и интонации взят такой колорит и тон, которые однозначно выводят восприятие в плоскость художественной условности. *«Из под сарафана ножка с богородициных слезок росы медвяные сотрясала. Капало ей на ножки миро цветочное. Белый, белый сарафан ее, заплатанный пурпуром, грудь теснил, прижимался; ее дышала грудь молодая жадно. Не смыкались уста ее красные, ее страстные чуть оттененные пухом уста персиковым, вечно шепчущие в небо голубое, прозрачное, в небо звездное ведовские свои призывы да признания. Соболиные брови, зайчаревший лик, бледнорозовых яблонь румянец да звезды-очи каким бархатным, вкрадчивым, томным волновали душу, каким ласковым ожиданием - у, ароматом каким дыша - дурманило русалочных кос золото зеленое!»*

Напряженная красочная и эмоциональная тональность сопрягает (через «созвучание») любовный сюжет с драмой широкого масштаба, переживаемой героем. Звеном этой драмы является «безумие», потеря душевного равновесия. Однако другая семантическая стихия образа по принципу обратного колебания как бы «гасит» эти звенящие на предельной ноте аккорды. Эта область семантики связана со страстным желанием понять конфликт, и противостоит стихии выражения как самодовлеющей. Вот почему вслед за стонущим восклицанием - вопросом: *«А взоры? Уязвленному сердцу не вынести ее несказуемых, ее синих, ее, хотя бы и мимолетных, взоров из-под тяжелых, как свинец, темных ее ресниц...»* - Белый дает «разрешающую» фразу, где не анатомируя, но тем не менее аналитически глубоко объясняет происходящую драму и предсказывает развитие конфликта: *«Жаркие рыдания извлекла бы она из груди у вас, потому что и ее сгорало сердце от этих криков; и упала бы она на мягкую мураву, чтобы нежным прикосновением, как ветерок легких рук своих, изгладить из сердца томление смертное. Потом, улыбаясь себе самой, прочь пошла бы с коромыслом своим легким, вся в потоках бирюзы вечера нежного»*. Взаимодействие семантических пластов неотделимо от взаимодействия средств выразительности.

В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЯХ БЕЛОГО конца 1905 - начала 1906 года выявляется несколько характернейших направлений. Его интересует методология и методы мышления, то есть оно само как объект. Разложимость сознания на элементы, далее не делимые, констатируется им в статье «О научном догматизме»: *«Приводя в порядок элементы познания, мы не в состоянии изменить эти элементы»*. По своему духу и творческой направленности это высказывание может быть соотнесено с размышлениями Белого о трагических итогах революции и об обостренном восприятии «мелочей» и «деталей» эпохи во время

исторического «пожара». Творческая мысль Белого не может вынести догматических ограничений. Однако, она вырывается на простор, к «произволу» - отнюдь не произвольно. Опрокидывая преграды догматики, Белый выдвигает «серьезный» аргумент - новый ракурс видения объекта, дарованный техническим изобретением: *«Человечество трудилося над возведением гранитных берегов мысли. Теперь воздвигнуты эти границы здесь и там... Но вот изобретены аэростаты, и мы, поднявшись на известную высоту, несется несомненно гранитами, опять купаемся в голубом море произвола»*.

Соединение микро- и макромасштабности (крупных деталей и «верхней» точки зрения) как следствия активного внедрения в жизнь, науку и творчество технических достижений (микроскопа, аэростата и т. п.) и как последствия пережитых личных и социально-исторических потрясений (диктовавших свои масштабы осмысления) - давало на уровне художественно-прозаических исканий свою внутреннюю логику. Так лейтмотивность, соединяясь с фабульностью, способствовала рождению своеобразной (лейтмотивной) зеркальности, когда в одну сюжетную раму вставлена другая, в нее - следующая и так далее. Каждый новый виток сюжета чем-то похож на предыдущий, но повторяет его лишь по принципу «созвучания».

Побег молодого человека из клиники для душевнобольных на пустырь Белый изображает прежде всего как символическое обретение свободы. Не случайно в сборнике «Пепел» аналогичный мотив связан с образом каторжника, бежавшего из тюрьмы. Он может быть воспринят и в плане приобщения к природным целительным силам. С другой стороны, и мотиву «успокоения» Иванушки (у подножия куста) и обретению свободы Белый придает смысл мнимой сюжетной развязки, поскольку куст помимо желания Иванушки вовлекает его в цепь новых драматических конфликтов. Следовательно и разрешенность фабулы (заря возвращается к кусту) оказывается мнимой. Соотношение завершенности и незавершенности в рассказе (а также и во многих последующих произведениях Белого) оказывается проблематичным. Разрешенная драма «вставлена» в раму «созвучного», но принципиально иного (социального, духовного, аналитического) конфликта, а этот последний соотнесен с проблемой, которую можно определить как проблему потенции творчества и жизнотворчества.

ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЗРЕЛЫХ ИСКАНИЙ БЕЛОГО чрезвычайно важен использованный в рассказе мотив «мозговой игры», обрамляющий рассматриваемое произведение. Последнее делает возможным интерпретацию примененных в рассказе средств изобразительности как средств, направленных на создание «умопостигаемой» художественной реальности, позже столь определенно заявленной в романе «Петербург». Создавая «умопостигаемую» художественную реальность, Белый рассчитывал на особую рефлексивность, требующую собирания образа из сюжетных и внесюжетных

элементов. Толчок такой рефлексии собственно и задается намеренным переводом реально-фабульного сюжета, происходящего на пустыре, в условное русло, благодаря предположению, что он совершается лишь в воображении больного Ивана Ивановича, разглядывающего зеленое пятно (куст) на рыжих обоях (пустырь) в палате больницы. Прием «мозговой игры» задает действию вариативность и сконструированность (принцип модели). Читательское восприятие, будучи вовлечено в игру, не отпускается на произвол судьбы. «Мозговая игра» «остужает» эмоциональность переживаемого и, в свою очередь, увеличивает появляющуюся вокруг него интеллектуальную атмосферу.

Возникновение «умопостигаемой» художественной реальности сопровождается сжиманием текстового пространства при одновременном увеличении его семантической емкости. Компактность рассказа «Куст» в этом отношении удивительно характерна. Называя эту особенность рассматриваемого произведения, мы говорим о качестве, которое, на наш взгляд, унаследуют романы Белого. Семантическая емкость достигнута в рассказе с помощью рассмотренной выше композиционной структуры. А также благодаря таким средствам, как «зеркала», «маски», аллюзии, миф, требующие активной работы воспринимающего сознания.

В РАССКАЗЕ ИНТЕНСИВНО ИСПОЛЬЗОВАНА смена повествовательных стилей: авторского (с повествованием от третьего лица) и стилизованного, выступающего по отношению к первому в качестве маски, не раз снимаемой и тут же одеваемой вновь.

Существует мнение, что стилизация бывших литературных форм используется автором тогда, когда он по каким-либо причинам «не может войти в эпоху». Белый под стилизацией понимал особую форму «упрощения» или «схематизации» действительности. *Подобная задача возникает тогда, когда искусство не может «справиться с действительностью во всей ее полноте».* Однако речь идет не о выборочном изображении объекта, а о выборе иных средств изобразительности, которые Белому представляются более «простыми», и которые мы назовем не «упрощающими», а уплотняющими. Простота, которую имел в виду Белый, не отвергала, а предполагала особую глубину и концептуальность: *«Благодаря такой схематизации, творец художественного произведения имеет возможность высказаться хотя менее полно, но зато точнее, определеннее».*

Стилизуя, Белый синтезирует библейскую и фольклорно-сказочную образность. Не случайно также в тексте столкновение, точнее, переплетение ритуально-языческой обрядности (поклонение кусту) с обрядностью христианской - исповедание и отпущение грехов. И, наконец, третий слой стилистической орнаментики проистекает из постоянной смены маски святого и шута, как, например, в сцене исповедального обряда, в котором Владыкой оказывается Куст, грехи же отпускаются

Иванушке-дурачку: *«Простыня золотой пыли, пламенно взвешанная, ниспала послушно на усталое тело дурака; потом тиховейно куст запеленал его черной своей тенью: исповедник, отпустив грехи, так накрывает мирной епитрахилью, и под ней обессилена кается чья-то душа».*

Мифологическая образность рассказа подкрепляет масковую. Как известно, миф у Белого перерастает границы текста. Творческое задание художника-символиста направлено прежде всего на самую жизнь и требует отношения к ней, как своего рода особому тексту. Последнее вносит в традиционную мифологию (славянскую и классическую), используемую Белым, дополнительные оттенки. Осью мифологического пространства рассказа следует назвать образ-символ - куст. Образ куста соотносим с символическим образом мирового дерева. Последнее порождает многослойные ассоциации с мифологическими сюжетами, в которых задействованы оппозиции, актуализируемые по вертикали именно образом куста: небо и овраг, вер и низ, космос и хтоника.

Героем рассказа Иванушкой куст воспринимается также как царственный владыка, отец. Вот почему сражение Иванушки с кустом сопоставимо с поединком отца и сына, и здесь могут быть отысканы истоки центральной сюжетной линии «Петербурга».

Соперничество Иванушки с кустом в любовном поединке Белый рисует и как «взрыв», опрокидывание установившегося «порядка». Мифологизируя эту линию сюжета, Белый предельно «сжимает» интерпретационные ходы, стремится, «упрощая», не опростить повествование.

Читателю, посвященному в секреты особого художественного мышления Белого, достаточно лишь метафорического намека, чтобы перед ним открылась вся семантическая многослойность произведения. Так в одной из завершающих сцен рассказа только упоминание о красном цвете возбуждает работу воображения, что само по себе говорит о принципе «компрессии», заложенном в поэтику: *«Иногда он забывался и все шептал про зарю освобождения. Подолгу просиживал под окном в своем белом халате и беспомощно указывал на зарю своему приятелю, меланхолику: «Я ее знал и вблизи, но она ускользнула. Поймите же, почему я - красный!»*

Зеркала, маски и мифология, использованные в рассказе, связаны воедино приемом параболичности - этим древним и глубоко обновленным в литературе XX века средством. Оно, в сущности, и является генератором той условной образности, с помощью которой Белый создает необычно емкий художественный мир своих произведений.

Литература:

- А. Белый. Символизм как миропонимание. М., 1994;
М. М. Бахтин. Лекции об А. Белом, Ф. Сологубе, А. Блоке, С. Есенине / Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1993, № 2-3;
А. Белый. Между двух революций. М., 1990;
Весы. 1906, № 2; Золотое руно. 1906, № 7-9;
Свободная совесть. Литературно-философский сборник. М., 1906. Книга первая.

«Ходила среди нас женщина по имени Ксения. Одета чаще всего в белую кофточку и черную юбку. Первой кланялась, чтобы сказать Вам доброе слово, обдать Вас приветливым сиянием своих темных глаз. Писала стихи. Белые, только белые. Была убеждена, что «нельзя поместить огромные пространства и человеческие страсти, действующие на этих пространствах, в «европейские замочки рифм». И в оказательство указывала, что и «Слово о полку Игореве», и «Борис Годунов» написаны белым стихом. Все, что она говорила или читала, было так неожиданно и прекрасно!» — Так вспоминал об этой удивительной и несправедливо малоизвестной поэтессе Лев Рубинштейн.

Имена

КСЕНИЯ НЕКРАСОВА

Не уходите из зимы...
Ее равнин
не оставляйте,
Ее берез
не забывайте,
Очаровательных берез.
И восхищение снегами
Из сердца
Вы не выкидайте...

Первый снег
Две звезды
Целовались в небе, —
Поцелуи
падали на землю
И старая земля
теряла дряхлость
Теряла скверну,
Покрыв себя
дыханием
влюбленных.

«...Я часть Руси».

Биографии Ксении Некрасовой с точными датами жизни, с этапами творчества, с течением и поворотами судьбы, с географией и именами, с семьей, родными и близкими — такой биографии нет. Все, что известно о поэтессе, похоже или на слухи, или на скупые разрозненные анкетные данные, часто спорные и приблизительные.

Вся жизнь Ксении прошла путями неустroенного быта, вместе с теми немногими друзьями, кто совершенно случайно оказывался с нею рядом, давал ей кров и пищу.

Родилась Ксения Александровна Некрасова 18 января 1912 года. Кто были родители Ксении, долго ли она жила с ними, неизвестно. «Отец — горный инженер, работает на Урале», — говорила поэтесса. Но где он был, какую жизнь прожил, когда и какая драма постигла семью? О матери никаких сведений. «Ее у меня нет, я ее не помню», — призналась Ксения своей шадринской учительнице Елизавете Алексеевне Чурсиной.

Местом рождения Ксении Некрасовой считают деревню Ирбитские Вершины бывшего Екатеринбургского уезда, теперь Сухоложского района Свердловской области. Но сама поэтесса местом детства называет шахты около деревни Ирбитские Вершины. Как бы ни было, но с какого-то времени Ксения

попала в приют, а из приюта была взята на воспитание семьей учителя. «Когда, бывало, беседуешь с ней», — писала Е.А. Чурсина, — она говорит, что детство ее прошло прекрасно, что жизнь ее прекрасна, трудностей же у нее было, грубо выражаясь, навалом. Это такая оптимистка, что трудно себе представить».

Ксения где-то закончила семь классов, училась месяца два в Ирбитском педагогическом техникуме, а затем в августе 1930 года приехала в Шадринск и проучилась неполный учебный год в агропедтехникуме. К учебе она не проявляла особого интереса, но, по словам Е.А. Чурсиной, увлекалась поэзией.

Все последующие факты ее биографии можно представить, пожалуй, только обзорной хроникой. С 1931 по 1935 г. работала культработником на Уралмашзаводе в Свердловске. Этот период жизни Ксении не известен совсем. В 1935 г. была направлена Свердловским обкомом комсомола в Москву для учебы в Литературном институте. Попытки поступить в этот институт были, видимо, у Ксении и ранее. Е.А. Чурсина уехала в Москву в 1931 году, и буквально через две недели в Москве появилась Ксения Некрасова. «Нашла мой адрес в справочном бюро», — пишет Е.А. Чурсина, — и снова оказалась около меня и поселилась у меня дома. Вот тут мы и начали с ней ходить в институт, устраиваться, чего и добились».

Если все это так, то, видимо, Ксения Некрасова училась заочно, потому что очно она училась в 1937(?) - 1941 гг., не закончив институт в связи с войной. Тогда-то, в 1937 году в журнале «Октябрь» были впервые опубликованы три стихотворения Ксении. По утверждению М. Алигер, ей удивился и обрадовался сам Асеев, а он был вовсе не тем добрым дядей, которого ничего не стоит удивить и обрадовать. Словами изумления и радости он предвещал выход в свет первую публикацию поэтессы. Ее имя зазвучало, передаваемое из уст в уста и, казалось, вот они и пришли: признание, успех, слава. Но она была не приспособлена для столь простого и легкого решения вопроса своего существования, не для этого появилась, и не к тому устремлена была душа ее. Она была не только необыкновенным человеком и не только поэтом, но существом из совершенно другого измерения. Такие понятия, как признание, успех, слава были ей чужды. Сама она считала, что смысл ее существования на земле состоит в том, «чтобы все, что понял, от себя народу передать». Некрасова писала о том, что видела, чувствовала, знавала; писала мудрые стихи, мудрые именно своей безыскусственностью. Ее лицо, запечатленное однажды Робертом Фальком, словно озарено живым изумлением, радостью узнавания и познания мира, интересом ко всему сущему, интересом неподдельным и доверчивым. Она словно видела окружающий мир только лучезарным и прекрасным и не ждала от него никакого подвоха, никакого предательства, только радость и доброту. Ксения любовалась миром, любовалась самыми обычными будничными картинами жизни. «Глядите, люди...» - начинаются некоторые ее стихотворения. Это - удивление, призыв приостановиться и увидеть красоту жизни в простом труде, в окружающих нас вещах, в природе. Увидеть великое в малом. Понять, что все существующее в мире исполнено большого смысла. Она проповедовала единство всего живого:

Мои стихи...

Они добры и к травам. Они хотят хорошего домам
И кланяются первыми при встрече с людьми рабочими.

Встретила я куст сирени в саду.

Он упруго и густо рос из земли, и, как голых детей,
поднимал он цветы в честь здоровья людей,
в честь дождей и любви.

Она погружается в мир людей, как в лес или траву, и разглядывает цветы, словно это лица людей. Сама она — часть этого единого, наделенная способностью видеть истину жизни и донести ее до нас. Некоторые ее стихи похожи на рисунок ребенка, замороженного красотой природы, иногда они напоминают русскую народную сказку. Но всегда затрагивают в душе какие-то неведомые струнки, и вдруг начинаешь понимать, что ты — тоже частичка этого мира, своей Родины.

В стихах нет рифмы, зачастую они кажутся графикой, живописным полотном. Но ей и не нужна была рифма, чтобы уловить то, «что прячется за свет...». Сергей Наровчатов, вместе с которым она училась в институте, пишет: «Ксения была ярко талантливым поэтом, совершенно не воспринимавшей рифмы как обязательный компонент стиха. Помнится, мы, сверстники, несколько раз пытались «научить» ее рифмовке. Она вроде схватывала некоторые приемы, но тут же их забывала, как нечто маловажное. А надо сказать, что из нас она ближе всех стояла к начальным истокам поэзии... Ксения Некрасова - явление совершенно русское, без малейшей примеси иноязычных влияний».

Это был, наверное, самый яркий период в творчестве Ксении Некрасовой, который прервался наступившей войной. Ксения уезжает в эвакуацию, в Ташкент. Как она пережила войну? С какого времени после войны она приехала в Москву - неизвестно.

Каким трудом жила поэтесса? Маргарита Алигер вспоминает, что при встрече с нею пронзало сознание какой-то почти вины. Кажется, что так же воспринимали ее и другие литераторы. Все понимали ее исключительность, необычность, все разводили руками от невозможности ей помочь. Все относились к ней по-доброму и в то же время чуть-чуть иронично, а то и раздраженно, словно бы стараясь чем-нибудь защититься от мучительного сознания того, что живет между нами такая вот Ксения Некрасова и никто из нас не может ей помочь стать счастливее. А Ксения жила, радуясь, что на вокзале в Москве построили красивый теплый дамский туалет, где можно переночевать... Писала на клочках бумаги свои стихи-прописи жизни, давно забытые людьми. Ярослав Смеляков говорил о ней: «На электричке в столицу она приезжала с пачечкой новых наивных до прелести строк...»

Михаил Светлов однажды отмахнулся от очередного сетования: «Она не может иначе жить, она никогда не будет жить иначе. Удалось, правда, устроить ей комнату - хотя бы будет где жить». Но как жить? Была ли у нее профессия, которая давала ей хлеб насущный? Кем она была еще? Прачкой? - «С утра я целый день стирала», созерцательницей? - «О лес! Опять я у твоих корней. Склоняюсь, разглядываю травы». Или все это вместе было одной нелегкой судьбой женщины-поэтессы?

Печаталась Ксения в то время очень мало, и литературный труд, видимо, не кормил своего талантливого мастера. В эти же страшные послевоенные годы у Ксении родился сын, который вскоре умер.

«...Жизнь ее, в общем, сложилась

не очень удачно:

Пренебрежение, насмешечки, даже хула.
Знаю я только, что где-то на станции дачной,
вечно без денег, она всухомятку жила...» -

писал Я. Смеляков.

Стихи Ксении Некрасовой нравились ценителям и мэтрам. Ими восхищалась Анна Ахматова, несколько стихов даже записал в свою тетрадь Алексей Толстой. Ее ценили М. Светлов, Ю. Олеша, С. Щипачев. Но тем не менее при жизни Ксения Некрасова не была принята в Союз писателей, этой чести она удостоилась лишь посмертно. Ее первый сборник с предисловием Степана Щипачева «Ночь на баштане» выходит в свет лишь в 1955 году. Вторая книга «А земля наша прекрасна» вышла в свет, когда уже не стало ее талантливого творца: 17 февраля 1958 года Ксения Александровна Некрасовна умерла в возрасте 46 лет. Похоронена она на Ваганьковском кладбище в Москве.

В 1973 году в Москве изданы «Стихи» под редакцией председателя комиссии по литературному наследию Ксении Некрасовой литературоведа Л. Рубинштейна. В сборнике, благодаря огромным усилиям составителя, собрано 106 стихов (авсе поэтическое наследие Ксении — 116 произведений). Помещен в книге и единственный портрет Ксении, написанный Робертом Фальком. Как это произошло? Как они встретились? Такой художник и такая модель. Быть может, эта встреча была предназначена высшей Волей, дабы запечатлеть, укрепить в памяти людей эту ценную частичку Руси. Едва достигнув прилавка магазина книга сразу же стала редкостью. Петр Вегин вспоминал, что после ее выхода в свет, он в метро увидел девушек, склонившихся над стихами Ксении Некрасовой. В глазах их был тот свет, ради которого Ксения жила - «свечинки радости моей».

По материалам:

Журнал «Дон», № 3, 1976 г. Лев Рубинштейн.
Журнал «Урал», № 3, 1977 г. Вячеслав Тимофеев.
Журнал «Октябрь», № 9, 1973 г. О. Груднева.
Журнал «Новый мир», № 8, 1975. Петр Вегин.
М. Алигер. Вопросы литературы. № 5, 1967 г.

ЛЮДМИЛА МОСКВИНА

Благая весть

ИЗ ТУПИКОВ ЯЗЫЧЕСТВА

Тайна происхождения Жизни и Человека остается тайной - только для неверующих. Глас Господень звучит в пустыне человеческого сердца от начала мира. «Кто имеет уши слышать, да слышит!» (Мф. 13, 9).

История нашей жизни - это история поисков и обретения Бога. Религия у истоков человеческого рода, она стара как мир и она - всеобъемлюща. Культура неотделима от религии. Во все времена она - зеркало человеческой души. «Скажи мне, чему ты поклоняешься, и я скажу - кто ты?» Культура является материальным воплощением религиозной мысли.

Язычество, языческая культура - детство и отрочество земной цивилизации. Накануне Рождества Христова оно переживало переходный возраст. Возрастной тупик, затянувшийся вплоть до эпохи Возрождения.

«Что есть истина?» - на этот вопрос языческий мир не смог ответить и - утратил способность к развитию. Тупик язычества был следствием неспособности языческой мысли прорваться к истинной реальности Бытия - реальности Духа Божия.

Язычество во всем многообразии вариантов и во все времена есть духовный тупик без - Божия. Потемки души. Но оно увлекает ум и тешит душу. Оно поражает своим культурным блеском, парадоксами мысли и пышной роскошью городов - этих языческих капищ, где кумирам и идолам мира приносится в жертву собственное сердце.

Его фантазии сказочно-прекрасны, художественные образы, превосходно выполненные, поражают совершенством форм и знанием материала. Песни и пляски язычников завораживают своим ритмом. Они волнуют душу и - возбуждают страсти.

Язычество фантастично в своей основе. По сути оно - одна сплошная фантазия, и власть этой фантазии - умопомрачительна.

Язычник изначально мыслит мифами. Он их плодит постоянно и в огромном количестве. Мифы входят в плоть жизни и с неизбежностью становятся культами, порождая обряды и целые пласты материальной культуры, выражающей идеи культивируемого - мифа. Идолослужение - продукт фантазии язычника, дело его рук. Идолослужение и есть жизнь в плену собственной фантазии, в мире собственных иллюзий. Соблазн язычества силен именно потому, что его фантазии культурно оформлены.

Ранняя мифология язычества - это форма познания мира. Познавая, язычник всему стремится дать название, придумать красивую историю-сказку. С легкостью и безответственностью ребенка он творит богов, заселяя ими реки, леса, горы, небо и землю. Он

фантазирует, но миром иллюзий становится его собственная жизнь. Мифология развивается вширь, обожествляя все на своем пути. Птицы, звери, деревья, небесные светила, вода, камни, наконец, Земля и ее духи: бесы и демоны, известные по мифам всем древним народам, становятся объектами поклонения - идолами.

Со временем старые мифы забываются, обесцениваются в сознании и отмирают в обрядовой жизни. Изделия языческой культуры, уцелевшие под сенью времен, попадают в музеи и, увлекая праздный ум, вновь становятся идолами. Вокруг старых богов рождаются новые мифы и круг иллюзорной жизни повторяется.

Мифология древних неглубока. Она разрабатывается в вариантах несколько ключевых сю-

жетов. При всем внешнем культурном богатстве и привлекательности язычества, оно поражает своей внутренней бедностью идей, образов и сюжетов. При наличии множества богов - безбожностью мысли и - безбожностью жизни. Например, мифология древних славян вся вписывается в соларные мифы и мифические сюжеты о «матушке сырой землепошке», разрабатывая «тему Неба» и «тему Земли». Отсюда и изобразительный ряд языческой культуры, порожденный мифами, сводится к нескольким ключевым образам. Это конь, птица, баба, древо жизни. Все богатство традиционного орнамента покоится на трех-четырех ключевых знаках: крест, круг, треугольник, меандр. Впрочем, в знаках язычник ближе всего подходит к познанию мира - истинного. В знаковой, символической форме орнамент показывает небесную механику - круговорот веществ, материи во Вселенной. Древний орнамент - это предчувствие Инобытия. Именно благодаря знаку и, главным образом, «кресту в круге» - этому первому календарю древних народов, возникшему из наблюдений за движением планет, ритмами Луны и Солнца, - языческая религия встала на твердую почву календарной обрядности. На какое-то время Небо вошло в сознание язычника не как - повод для мифа, но как нечто - противоположное Земле и определяющее ее жизнь. Поле только тогда родит хлеб, когда бывает орошено небесным дождем.

Сколь притягательна сила неба, томящая душу то неизъяснимым восторгом, то смутной печалью. Взгляд язычника скользнул по небу и вернулся на землю. В пространство языческого мифа Небо вошло уже как - продолжение Земли. Язычник был весь на Земле, и вся его культура - это бесконечный гимн веществу, материи. Даже солнечный культ, связанный с небом, не выходит за пределы земного пространства. В солнечной колеснице бог-Солнце минует в течение дня небесные версты, а на ночь скрывается за морем, в фантастическом дворце. Земля - начало и конец его пути. Небо язычника - это часть Земли, как крыша над домом.

Язычник застрял на обожествлении познанных частностей. Он растаскивает плоть Земли на части, но части сами по себе не дают представления - о Целом. Единственной по существу осмысленной идеей язычества стала Идея Плодородия, оформленная в культ тела - рожающего. Тело Земли рожало хлеб, тело женщины, бабы - новую жизнь, точнее, новое тело. Солнце - источник тепла и света.

Но язычники поклонялись даже не телу, а функции, свойству его - рожать, производить жизнь. Неудивительно, что Идея Плодородия выродилась в фаллический культ. Поклонение фаллосу пронизывает все язычество, отражаясь в песнях, обрядах, культовых и бытовых предметах, произведениях искусства и даже в языческой философии. Идея, культ Плодородия, понимаемая узко-материально, оказалась - абсолютно бесплодной. Не имея высоких идей и слов, языческий мир погряз в обилии низменных ощущений.

Язычество зашло в тупик, ибо было неспособно вырваться из оков мифа. Как возник Мир, Земля, Вселенная? Откуда появился человек? В чем смысл Жизни и Смерти? Что есть Истина? Бог? - гробовое молчание. Тупик мысли. Познание мира - как единого целого, как Мироздания, как Вселенского Храма - было возможно только при испо-Ведании веры во Единого Бога. Но это означало - отказ от язычества, отказ от иллюзий и фантазий детства. Переходный возраст - это всегда кризис сознания, переоценка ценностей!

Единственным великим открытием раннего язычества, неоцененным по достоинству до сих

пор, - была Идея о Загробном Мире. По сути - это открытие Инобытия, мира невидимого. Это открытие давало перспективу жизни после смерти. Ставило вопрос о существовании души. Идея о загробном мире - была предчувствием духовной жизни, которая вне Бога, вне религии - невозможна.

Однако в рамках язычества эта Идея, не получив развития, стала просто очередным мифом, выродилась в культ мертвых, в культ смерти.

Языческий мир без конца плодил иллюзии и, задыхаясь в них, погибал бессмысленно и страшно. Тупик язычества был безысходен. Он мог быть отвергнут только Самим Богом, и Господь пришел в мир, чтобы его спасти. Язычники были - дети, «не ведающие что творят», и не любить их было невозможно.

Истина была обретена человечеством - на Голгофе. Но понять и принять Ее могли только те, кто познал Бога Живого, кто уверовал - во Христа.

Христос указал путь и цель земной жизни - крестный путь в Царство Небесное, которое «не от мира сего». Оно в пространстве Инобытия - Бытия Духа.

А для этого надо было освободиться от власти плоти, вещества, материи, от того, на чем стоял и стоит языческий мир.

Господь требовал духовного подвига от ослабшей в иллюзиях язычества души, или хотя бы только желания совершить этот подвиг.

Этим подвигом было Покаяние, очищающее землю сердца от страстей.

Нужен был плач, блаженный плач, соединяющий

нас с Господом, дарующий нам Благодать Духа Святого. Воскрешающий нашу душу к жизни в Боге, во Христе.

Только плачущая о грехах душа живет! Только душа, стяжавшая Дух Святой, имеет жизнь вечную!

Но языческий мир не услышал Господа! Не принял и не принимает Христа. Вера - это высшее познание Бога в мире видимом и невидимом - не вмещается в помраченный иллюзиями и соблазнами ум человека.

Напротив, помраченный разум, начиная с эпохи Возрождения - возрождения язычества в сознании, становится идолом, богом для человека, оторвавшим себя - от Бога. Переходный возраст для язычества закончился сменой декораций - все в том же тупике без-Божия. Разум, а точнее способность человеческой души - мыслить стала очередным культом, как когда-то в раннем язычестве - способность плоти рожать. Но это все-таки был шаг вперед!

Позднее язычество не заметило, как оказалось в тупике рационализма, в плену иллюзий собственного разума. Утверждая первичность материи, рациональный ум остался - без нее. «Материя исчезла!» Кризис сознания в начале нынешнего века свидетельствовал о том, что Новая история язычества закончилась,

начиналась - Новейшая. Но при отсутствии здоровых идей нео-язычество встало на путь открытого Богоборчества. Трагедия Голгофы повторилась - в России.

Наконец-то стало ясно, что пришествие

«Муж язычен не исправится на земле...»
(Псалтирь)

Господа на землю действительно разделило мир: на тех, кто с Богом, и тех, кто против Него. Что все остальные разделения не имеют смысла, они иллюзорны. Что в основе всех войн, всех баталий, как на поле брани, так и на страницах газет - только вопросы Веры, вопросы отношения человека к Богу - Единому, Единственному, воплотившемуся от Девы Марии 2000 лет назад в Вифлееме Иудейском. И им Ему - Иисус Христос!

Трагедия России была в исповедании Веры православной, христианской. И в этом же - ее великое счастье и надежда на Воскресение. Вера - это то плодоносящее Древо Жизни, соединяющее Землю и Небо, созидающее - Храм Духа Святого.

Бескрайность просторов России в огне страстей, в муке греха без-Божия. Но из глубины этого людского океана, от многочисленных приходов и возрождающих Россию обителей, в мерцании свечей и тихом покаянном плаче поднимается волной - Молитва!

А на гребне волны, возвысившись над миром, - Распятие Храма - Живое Тело Христа. Единая жертва за этот оставивший Бога мир. Вечный символ состоявшегося восхождения на Голгофу!

О, чудо молитвы, творящей Словом мир Божий, - спасающей мир!

ЛЮДМИЛА ГЕРАСИМОВА

«...Биение всебытия»

«...нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос».

(Колоссянам, 3.11)

В ПОСЛАНИИ К РИМЛЯНАМ апостол Павел ска- зал такую фразу: «...я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих по плоти». (Рим. 9) Что это значит?

У древних государств были только национальные религии, принадлежащие определенному народу, имеющему свой культ. Религия иудеев, в недрах которой родилось христианство, — не исключение. Она отличается ярко выраженной национальной обособленностью и строго регламентированным общением иудеев с другими народами (язычниками), что называется «соблюдением чистоты» иудеев. Иисус Христос, не отрицая божественного характера Моисеева закона и Храма, всячески подчеркивал в своих проповедях, притчах, беседах, что *Бог является общим отцом всех людей*, а не только иудеев (см. притчу о милосердном самарянине, притчу о званых на вечерю, беседу у колодца с самарянкой и др.). Этим сразу же Он вызвал ненависть иудейских первосвященников, которые ждали Мессию прежде всего как национального Царя, призванного спасти именно народ Израиля, а в учении Иисуса они почувствовали опасность для своей национальной религии, для Моисеева закона.

Убив с помощью римлян Христа, иудеи воздвигли гонение и на только что родившуюся христианскую Церковь. Одним из ревностных гонителей христиан был Савл, иудей из колена Вениаминова, рожденный в городе Тарсе Киликийском, воспитанный в фари-сействе, хорошо, как эллинист, знавший греческий язык, даже не чуждый греческой образованности, предназначенный стать книжником-раввином — бу-дущий апостол Павел. Энергично занявшись пресле-дованием разбежавшихся из Иерусалима христиан, он был потрясен явлением воскресшего Христа на пути в Дамаск. Пораженный физической слепотой, внутренне прозревший, он снова, через три дня, получил чудесно зрение через христианского ученика Ананию и крестился. После чего, краткое время в синагогах Дамаска, проповедовал об Иисусе как Сыне Божиим. Отсюда он пошел в Аравию, чтобы в уединении осознать себя в новом положении и подготовиться к своему высокому призванию. Снова возвратившись в Дамаск, он увидел, что его жизни угрожает опасность со стороны озлобленных иудеев. Апостол Павел понял: для того, чтобы привести к полному развитию универсализм христианской ре-лигии, нужна атмосфера и свободная почва диаспо-ры. Первое благовестническое путешествие апостола Павла началось с Антиохии Сирийской. Там он выступал с проповедью в синагогах и прежде всего обращался к иудеям, а потом и к язычникам. *«Вам (иудеям) первым надлежало быть проповедану слову Божию, но как вы отвергаете его и сами себя делаете недостойными вечной жизни, то вот, мы обращаемся к язычникам».* (Деян. 13.46). И много язычников вступили в Церковь Христову. И, все же, у апостола Павла как истинного иудея,

связанного со своим народом всеми корнями его человеческого естества, были моменты, когда он в отчаянии, боли и любви, скорбя об отвержении евреев от царства Христова, готов был пойти на самопожертвование ради спасения своего народа.

Именно в один из таких моментов он восклицает: «Желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих по плоти».

Быть отлученным — оказаться тем, кто у евреев обрекался на погиль для удовлетворения гнева Божия... Апостол хотел бы погибнуть, лишившись общения с Христом, погибнуть для вечного спасения, за своих братьев, чтобы только не на них, а на него обрушился гнев Божий.

Любовь к своей родине и к своему народу заставляет почти через два тысячелетия христианку - русскую монахиню Мать Марию (бывшую поэтессу Елизавету Кузьмину-Караваеву) в эмиграции, в годы второй мировой войны, совершить подвиг во имя России, простив и забыв в любви и скорби о том, что отрекшаяся от Бога атеистическая Россия отвергла также и ее, свою дочь, как и многих других своих детей.

И при всем при том, и у апостола Павла, и у монахини Марии Бог в иерархии ценностей стоит все же выше любви к своему народу. Именно поэтому они готовы жертвовать прежде всего собой и даже спасением собственной души ради своего народа, но, конечно, не любовью к Богу.

*«Пусть будет черное для глаз усталых,
Пусть будет горек хлеб земной на вкус,
В прикосновении каждым яд и жало,
Лишь точка света — имя Иисус».*

и далее:

*«И забыла я, есть ли средь множества
То, что всем именуется — Я.
Только крылья, любовь и убожество
И биение всебытия».*

Мать МАРИЯ

ХРИСТИАНСТВО — НАДНАЦИОНАЛЬНО. Оно призвано создать суперэтнос - Новый Израиль, Народ Божий. Но каждый из нас войдет в этот Народ из колыбели своего отечества.

Сейчас в России опять пытаются сделать Православие частью идеологии национализма. В этой связи часто вспоминают фразу Достоевского: *«русский и православный — синонимы»*, призывают сделать Русскую Православную Церковь хранительницей национальной культуры или пытаются ввергнуть ее в пучину политики. Но христианство не может быть объединено с какой-то конкретной культурой, хотя наша культура является нашим пониманием Евангелия.

Христианство было рождено в семитической традиции. Притчи Христа — это культура иудеев того времени.

Культура должна быть оплодотворена Правосла-вием, а не наоборот.

Мне приходилось общаться с православными раз-ных стран — греками, американцами, японцами, африканцами. Они ничуть не менее, а где-то, может быть, и более православны, чем мы, русские. Запом-нилась одна беседа с православным священником из Швеции. Родители его были протестантами. Будучи молодым человеком, он искал Бога, узнал о Правос-лавии и захотел стать православным. И это оказа-лось для него большой проблемой. В Швеции есть несколько православных общин: греческая, болгарс-кая, сербская. Чтобы стать членом одной из перечис-ленных общин, нужно быть или греком, или болгари-ном, или сербом, или, по крайней мере, знать один из этих языков, так как богослужение ведется на

национальных языках. Все упомянутые общины очень замкнуты и изолированы друг от друга. Господь все же помог этому человеку — он стал даже православным священником, и сейчас возглавляет шведский православный приход. И у него теперь новая проблема: как помочь соотечественникам приобщиться к сокровищам Православия, к истинной вере, если они по национальности шведы и не знают ни греческого, ни церковнославянского языков? На каком языке служить? Он перевел богослужение на шведский. И опять проблема: как общаться с православными общинами греков, болгар, сербов, которые не знают шведского языка? Была составлена служба на английском языке. Получается, что в Православии в мировом масштабе национальность служит не объединяющим, а наоборот — разобщающим фактором. И, собираясь вместе, православные разных стран вынуждены молиться на английском языке. Надо ли объяснять, что перевод литургических текстов на современный английский язык влечет за собой утрату многообразности, изначальной глубины смысла и приводит к рационализации понятий.

Вот только один пример: греческое слово — софия — это мудрость, познающая целостный Космос. И второе понимание Софии — как воплощенного Бога Слова. Русское слово премудрость, или мудрость, имеет часто значение знания, откровения. Английское слово wisdom (или great wisdom) употребляется уже в смысле благоразумия. У католиков такой проблемы нет, их объединяет латинский обряд. Соберутся, например, пятеро католиков вместе — скажем, из Китая, Испании, Польши, Африки, Рима — и прочтут вместе «Pater noster» на латыни. У православных греческий язык не стал таким общим языком, как латинский у католиков, хотя восточный обряд сформировался в Византии на греческом языке. Ранний перевод богослужения на славянский язык был очень прогрессивным актом в свое время, в отличие от католицизма, где долгое время господствовал только латинский язык. Зато это дало возможность всем католикам (а не только священнослужителям) хоть насильно, но выучить латынь (кстати, как ни странно, в истории очень много хорошего осуществилось именно насильно), а православным знать греческий было ни к чему — ведь служба шла на родном языке.

Т ЕПЕРЬ, В РЕЗУЛЬТАТЕ, и греческого не знаем, и свой родной церковнославянский стал реликтовым, чужим языком. По этой причине (да еще 70 лет атеизма сделали свое дело) *наш народ в массе своей уже ничего не понимает в православном богослужении*. Вот и находятся у нас писатели да художники, которые, тоже утратив понимание церковной традиции, берутся учить народ духовным и религиозным истинам, забывая, что это все же прерогатива Церкви. И, если Церковь не обличает и не клеймит, брызжа ненавистью, то они считают, что Церковь безмолствует и обвиняют ее в «рабстве обряду». Первым из таких был Лев Толстой, который создал свое учение, выбрав из Евангелия, как ему казалось, главное — истинное и важное. В итоге он свел учение Христа к моральным правилам, забыв, что высшая истина есть Любовь, которая очень часто противоречит и здравому смыслу, и житейской мудрости, и человеческой справедливости. Впрочем, лучше, чем Василий Розанов, об этом сказать невозможно: «...Толстой, со своей стороны, совершенно не понимал Церкви. Он знал Евангелие — да. Он видел темноту и корыстолюбие духовенства. Видел его мелкую бытовую неряшливость, сказывающуюся в мелкой боязни перед большой властью, непрямоту в отноше-

нии к богатым людям и равнодушие к нравственному состоянию народа. Действительно, духовенство сумело приучить весь русский народ до одного человека к строжайшему соблюдению постов; но оно ни малейше не приучило, а, следовательно, и не старалось приучить русских темных людей к исполнительности и аккуратности в работе, к исполнению семейных и общественных обязанностей, к добросовестности в денежных расчетах, к правдивости со старшими и сильными, к трезвости. Вообще не научило народ, деревни и села упорядоченной и трудолюбивой трезвой жизни. Это имело страшно тяжелые последствия...

...В России есть много святых людей: и гораздо реже попадается просто честный трудолюбивый человек, сознательный в своем долге и совестливый в обязанностях. Это общее несчастье России... Таким образом, этот страшный проступок духовенства есть, однако же, проявление только общечеловеческой слабости, безволия, бессознательности. Толстой гневался и волновался около этих недостатков духовенства. И волнение, развиваясь дальше, выразилось в резком осуждении русских пышных церковных служб, пышных обиходов и присущего духовенству значительного властолюбия и честолюбия. «К чему все это, когда вы не выучили народ даже воздерживаться от водки».

Конечно, Толстой был прав здесь. Но мелкою правдой. Он не понял или, лучше сказать, просмотрел великую задачу, над которой трудились духовенство и Церковь девятьсот лет. Это — выработка святого человека и выработка самого типа святости, стиля святости и — благочестивой жизни.

...«Святой человек», или «Божий человек», есть образ, совершенно неизвестный Западной Европе и не выработанный ни одною Церковью — ни католицизмом, ни протестантизмом. Он заключается в полном и совершенном отлучении себя от всякого своекорыстия, не говоря о деньгах и имуществе, даже вообще о собственности, — это отречение простирается и на славу, на уважение другими, на почет и известность.

...«Святой человек» погружается в совершенную тишину безмолвной глубоко внутренней жизни... он непрерывно молится — и молитва русского человека есть опять душевный феномен, малоизвестный или вовсе не известный у других народов. Вся молитва сплетается из глубокого сознания своей греховности, своего ничтожества, из совершенной примиренности души со всеми людьми, из жажды Божией помощи, из надежды на Божию помощь, из веры в чудо и чудесную Божию помощь.

...Но «русский святой» не бывает без великой любви ко всем людям. «Русский святой» есть глубоко народный святой.

...Таким образом, подобный «святой» есть собственно исцелитель болящей душою России — иногда на свою небольшую местность, иногда на несколько губерний, иногда даже на всю нашу землю. Последнее было со священником города Кронштадта Иоанном.

...Но это — завершенный образ «святого». Однако, приближения к нему крупицами рассеяны во всем народе. Редкий русский человек не переживает порывов к этой святости, хотя

недолгих и обрывающихся... Вот этой стороной своей нравственной или, вернее, своей духовной жизни и живет русский народ, его он крепко, через нее встает из всяких бед...

Но этот «святая человек» дан Церковью, церковным духом, церковною историей.

...Молитвы, присущие нашей Церкви, которые непременно народ слышит в храмах, полны совершенно особенного духовного настроения. Это духовное настроение полно нежности, деликатности, глубокого участия к людям, глубокой всемирности... Храмовая служба наша обнимает мелкое и великое в жизни человека во всех подробностях. Не зная церковной службы, совершенно нельзя понять, что такое русский народ и как он произошел. Храм вполне заменяет для нашего народа гимназию, школу, университет, книгу, науку. Этого нельзя понять, не зная универсальности нашей храмовой службы и того, что она вся выражена поэтично, вдохновенно. Ее музыкальная сторона, заключающаяся в повышении и понижении голоса, произносящего молитвы, в напевах молитв, — удивительна. Таким образом, она не только просвещает народ известными истинами, но и постоянно ведет его к идеалу, притом к идеалу жизненному, простому, достижимому, практическому, трезвому, благородному». (В. Розанов «Л. Н. Толстой и Русская Церковь»).

Это было написано Розановым в начале века, когда еще большая часть русского общества знала церковную традицию и жила в ней, и была церковна, когда еще не было эпохи воинствующего атеизма, погубившего последние остатки понимания русской православной традиции. Теперь для большинства современных русских людей церковная культура — книга за семью печатями. И первая из них — это язык богослужения, который непонятен. Сейчас в Русской Православной Церкви рассматривается вопрос о хотя бы частичном переводе богослужения на русский язык. Это вызывает резкий протест как православных националистов, так и церковноэстетствующей интеллигенции. Они говорят: мы хотим слышать молитвы церковные на церковнославянском языке, так же как их слышали наши предки. Проще — это то, что нас объединяет и друг с другом, и с ушедшими поколениями. Мы не хотим терять эту языковую нить, это сокровище, заключенное в языке богослужения. И они правы, хотя забывают одну вещь: все-таки те же молитвы наши предки слышали по-другому. Для них это был не просто «славянских букв таинственный узор», который дорог нам, а живое огненное слово Евангелия, которое пронзает до глубины души — когда сквозь слова постигаешь их смысл. Это были живые слова, которыми они говорили и мыслили. А мы смысл молитвы постигаем сквозь слой «реликтовости» церковного языка.

Я никогда не забуду то чувство огненного пронзания Слова Божия, когда я впервые услышала за великопостным богослужением Великий Канон Андрея Критского на русском языке: вдруг как горячая волной окатило, и загорелось в сердце Слово Божие.

Но, с другой стороны, нельзя же все до бесконечности переводить (низводить), адаптировать. Так можно и до сленга дойти. Надо и самих людей поднимать на более высокий уровень, учить их понимать высокое. Конечно, нужно разумно и осторожно вводить русский язык на богослужении, но больше все же нужна хорошая проповедь, беседа, толкование и обучение церковнославянскому языку. Это дело не только Церкви, а и наших писателей,

художников — помочь восстановить утраченное понимание русской православной культуры, богослужения, его языка, символики. Конечно, легче заклеить богослужение «декоративной пробкой обряда», чем проводить эту долгую кропотливую работу помощи Церкви.

В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ, начиная примерно с 70-х годов, среди русской интеллигенции прослеживается увлечение культурой славянского язычества. С того же, примерно, времени начинается и получает широкий размах, так называемое, «фольклорное движение». Раздаются также голоса, вплоть до различных научных публикаций (например, Золин «Русь до Руси» и др.), стремящиеся убедить нас, что христианство — это чуждая для русского народа религия, занесенная с чужеземных земель, что надо обратиться к своим исконно русским, славянским Перуну, Яриле и т.д. Надо петь только свои народные песни, печь куличи, «закликать весну», ходить всегда в сарафане — и это спасет нас как нацию от гибели.

Боже, до чего все повторяется в истории! Опять призыв к своим национальным «божкам», как — помните? — две тысячи лет назад при апостоле Павле... В ответ на эту тенденцию некоторые фанатики, считающие себя истинно православными, объявляют язычеством любые невинные вкрапления традиционной народной культуры в христианскую жизнь, призывая все это безжалостно выкорчевывать из жизни и души христианина. Это тоже было в истории. Вспомним пуританскую Англию, где было запрещено даже празднование Рождества Христова, чтобы, не дай Бог, в этот христианский праздник не проникли какие-нибудь народные традиции!

Так вновь и вновь прокручивается колесо истории, вновь и вновь повторяется то, что уже было, и «*нет ничего нового под солнцем*» — это сказал еще премудрый Соломон в книге «Екклесиаст» задолго до рождества Христова. По этому поводу хочется процитировать слова Семена Людвиговича Франка — русского философа, чьи слова звучат удивительно актуально сегодня: «*Наша душа обнищала и изголодалась. Потеря веры — не легкое дело, низвержение кумиров, которым мы и наши отцы поклонялись так долго и страстно, — не детская забава. Вероятно, так же жутко, пусто и тоскливо было нашим предкам, древним славянам, когда низвергались в Днепр Перун вместе с остальными идолами, и они не знали, кому теперь надо служить и у кого просить помощи в бедах. Ибо отречение от кумиров не есть наглое предательство, не есть отказ от веры и впадение в буйство нечестия: оно есть признак смены вер, и если новая вера еще не найдена, то падение старой само уже есть признак страстного ее искания, мучительного томления по ней.*

Благо тому, кто в этой тоске, в этих мучениях духовного голода и жажды имеет близкую родную душу — все равно, друга, мать или жену, — перед которой он может излить свое томление, или с которым он может, по крайней мере, хоть передохнуть от него, — ибо часто мы не только самому близкому человеку, но даже себе самим не можем высказать до конца то, что нас мучит. И горе одинокому!

Одно родное существо есть, впрочем, у нас всех: это — родина. Чем более мы несчастны, чем более пусты наши души, тем острее, болезненнее мы любим ее и тоскуем по ней. Тут мы, по крайней мере, ясно чувствуем: родина — не «кумир», и любовь к ней есть не влечение к призраку; родина — живое, реальное существо. Мы любим ее ведь не в силу «принци-

на патриотизма», мы не поклоняемся ни ее славе, ни ее могуществу, ни каким-либо отвлекающим признакам и началам ее бытия. Мы любим ее самое, нашу родную, древнюю, исконную мать; она сама теперь несчастна, обесцелена, больна тяжким недугом, лишена всякого величия, всяких приметных, бесспорных для постороннего достоинства и добродетелей; она и духовно больна вместе со всеми нами, ее детьми. Мы можем любить ее теперь только той «странной любовью», в которой признавался великий, столь духовно близкий нам, тоскующий русский поэт, «гонимый миром странник с русской душой». Эта «странная любовь» есть для нас теперь единственная подлинная, простая любовь — та всепрощающая любовь, для которой «не по хорошему мил, а по милу хорош». В пылу политических страстей, теперь уже для большинства из нас мнимых, показных страстей, которые мы сами раздуваем в себе, чтобы заглушить и нашу духовную пустоту, и о которых тот же поэт почти сто лет тому назад так горько сказал: «и царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь горит в крови», — в этом туманящем чаду мы часто забываем нашу подлинную любовь и невольно отречаемся от несчастной матери-единственного сокровища, оставшегося у нас на земле. Мы выставляем напоказ ее позор, мы злорадно усмехаемся ее страданиям, мы стараемся даже преувеличить и ее скорби, и глубину ее нравственного падения, потому что не можем примириться с тем ложным путем, по которому она пошла. Мы взваливаем на других и на нее самое ту ответственность за ее грехи и несчастья, которая лежит одинаково на нас всех, ее детях, мы часто готовы отождествить ее столь дорогую и родную нам душу, которая — мы знаем это — непреходяща, с бесчинством и мерзостью ее порочных детей-наильников, теперь издевающихся над ней. Но все это происходит в поверхностном, показном слое нашей души. Подлинное наше отношение обнаруживается не на словах, не в сознательных рассуждениях и оценках, а в той тоске, в тех слезах умиления, с которыми мы думаем о родных полях и лесах, о родных обычаях и внимаем звукам родной песни. Тогда мы знаем, что милее, прекраснее родины нет страны на свете.

...Но мы-то, к несчастью, хорошо знаем, что нельзя помочь никому, в том числе и родине, если сам — беспомощен, что нищий не может никого обогатить и больной не может стать ничьим целителем. Мы знаем, что мы сами больны одной и той же болезнью с нашей родиной, как бы ни были различны симптомы этой болезни, и что мы исцелимся только вместе — если исцелимся! Мы направим ее на новый верный путь не ранее, чем найдем его для себя самих. И потому как не спасает нас любовь к близким людям, которая лишь смягчает, но не утоляет нашу духовную тоску, так не спасает нас и самая искренняя, самая пламенная и беззаветная любовь к родине. Сама вера в нее, без которой немислима и любовь, коренится — мы ясно чувствуем — в какой-то иной, более глубокой и всеобъемлющей вере, в которой мы должны еще укрепиться, которую мы должны с непрекращаемой и незабываемой очевидностью обрести в своей душе, но которой у нас доселе нет. Хотя любовь сама по себе не нуждается ни в каком обосновании, но без этой веры она все же лишена какой-то последней прочности, како-

го-то глубочайшего оправдания. Мало ли было народов, которые погибали от внешних ли несчастий или от духовного разложения? Чем же мы, русские, лучше других, и от чего в этом мировом землетрясении не можем исчезнуть и мы? Может быть, Россия — такой же мираж, как все остальное, нас окружающее? В нашей духовной пустоте мы не можем найти убедительного опровержения этой кошмарной фантазии.

Нет, — мы чувствуем это — без веры во что-то первичное, основное, незбываемое, без последней, глубочайшей твердыни, на которую мог бы опереться наш дух, никакие земные влечения и увлечения, никакая любовь и привязанность не могут спасти нас». (С. Л. Франк, «Крушение кумиров»).

ГЛУБОЧАЙШАЯ ЭТА ТВЕРДЫНЯ ЕСТЬ БОГ. Но

Бог в христианстве — это не что-то отвлеченное (как, например, Мировой Разум или Высшая Справедливость) — это личный живой Бог — «Бог Авраама, Исаака, Иакова», а после воплощения — конкретная, живая, любимая личность — Иисус из Назарета, Сын Человеческий и Сын Божий — вот то, чего нет (вернее, Тот, Которого нет) ни в одной другой религии. Ибо только личность имеет право стоять на вершине ценностей; все безличное — вещи, блага, идеи, нормы — стоят ниже.

«Вот почему высшая святость есть Личный Бог, а не безличный, Живой Бог, а не идея Бога, безличный Бог стоял бы ниже, а не выше человека. Таков абсолютный «океан» индусов: он обладает всепоглощающей мощью, но не обладает честью и достоинством человека». (В. Вышеславцев «Этика преображенного Эроса»).

Я могу и хочу любить живой трепетной любовью только Живого Бога, живую Личность — Иисуса Христа, но никак не персонифицированную стихию грозы в образе Перуна.

Христос неизменен. Он всегда один и тот же. И в Нем соединяются все века, все народы, все личности.

Церковь Христова, как корабль, плывет сквозь века и тысячелетия — снова и снова воплощая в мире Образ Христа и раскрывая Его учение. Она вбирает в себя культуры разных народов, входящих в нее. Она, в своем богослужении, очень многое взяла из древних языческих мистерий, впитала в себя почти всю языческую обрядность и символику, наполнив ее новым содержанием и часто прямо противоположно переосмыслив. Она привлекла себе на служение все искусства — архитектуру, ваияние, живопись, музыку, пение. От нравственной порчи и пороков современного мира, которому причастны и верующие, Церковь в же соблюдает свою святость и «врата ада не одолеют ее».

«Говорят: христианство обрехлело. Нет! Логос вечен, а христианское человечество еще очень юно; языческий мир, мир закона, мир ветхого Адама обрехлел». (Фридрих Делич «Вавилон и Библия»).

Говорят: наступила эра постхристианства. Нет! Это исполняется евангельское пророчество о том, что к концу времен умножится беззаконие и оскудеет в людях любовь, и что Господь, пришедши снова в мир, едва ли найдет веру на земле. Об этом предупредил Сам Господь. Мера зла еще не исполнилась, и зло продолжает нарастать. Нужно быть бдительным и молиться, ибо только «перетерпевый до конца, спасется». Невозможно бороться со злом через ненависть к нему и обвинение в нем кого-либо другого, потому что в этой ненависти, как и в гордыне обвинительной установки, сам судящий уже пленен и соблазнен извращенностью зла. Единственно возможное преодоление и погашение зла — через сознание вины. Это — слова философа Франка. Именно этому учит и Церковь Христова.

ИННА КУЗНЕЦОВА

Магия творчества

Творчество не может не притягивать любознательного человека своим таинством. Привлеченный тем или иным произведением, невольно задумываешься, как это удалось художнику передать на полотне столь тонкие человеческие переживания, состоящие из природы. Что послужило поводом к этому, какие ассоциации возникали у него и с чем они были связаны, какие образы, чувства не давали ему покоя, пока не выплеснулись на полотно и не стали законченным произведением? Конкретный ли человек смотрит на нас с холста? Или его портрет, да и сама ситуация, вымышленные? Да и чем он, художник, вообще отличается от простого смертного, если видит удивительное и прекрасное там, где другой человек просто проходит, скучая? Что художник хочет сказать нам, зрителям? Да и нужен ли вообще ему зритель? Или автор разговаривает сам с собой и со своими придуманными героями? Наверное, у каждого художника все это, как и сама жизнь, складывается по-разному. И даже в жизни и творчестве одного художника бывают разные периоды, черные и розовые, суровые и нежные. И если вам все это тоже интересно, прочтите мою беседу с тонким живописцем-лириком, заслуженным художником России Ларисой Петровной Новиковой. Впрочем, это и не беседа даже. Скорее — мысли вслух, размышления и думы, воспоминания и мечты, сомнения и разочарования — все, чем полна жизнь художника.

— Я привыкла работать каждый день. Всю жизнь стараюсь каждый день писать, если не болею только. Осталось еще много прежних и пока не реализованных задумок. Я ведь много ездила. По всей России собирала материалы, делала зарисовки карандашом, старалась все запомнить, все сохранить в памяти для будущих картин.

Вот эту «Восточную женщину» я писала в Таджикистане. Я там еще в студенчестве практику проходила. И там остались у меня замечательные друзья. До сих пор волнуясь за них, как они теперь. Столько лет прошло, столько перемен на нас нахлынуло! А краски те в таджикском ауле до сих пор помню — яркие, знойные; казалось, плавился от жары сам воздух, и песок, и хижинки аула. А эта женщина стояла посреди горячей улицы, яркая, загадочная, и какая-то свежесть, прохлада исходила от ее глубокого восточного взгляда. Было это в 57-ом году. Но помню, будто вчера...

А на «Академической даче» /это в Калининской области, где многие десятилетия собирались и работали живописцы со всей страны — замечательное место для художников! /работал как-то рядом художник из Чечни — Камал. Очень интересный человек — веселый такой, взрывной, но добрый. Однажды подошел ко мне и говорит: «Ты так хорошо пишешь. Напиши меня». Я и написала его портрет. С бородой. Он ее на «Академичке» отпустил, как все художники. «А дома, — говорил он, — мне придется ее сбрить, ведь по обычаю у нас бороды только старики носят. Молодому нельзя». Он из

ЛАРИСА ПЕТРОВНА НОВИКОВА родилась в 1930 году в Калининской области под Ржевом. В 1948 году закончила Ленинградское ремесленное архитектурно-художественное училище. В 1953 году — Ленинградское художественно-педагогическое училище, в 1959 году — театрально-постановочное отделение Ленинградского института живописи, архитектуры и скульптуры имени И. Е. Репина. В художественных выставках участвует с 1959 года. С 1967 года — член Союза художников СССР, затем — России. С 1959 по 1975 год работала театральным художником в Новгородском областном театре драмы, где подготовила к постановке декорации свыше 50 спектаклей. С 1972 года занимается исключительно станковой живописью. Ее произведения экспонировались на областных, зональных, республиканских, всесоюзных, персональных художественных выставках, в том числе и за рубежом. Многие из них хранятся в музеях Москвы, Санкт-Петербурга, Новгорода, Петрозаводска, Томска, Тюмени, Омска, в частных коллекциях в России и за рубежом /в Японии, Финляндии, Швеции, Германии, Англии/. С 1986 года — заслуженный художник России.

Грозного был. И я его часто вспоминаю, жив ли чеченский художник Камал? Да, судьба...

Я и по всему нашему Северу ездила. Особенно любила бывать на Мезени. Потому что там сохранилась наша Россия, такой, как была прежде. Приятно мне было общаться с теми людьми, которые живут так далеко. Они мне много чего рассказывали. И, знаете, как интересно — они говорят по-русски, но как-то по-другому, очень быстро и с юмором таким неподражаемым. Мне так нравилось, что я даже записывала их говор, рассказы. Раньше это наша земля была, новгородская. Вот и речь похожая. Деревня называлась Заручей. Вот именно этот выговор там, на Мезени, и сохранился. Они говорят как-то слитно. И все предложение произносится слитно, словно выливается сразу, как река. В Заручье сохранилась не только старинная русская речь, но и костюмы старинные. Они их одевали, я рисовала. Все это очень интересно художнику. А как я туда, на Мезень, попала? Это тоже связано с «Академической дачей». Я там была раз семь, семь весен там чудесных встретила. Столько художников интересных там повстречала. Удивительное, замечательное было место. Жаль, теперь этого нет. Вернее есть, но стало так дорого, что художники перестали туда ездить. Так вот там я встретила с художницей из Архангельска. Мы подружались, она пригласила меня поехать с ней по северным местам, где писали Виктор Попков, Стожаров... Там многие художники писали. Мне даже кажется, что Попков сидел именно в той комнате, в деревне, которую я рисовала. У него есть подобный пейзаж... Впрочем, поехала я с удовольствием. Только очень это далеко. Трудно.

...Заручей, Кимжа — большие рыбацкие поселки. Трудно живут там люди. Некоторые за всю свою жизнь так никуда оттуда и не выезжали. Мужчины все рыбаки, вот и жили всю жизнь «на рыбе»: она и кормит, и работу дает. Только мало и там людей осталось. А дома удивительные, двухэтажные, добротные, с поветью, большими амбарами, раньше, говорят, чем только не наполненными. А когда мы приехали, в каждом таком огромном доме — по одной старушонке. И все. Остальные — кто умерли, кто разъехались. А в начале века богатый поселок был. И церковь с того времени осталась, деревянная, изумительной старинной архитектуры, очень добротная. Только молиться в ней теперь почти некому. По всей стране умирали деревни...

Тогда я очень много сделала рисунков. А писать особенно хорошо было ночью. Почему ночью? А очень красиво вокруг. Улицы пустынные, ни души. А освещение какое красивое — белые ночи стояли. Изумительное впечатление. Напишешь и даже сам не поймешь, ночью творил или днем. Я-то знаю, что только ночь дает такое мягкое освещение. Так и родились мои «Белая ночь в Кимже», «Вечер на Мезени»... Там тоже осталось много друзей. И сейчас зовут приехать.

А вот этот дат — мил на полотне — малая моя дзэвня Малая Горка, но уже Тверская земля, земля моего детства. И эта Горка погибла. Давно, в 60-е. Она была чуть ли не последней деревней, которая жила еще в лесу. Тогда деревни объеди-

няли в большие поселки, и из этих мест люди потянулись в Большую Удомлю, где строилась атомная станция и нужны были рабочие руки. Нельзя так с деревнями поступать, с людьми. Похоже, даже сама природа возмущалась тем, что делали с ней, да и с собой люди. Там, знаете, вода стала исчезать. Во всем краю. Просто уходила из рек, всех водоемов. От людей уходила вода. Может, тому причиной был какой-нибудь котлован или строящаяся плотина, но впечатление было мистическое: от людей уходила вода, даже в колодцах ее не оставалось. А ведь раньше столько рек и речек было, озеро красивое. Людям нравились эти места, а вот пришлось уходить. Целыми деревнями покидали насиженные обжитые места. Страшная картина. Но жить там уже было нельзя. Вот почему во всех работах в Удомле присутствует грусть, печаль по родным местам, заброшенным домам, безлюдным деревням. Я каждый год писала вид из деревенского дома. Сначала видны были четыре сарайчика - в одном сено собирали, в другом - дрова... Потом приехала писать - смотрю - уже два сарая, потом - один, и тот на глазах упал. И дома в деревне тоже падали, как люди в эпидемию. Нет больше Горки. А вот на полотнах она осталась. И веселые разноцветные половички, и яркие клубки шерсти, и легкая занавеска на окне, - все так тепло, уютно. А за окном - раздольные луга... Все осталось жить на холстах. Это был самый последний уцелевший дом в деревне. И жили там добрые веселые люди. Хозяйка - тетя Лиза - имела очень хороший голос - такая певунья была. Ее даже в хор Пятницкого приглашали, но она замуж вышла и в Москву не поехала. Нелегкую жизнь прожила. Муж на фронте был; живым, к счастью, вернулся, четверых детей вырастила. Добрая русская семья, замечательная женщина. Она сейчас с семьей в Удомле живет. Мне - как родная.

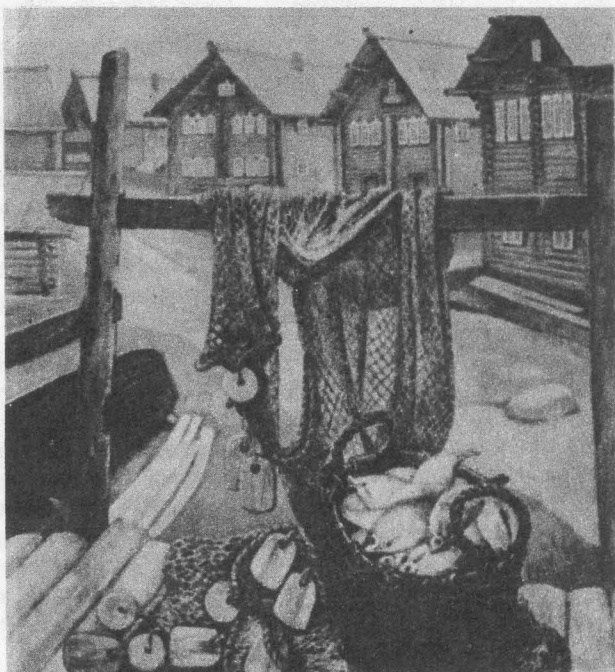
О нынешней молодежи в деревне написала она картину «Песня». Невесело получилось. И эти ребята собирались деревню покинуть.

Очень удаются Ларисе Петровне деревенские интерьеры. В них живой уголок чьей-то жизни, характеров, привычек, чья-то память, чьи-то будни и праздники, радости и огорчения.

— Люблю работать с кусочком дома. Писать все эти занавесочки, герани, цветные половички, кошку на окне, старинную лампу. Может, я старомодна? Но ведь и дома эти очень старые, и посмотрите, как красиво, тепло и уютно в них. Даже городские жители, никогда и не жившие в деревне, чувствуют это. Может, память предков, а может, домашний уют так притягательны. Вот этому дому, где я писала, больше ста лет. И я чувствую его, будто он — живое существо. Да, наверное, я старомодна. Впрочем, вспомните Сергея Есенина, как бы он ни старался «задрать штаны, бежать за комсомолом», все равно так и остался поэтом «золотой бревенчатой избы». Вот и я, наверное, тоже... Но я всегда хотела работать так, чтобы людям все это было близко и понятно, чтобы все, что я написала, людям осталось. Чтобы видели они, как мы жили, как было до них. А в остальном - время рассудит, кто был прав, кто был лучше, кто хуже. Главное - раствориться в своем народе, жить с ним вместе, что-то получить от него, что-то отдать ему. Может, и от меня что-нибудь людям останется.

Мне вообще люди очень интересны, все абсолютно. Но есть те, что в сердце забираются. Снова и снова хочется их прочувствовать, написать заново. Вот писала большую картину «Хор «Крестецкая строчка» и тоже с такими интересными женщинами познакомилась. Они и мастерицы великолепные, и пели так красиво. Я к ним на репетиции часто ездила, смотрела, как со строчкой работали — дивно получалось. Я для картины тогда много этюдов писала, хотелось всю красоту их показать, и душевную, и рукотворную. И раздольность земли новгородской с красивыми крестецкими горками. Мне после этой картины звание Заслуженного художника России присвоили. А картина на многих выставках была; где-то в Москве, в Художественном фонде, и осталась. Хорошо, если ее не продали иностранцам /Худфонд очень много распродал за эти последние годы/, как-то мы стали не хозяевами собственного богатства...

Есть у меня портреты, которые меня буквально лечат, душу греют. Это портреты моей мамы. Она у меня была долгожительницей — 91 год прожила. Мы — четыре ее

дочери, старались сохранить ее как можно дольше. Большой оптимисткой она была, хоть прожила, как и большинство россиян, нелегкую жизнь. Вот этот ее последний портрет в нашем саду написанный. Каждый день встречает меня в мастерской, и я снова маму вижу. Он мне жить помогает. Очень она любила антоновские яблоки, а я любила ее под яблонями писать. Чем-то они были похожи, мама и яблоня.

Вот эта работа называется «Старая яблоня». Осыпаются листья, падают на землю созревшие яблоки, мороз надвигается, стелется легкий туман. Яблоня низко, к самой земле тяжелые ветки опустила. Яблок много, не удержать... Не может она справиться — роняет и яблоки, и листья на траву. Я недавно Есенина перечитывала и нашла у него ту же мысль. Помните: «Ведь яблоне тоже больно ронять своих листьев медь?» Вот и у меня она будто прощается со своими плодами. Может, это ее последний урожай. Все она отдала земле, все что могла. Как наши деревенские русские женщины, все — без остатка.

Люблю писать туман, вечерний и утренний, ранней весной и осенью. Меня как-то спросили: какого цвета туман? А я и не знаю. Разный он бывает: голубой, белый, розовый — это когда сквозь него солнце идет. Вот я юношу писала в лодке на Ильмене, помните? Вот там розовый был туман, очень красивый.

Весна — это вообще необыкновенное время года. Какая то поэзия в этом есть, когда одно еще не закончилось, а другое только начинается. В этом и поэзия, и музыка есть. Музыка жизни. Первые трели птиц, первые проталинки, первые яркие солнечные лучи и необыкновенно голубое небо. Просто изумительно. Кажется, в лесу перекликается эхо. И все деревья — в голубой дымке. А черемуха цветет! Это удивительнейшее явление у нас на Севере — цветение черемухи. Недаром именно в эти дни поют соловьи.

Наверное, в каждом художнике живет поэт. Или сам художник и есть поэт.

— А вот на этом холсте — совсем другая весна. Проталинки, островки снега, дымка в лесу. А этот пейзаж я писала уже ближе к маю, когда поля просыпаются, зеленеют озимые. А на березках и не зелень вовсе, а какая-то голубая, бирюзовая нежная молодая поросль. И эхо бродит по лесам. Вспоминается «Снегурочка» Островского, когда водят хороводы. У меня даже появилось желание сделать еще декорации к «Снегурочке» для театра.

О, театр! Это вторая моя жизнь! Я его люблю не только как зритель.

15 лет она работала художником-декоратором в Новгородском областном театре драмы. «Миллион за улыбку» А. Софронова, «Иванов» А. Чехова, «Трактирщица» К. Гольдони, «Шестое июля» М. Шатрова,

«Ричард III» В. Шекспира, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского — эти и многие другие спектакли стали частью ее творческой биографии. Не любила она только конца спектаклей. Однажды в разговоре со мной она сказала: «Вот так всю душу вложишь в декорации, а потом, когда спектакль сыгран, декорации становятся не нужны. И люди ходят по ним, не замечая. Когда я видела это, то у меня сердце разрывалось от боли и обиды...»

— Действительно, это страшно для художника, когда твой труд так кончается. Если, конечно, художник искренне работал и душу свою в декорации вложил. А я по-другому и работать не могла. Я люблю театр. И сейчас там часто бываю. Актеры меня помнят, приглашают к себе. А я думаю: сделать бы выставку не только живописи, но и эскизов, декораций к спектаклям. Может, когда-нибудь получится. А в театре и невозможно сохранить декорации. Я это понимаю. У нас же маленький областной театр. И нет места, где можно было бы все это хранить. Да и декорации не живописные, а строенные или конструктивные. А я, в основном, живописные всегда делала. При мне такая традиция возобновилась. Красиво было. А вот в больших театрах, конечно, декорации сохраняются, есть специальные запасники. Там увидишь и Головина, и Коровина, и Бакета, и других. И музей есть театралов. Кстати, там и мои декорации есть. В Бахрушинском музее. Только моих немного, я как-то тогда не проявляла особенной активности. Только то, что с выставок музеев закупил — то и хранилось. А были эти декорации к спектаклям «Миллион улыбок» и «Преступление и наказание».

Так что творчество Ларисы Петровны Новиковой тоже вошло в историю российского театрального искусства. А когда начинала она работать в Новгородском театре, то жила их семья в самом кремле. И часто Лариса Петровна писала памятки Новгорода, особенно любила Софийский собор. Он получался на ее холстах могучий, красивый; блистал золотой купол на фоне голубого неба. Как-то она сказала мне, что золото на голубом — ее любимое сочетание цветов.

— Да, правильно. Это еще и Рублев любил. И чаще всего такое встречается весной, когда трава загорается второй жизнью. И это бывает потрясающе. А какая радость увидеть в лесу первые подснежники! Какие разные они бывают! То

розовые, то сиреневые, то ярко-синие. В разную весну цветут по-разному. Рождение любви, движение, жизнь.

Как-то я писала «Автопортрет с подснежниками». Хотела передать в нем все, что бесконечно люблю: жизнь, весну, Россию, город наш необыкновенный!

Есть у Ларисы Петровны Новиковой картина «Разговор об искусстве». На ней — яблоневый сад, столик с самоваром под одной из раскидистых яблонь, клубника и крупные зеленые яблоки на столе, за которым пьют чай и горячо спорят два живописца, тогда еще очень молодые и малоизвестные — два Дмитрия — Журавлев и Кондратьев. Видно, серьезный спор вышел у них об искусстве.

— Это было время, когда мы, шестидесятники, верили в преобразование страны и всего общества. Время поиска истины, горячих споров и размышлений — живых, искренних, интересных. Тогда казалось, что споры наши жизненно важны. Молоды мы были, конечно; веры, надежды было много. Хотелось эту истину найти и в искусстве прозвенеть, как говорил поэт.

У Ларисы Петровны так много незаконченных работ, набросков, этюдов. На несколько жизней бы хватало. Но жизнь одна. И хочется все успеть. Говорят, художники уединяются в своих мастерских и живут оторванными от жизни. Но все творчество Л. П. Новиковой говорит об обратном. Художник удивительного лирического дарования, она переживает все, что происходит. Переживает вместе со своей страной, и все это выливается на ее полотна. Люди, характеры, ситуации, рождение и смерть, весна и красноречивая осень. Лариса Петровна живет одной жизнью со своим народом. Живет и сокрушается:

— Никак не могу адаптироваться к этому новому времени. Иногда кажется, что мы, художники, вовсе и не нужны сейчас никому. И мое творчество, мои картины... Молодежь, конечно, живо отреагировала на рынок. А рынок-то вещь опасная. На нем не всегда чтут работы достойные, хорошего уровня, вкуса. Конечно, хорошо, что галереи появились. Но мои работы мне кажутся и вовсе не галерейными. Я готовлюсь к персональной выставке осенью и не знаю, поймут ли меня сейчас зрители. Нужно ли им мое искусство? Вот с этой мыслью и живу.

С художником встретилась
ТАТЬЯНА ЗОЗУЛЕНКО

Тот самый миг...

Сколько Эдуард Раненко успел запечатлеть фактов, событий и знаменитостей на киноленту, сколько пережил всего... Все это могло бы уместиться в большую книгу. Но — говорит — рано ему писать мемуары, есть еще силы ставить фильмы, учебные и документальные (за которые, кстати, был удостоен звания Заслуженного деятеля искусства СССР).

Живет и работает Эдуард в Новгороде. Закончил Читинский педагогический институт. В 70-е годы защитил диплом во ВГИКе. Пробовал себя в жанрах конференса, фотожурналистики, но делом его жизни стало кино. Почему? Сам Раненко и расскажет:

летит выше пятиэтажных домов, и всякое движение — в музыкальном темпе. Это было зрелище!..

Знать меру. Безжалостно отсекай все лишнее. Продумывать сюжеты, чтобы каждая деталь в них была на месте... Обратили внимание: информационная телепрограмма «Вести» поменяла своих коней? Первый мультик изображал, как несется тройка. Вместо ямщика там сидело на облукке какое-то существо, непонятно было, кто правил... Кроме того, тройка

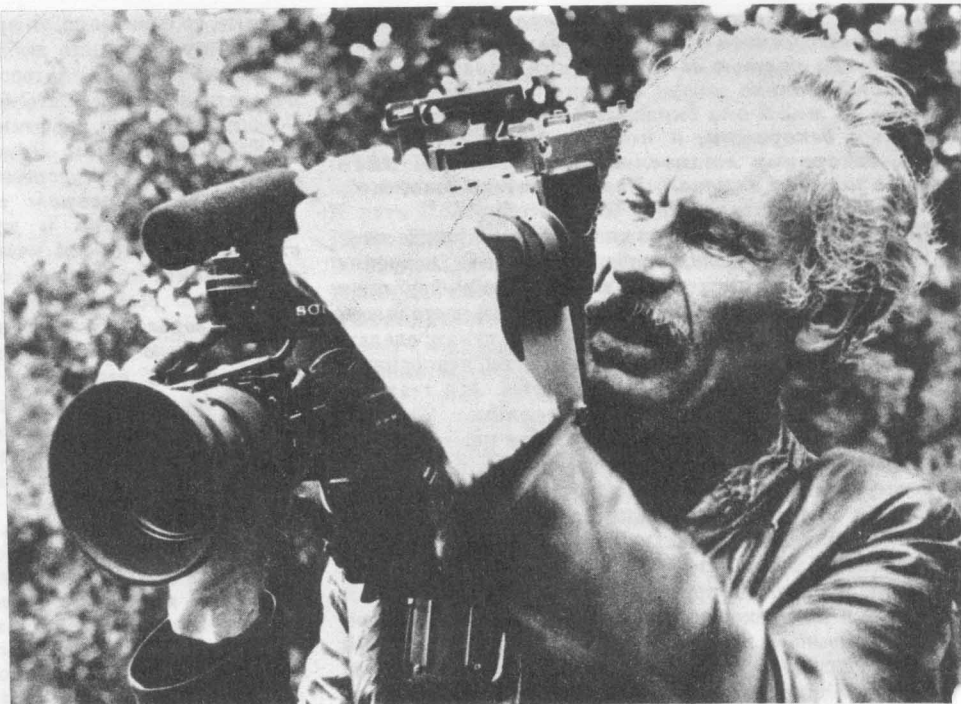
вообще неправильно была запряжена. Обычно в оглобли ставят коренника, по бокам (больше для его вдохновения и красоты) — пристяжных. А тут всех лошадей загнали в оглобли. И какой же русский выдержит в таких условиях быструю езду? Так кони и себя, и оглобли перебьют. Ну, в общем, таратайка развалилась. Теперь под ту же сурдинку синий табуан разбегается в разные стороны...

Слово и изображение — вещественны...

В 1969 году Ленинградская студия документальных фильмов предложила мне возглавить корреспондентский пункт в Новгороде. И созданная здесь едва ли не первая моя лента открыла мне то, чему в институтах не учат. Тогда еще мало кто знал, какие страшные тайны хранит Мясной Бор. У Коли Орлова со всем

— Точил меня червячок: ты-то можешь косности противопоставить что-нибудь?... А помогли мне встречи с мастерами документального кино, сами фильмы, которых я еще в студенчестве пересмотрел великое множество. Особенное впечатление — от некоторых зарубежных кинолент. К примеру, «О маслах двигателя внутреннего сгорания»... Ну, казалось бы, какой фильм об этом можно снять? А японцы умудрились сделать двигатель стеклянным, или съемки вели через стекло и всю картину смазки сумели показать в натуре. Кому ж не интересно посмотреть, как оно все происходит внутри?! Или, помните, Англия завалило снегом — они это бедствие превратили в поэзию! Сугробы разгребались под музыку Грига, Чайковского, других композиторов. Тут скребут лопатой, там несутся грейдеры и специальные уборочные электровозы — снег

его отрядом хватило мужества начать перезахоронения убиенных «власовцев». Приехал Сергей Сергеевич Смирнов, автор бессмертной повести о Брестской крепости, побеседовал с очевидцами, посмотрел следы жестоких сражений, потом написал сценарий, и мы начали делать фильм «Комендант долины смерти». Однако в Ленинграде, на студии, вдруг засомневались: не тщимся ли мы ради сенсации раздуть из мухи слона?.. Короче, получаю новое задание: снять пока один эпизод. Режиссера своего прислали, и мы — он, я, Орлов, актер Виноградов (когда-то играл в нашем драмтеатре) — поехали в лес. Поездка по живописным местам настроила Виноградова на благодушный лад, всю дорогу анекдоты рассказывал. А как приехали, как перед нами открылась вся

жуть, словно язык проглотил. Смотрю, челюсть у него отвисла, шапку с головы стащил. Потом молчал весь обратный путь.

Ходили там до нас всякие любители приключений, творили разное. Оружие искали: например, в залитую водой воронку кидали гранату. Раздавался взрыв, и на ветки деревьев летели челюсти, черепа, ноги в сапогах... В общем, сняли мы об этом сюжете, который потом прошел в киножурнале «Наш край», газета «Советская Россия» поместила по такому поводу маленькую заметку, вкратце описала содержание фильма. Естественно, информация стала достоянием политуправления Министерства обороны СССР. Это было в 70-м. Самый застой. Ох, и засуетились вокруг. Посудите сами: прямо на съемках — это без всякого вранья — находит Коля Орлов не первый уже медальон, в нем — домашний адрес, имя солдата из Второй ударной, которую тогда официально заклеили как армию предателей...

Наша команда разделилась на две группы. Я остался в Новгороде, потому что приезжающих родственников погубших надо было снимать на местах гибели их отцов, мужей... Второй оператор с режиссером поехали по адресу, обозначенному в том самом медальоне. Поехали, дабы запечатлеть реакцию земляков бойца... Узнали, что дочь погибшего работает швеей, нашли повод отснять ее дома. Не знаю, кощунственно это было с нашей стороны или нет... Словом, согласилась женщина на наше предложение. К тому времени Орлов написал ей письмо, где изложил все подробности о находке. В Новгороде, на почте, договорились — поставили штемпель. А местного почтальона попросили принести конверт по указанному адресу, в точно условленное время, чтобы все выглядело естественно, как оно потом и было. Ребята ставят камеру, включают свет. Заснять хотели тот самый, обычно ускользающий от объектива, миг: не просить улыбнуться или изобразить грустные, мечтательные глаза, а выхватить всю правду жизни. В общем, камера включена, хозяйка хлопочет по дому, непринужденно беседует с режиссером. Вдруг — стук в дверь. Заявляется почтальон, подает письмо — естественнее быть не могло. Женщина недоумевает: из Новгорода? От какого-то Орлова? И кладет письмо на тумбочку: потом, дескать, прочту, а то неловко перед людьми. Ее заверяют, что пока перезаряжается пленка, не обращайтесь, мол, внимания. Начинает читать. Камера работает. Наконец, у героини нашей глаза расширяются, по щекам — слезы... Удар был сильным и неожиданным — потому что все послевоенные годы ее считали дочерью предателя. На площади памятник воздвигли в честь погибших во время Великой Отечественной войны сельчан, а фамилии ее отца там нет... Пришлось потом снимать с обелиска

мраморную плиту, догравировывать...

Разве найденные в Мясном Бору останки солдат и офицеров (более 100000 там полегло), вся отснятая нами страшная панорама боевых последствий не опровергли официальную версию о Второй ударной?.. Встречался я с генштабистами армии, довольно откровенные ребята оказались — рассказали, как все получилось. Не Власов загнал армию в болото... Вот — Ленинград, вот — Чудово, вот — Новгород, по периметру все его дороги контролируют немцы. Зачем было лезть в этот «мешок», посылать людей на верную гибель?

Все пути к отступлению нашим отрезаны... Второй ударной тогда командовал генерал Клыков. Он в это время заболел, или... Его самолетом доставили в Москву, а вместо него послали Власова. Между прочим, Андрей Андреевич был любимцем Сталина. Это — настоящий боевой генерал, воевать уметь. Но что он мог сделать, когда армия — в окружении и началась весна! В апреле 42-го снег уже растаял, в болоте воды — по пояс. Загнали армию в гиблые места. Есть нечего, боеприпасы кончаются. Помощи — ниоткуда, никакой. Что оставалось делать Власову? Выбираться из «мешка» или сдаваться немцам? Трагедия — каких вы не найдете в книгах...

Политуправа попросила (точнее — приказала) прислать наш фильм. Режиссер поехал с единственной отпечатанной копией. Нам как-то в голову не пришло, что ее могут не вернуть. Все-таки сам Смирнов сценарий писал, имея на то все разрешительные визы. Но потом, как водится у нас, они, эти визы, оказались недостаточно правомочными. Короче, похерили наш фильм.

Ленинградская, то бишь — Санкт-Петербургская студия документальных фильмов здравствует и сегодня, хотя зарплату нам уже два года не платит. Но чтобы не прерывать кинохронику (которая ведется с начала развития кинематографа, а ему в этом году 100 лет исполняется), решено снимать кинолетопись — сюжеты для истории. Вот мы их в Новгороде, у себя на студии монтируем, озвучиваем и... кладем на полку. Ну, а чтобы выжить, делаем всяческие видеофильмы — уже несколько лет существует ТОО «Объектив». На серьезные съемки денег наскрести не удастся. Недавно взял нас под свою «крышу» Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого. Он, конечно, и сам на скудном бюджете, но все-таки — дышим... Дышим среди съемочной аппаратуры, вполне экзотического (между прочим, нами созданного) интерьера, в этом старом, когда-то заброшенном доме, ставшем 13 лет назад нашей студией.

Саша ЯКУШЕВ родился 3 июня 1981 г. в городе Каменск-Шахтинский Ростовской области на Северском Донце. Родители инженеры.

Рисование — самое любимое занятие с 2-х летнего возраста.

Саша учился в изостудии ДК «Акрон», в детской художественной школе Новгорода.

Увлекается резьбой по дереву, выжиганием, выпиливанием, филателией.

Коллекционирует модели автомобилей, открытки с изображением машин — легковых и грузовых, современных и старинных, отечественных и зарубежных.

Сочиняет сказки для своей младшей сестренки, иллюстрирует их. Пишет прекрасные картины.

В 1990 г., в 8 лет принимал участие в выставке детского художественного творчества в г. Ростове-на-Дону.

В 1993 г., в 12 лет — участник выставки детского рисунка «Две лошади стоят и разговаривают» (г. Новгород, художественная галерея «Арт-Слобода»).

1994 г., в 12 лет — первая персональная выставка (живопись, графика). Представлены работы, написанные в 6-12 лет (организатор — Новгородский государственный объединенный музей-заповедник).

Новгородским телевидением создан видеофильм «Художник», рассказывающий о Сашином творчестве. В мае 1994 г. видеофильм показан по новгородскому телевидению.

В 13 лет Саша посетил Испанию по приглашению федерации клубов ЮНЕСКО. В Испании прошла телевизионная передача «Новости культуры» о Саше и его работах.

Одна из его работ приглашена в Японию на восьмую Международную выставку детского рисунка (март—апрель 1995 г.).

Ноябрь 1994 г. — авторская выставка в Туле. Дипломант региональной выставки «Рисуют дети России».

Декабрь 1995 г. — первая премия на выставке «Краски Новгородчины».

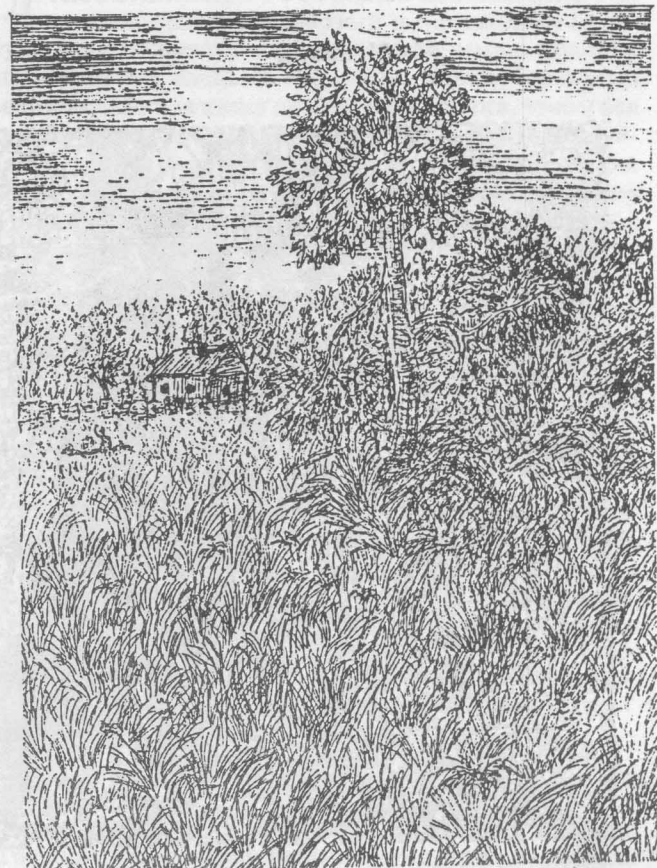
Серию работ «Храмы Господина Великого Новгорода» подарил своей школе.

Более 40 работ представлено на выставках детского рисунка в США, Испании, Германии.

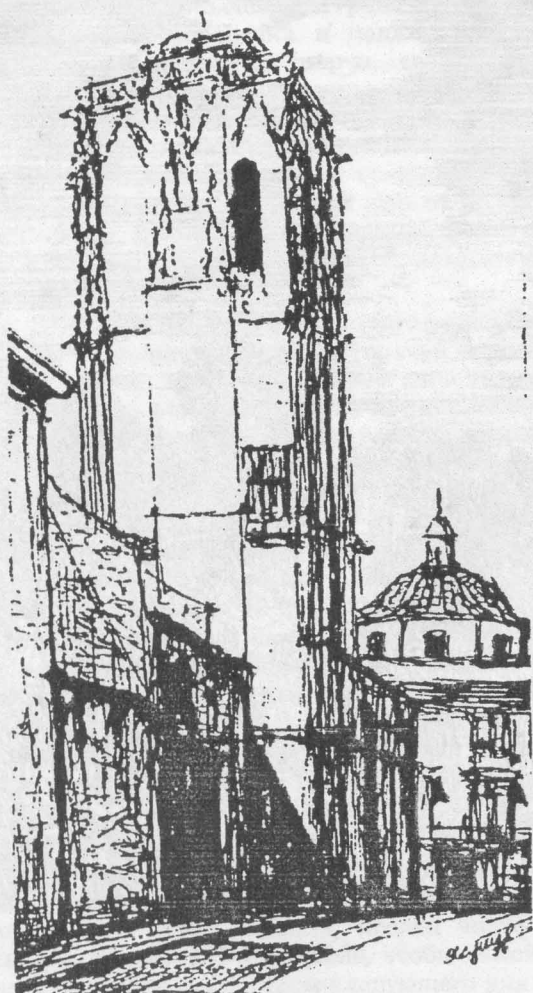
Участник Международной выставки детского рисунка в Израиле (июнь 1995 года) — «Иерусалиму—300 лет».

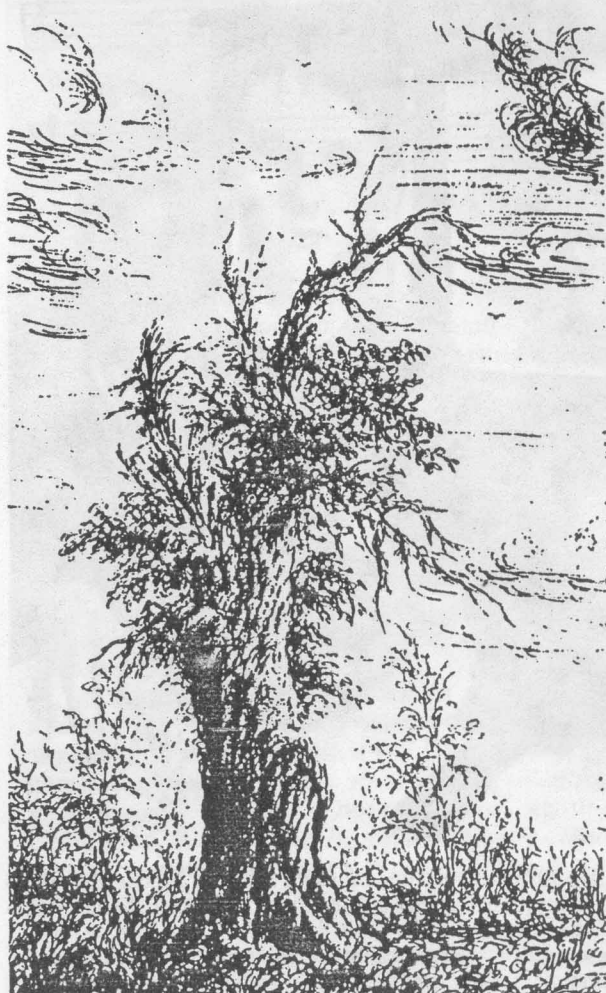
Сток сена

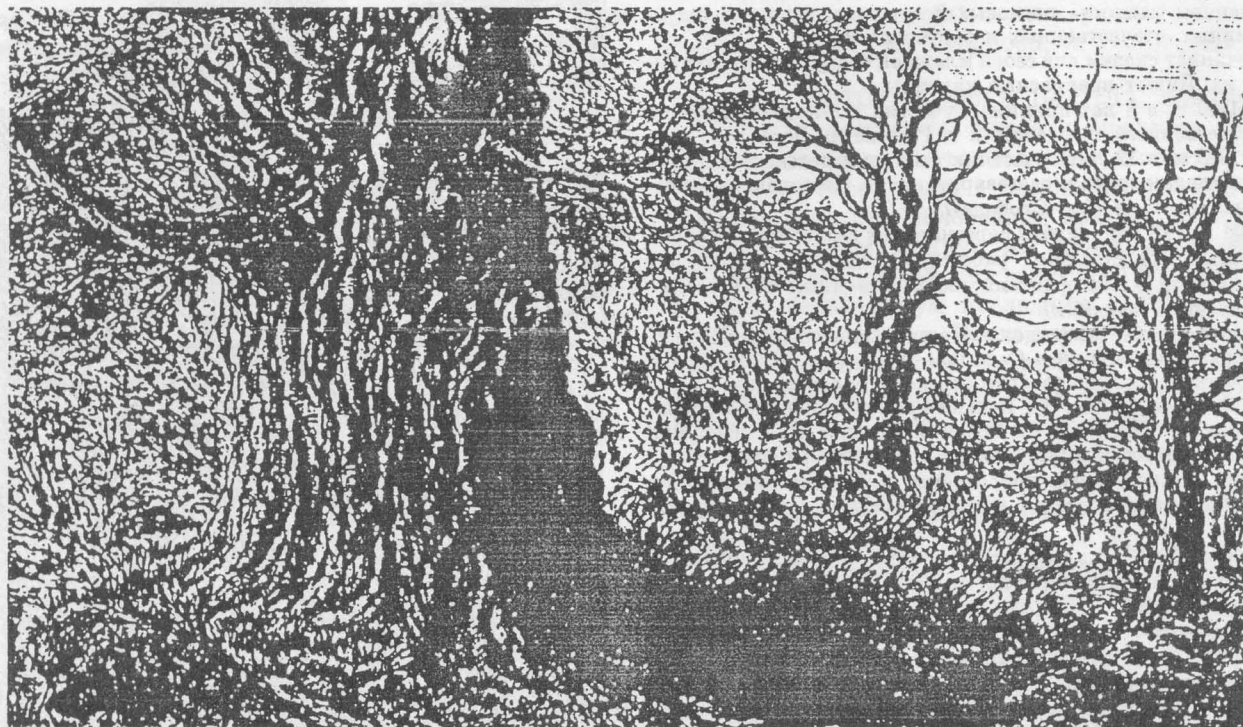
На лугу

Испания

Сломанное дерево

Старый дуб

"Мы все учились..."

Родом из династии медиков, я выбрала профессию строителя. Не из-за «вредности», не из-за упрямства. Хотя в детстве я, как и многие, «перебрала» разные профессии: педагога, воспитателя, геолога. Романтический пыл охладила мама, рассказав о тяжелых буднях в жизни женщины-геолога. Закончив школу с мыслями, что все профессии по плечу, определила себе технический ВУЗ. Глаза разбежались от перечня предложений, написала три заявления на разные факультеты (на всякий случай). Но на консультации в приемной комиссии (славные люди!) окончательно решила — буду строителем.

Здесь уже все решала не романтика, а практический реализм. Во-первых, непременно буду с жильем (истинно!). Во-вторых, большой набор абитуриентов, значит — конкурс меньше, больше шансов поступить.

Сдавали пять (!) экзаменов, в том числе — иностранный язык. Конкурс заявлений оказался огромным. Сдача первого экзамена была назначена на три дня позднее первой группы. И я решила отправиться на разведку. Разведка ошеломила. В первый день «валили» всех подряд — физика. Пошла сдавать со страхом. Провала не случилось, но... Другими экзаменами сгладила неудачу. Появление списков ожидала с волнением. Мама провожала меня за результатом как на Голгофу. Списки поступивших зачитывались вслух. Своей фамилии не услышала. Сердце тревожно билось, но надежда не таяла. Когда списки вывесили на стенде — «нашла себя».

Домой «летела на крыльях». Мама, открыв дверь, выдохнула: «Что?» Не поверила. Решила — шучу. Какие шутки?!

Студенческие годы пролетели — 5 лет, 6 месяцев. Учиться нравилось. Хотя всякое бывало. А учили нас, экспериментируя. Назывались мы «дневники-вечерники» (группы-ДВ). Это значит, три семестра совмещали учебу с работой строителя в бригадах строительных организаций. Остальные годы — только учеба. Очень хорошая практика. Практика не только в части познания специальности. Важно было на своей «шкуре» испытать участь рабочего, узнать его проблемы. Для руководителя это просто необходимо. Вероятно, именно это позволило мне после окончания института без страха начать работу мастера, общаться с рабочими. Я понимала, что многого не знаю, и ценила любую подсказку, поддержку коллег. Кстати, совет будущим руководителям: никогда не бойтесь показаться неопытным. Теория сослужит свою службу потом, а сначала — опыт, перенимаемый у старших собратьев, у бригадиров, рабочих. Даже если он идет вразрез с теорией. Потом все соединится. И вы поймете, что опыт — великое дело.

Конечно, я не была настолько смела. Комплексов у меня хватало. Но старшие чувствовали, что я не кичлива, и охотно делились своими знаниями. Спаси-

бо тем, кто был в первые годы моего становления рядом. Мне везло на людей.

Маленькие стрессы приходилось испытывать не раз: высокие требования к молодому специалисту, семейные обстоятельства... Сердце сжималось, но обстоятельства заставляли работать в новых условиях, на новых местах.

Мой приход в ВУЗ оказался неожиданным после семи лет производственного стажа. Уговорили, пообещав морально поддержать... С открытием нового факультета — нехватка преподавателей. А вместе с этим — большая нагрузка. Пришлось вести дисциплину сразу в трех разных потоках, на разных специальностях. Училась преподавать вместе со студентами. Теперь уже «вечерники» дарили мне свой практический опыт. Я передавала его «дневникам». Так что, кроме своего опыта, я имела возможность познавать многое не из учебников, а из суровой жизни производственников. А это были не только рабочие, но и старшие прорабы, начальники отделов, стройуправлений...

Приобретался опыт, работать стала смелее, работа нравилась. Я просто полюбила профессию строителя. И не только полюбила — я ее очень уважаю. Как уважаю людей, всецело отдающих себя своему делу. Работая в строительстве — промышленном и гражданском, на стройплощадке и в конторе, будучи

проектировщиком, особенно поняла сложность и важность этой профессии. И не правы те, кто считает, что строительная специ-

альность — не главная в нашем ВУЗе. Они просто ничего о ней не знают! Это наиглавнейшая профессия! Если во время войны производить танки можно было и на открытом воздухе, то выпускать радиоэлектронную технику реально только в хорошо построенном здании с соответствующим тепловлажностным режимом.

Все знают, что для строительства комфортабельных жилых домов, хороших больниц, прекрасных концертных залов, театров требуются хорошие специалисты, получившие соответствующее образование. А если мы получаем блага не в полной мере, если дома наши далеки от идеалов, то это потому, что строительная специальность не очень поддерживается в нашей стране, в области, в городе. И если рушатся кремлевские стены и башни, то не потому, что плохие строители в Новгороде, а потому, что уповают те, кто обязан беречь древнее наследие, на иностранцев, но не замечают, что нет лучше и надежнее ученых, специалистов, чем свои, российские «недокормленные», но знающие.

Не отбрасывать надо на задворки ВУЗа, города, области наших специалистов, студентов, выпускников, а давать им хорошую материальную, лабораторную базу, и все вернется сторицей! И будет наш университет «ковать» замечательные кадры, способные и построить надежно, и законструировать и создать прекрасные проекты. А учить есть кому, и потребность в том велика.

А что до нужности специальности, до авторитета — могу заверить: многие известные мне сокурсники, а потом и мои выпускники — достойные, умелые работники. Главное — самые адаптирующиеся в новых рыночных условиях. И — уважаемые.

Трудно сейчас всем, трудно жить, трудно учиться. Но все выравнивается, а потребность в хороших инженерах-строителях не иссякнет.

И мое напутствие тем, кто «опустит крылышки», или оказался на распутье: строители — самые нужные, а значит — будем уверены в жизни.

ЛАРИСА ПРОХОРОВА,
доцент кафедры СП НовГУ

Свои, российские...

«Ах, Франция! Нет в мире лучше края»

Моя первая встреча с французским языком состоялась много лет назад, в первом классе средней школы. Я с упоением вслушивалась в музыку этого удивительного языка, легко запоминала песенки и считалки. Некоторые из них помню до сих пор. Но радость была недолгой. По распоряжению свыше преподавание французского языка в первом классе было отменено.

И потянулись годы ожидания... Я перешла в 5-й класс.

Все летние каникулы «летала на крыльях». 1 сентября нам раздали учебники и — о, ужас! — вместо французского мы получили учебники английского языка, лучший день в моей жизни был омрачен. Я готова была ходить в школу хоть на край света, лишь бы изучать любимый язык.

Но вскоре, к моему счастью, все утряслось. Наша классная дама оказалась «французенкой». Французский я обожала (впрочем, как и все остальные предметы). Я бредила Францией, ее историей, литературой, знала Париж по фотографиям, слайдам, кинофильмам. Ловила себя на мысли, что при разговоре с кем-либо думаю на французском языке, а потом перевожу на русский.

И вот однажды мне, тогда еще одиннадцатилетней девочке, приснился удивительный сон: Париж, лето, голубое небо, мост через Сену, а на мосту, как вы думаете кто? Конечно, я.

"Ну, что же, — сказал, улыбнувшись, папа, — раз приснился такой сон, значит обязательно сбудется". Так все и вышло.

Я вспомнила об этом сне, когда спустя 10 лет оказалась в Париже, на том самом мосту через Сену. Детские мечты сбылись, ощущение счастья не покидало меня все дни пребывания во Франции. «Ах, Франция! Нет в мире лучше края!»

Программа была насыщенной. До обеда занятия в Alliance Française (Альянс Франсэз) — международной школе французского языка и страноведения, после обеда — экскурсии по Парижу.

На курсы французского языка я приехала в составе группы преподавателей, переводчиков и студентов. Моей поездке предшествовала работа на курсах русского языка для французских граждан. Эти курсы работали в Ростове на базе машиностроительного института, студенткой которого я была.

Французы мне понравились сразу: контактные, коммуникабельные, веселые. Ведут себя одинаково свободно и независимо от того, дома они или за рубежом. Очень любят свою страну, знают ее историю. Гордятся своими земляками Н. Ньепсом и Л. Дагером, которые в прошлом веке изобрели фотографию, помнят Люмьера, что стал родоначальником кино. С удовольствием говорят о том, что первое в стране периодическое издание, называвшееся «Ля газетт», было основано еще в 1631 году Теофрастом Ренодо, чье имя и сейчас носит одна из самых почетных премий в области журналистики.

Французы гордятся тем, что во Франции — 30 тысяч исторических памятников, более 300 сортов

сыра и почти 550 марок вин.

Приехавшим в страну деликатно разъясняют, что, хотя Эйфелева башня и стала символом Парижа, герб города — бегущая по волнам ладья. Эйфелева башня была построена к Всемирной выставке 1889 года талантливым инженером Густавом Эйфелем. Общая высота ажурной металлической конструкции 300 метров, но весит она лишь 7000 тонн. Давление, которое башня производит на грунт — 4 кг на 1 квадратный сантиметр — равно давлению, производимому человеком, сидящим на стуле. Это ли не удивительно!

Наши занятия, как уже упоминалось, проходили в Альянс Франсэз, старейшей школе из всех учебных заведений подобного рода. Работает она в контакте и под постоянным руководством парижского университета — Сорбонны — круглый год, за исключением рождественских праздников. Любой иностранец, имея при себе паспорт и две фотографии, а также оплативший обучение за месяц вперед, может быть принят на курсы. Зачисляют в группы после предварительного экзамена по французскому языку. А занимаются по широко известному комплексу учебных Може. Кроме обычных лекций нам читали специальные курсы французской цивилизации, фетики и так далее.

Организовывались прекрасные экскурсии по Парижу, в Орлеан — город Жанны д'Арк, — Ду-Виль, Тру-Виль, Кан (прошу не путать с Каннами).

Жили мы в недорогой гостинице на рю Монж, в Латинском квартале, недалеко от Собора Парижской Богоматери — этого замечательного образца французской пламенеющей готики. По своим пропорциям, гармонии и законченности Собор Парижской Богоматери не имеет себе равных.

Вечерами в Соборе мы слушали органнне концерты.

Перед зданием собора, в центре, на площади, находится бронзовая доска с надписью «0 км». Именно от этой точки ведется отсчет расстояний во Франции.

Каждый день мы ходили на занятия через Люксембургский сад — излюбленное место отдыха парижан. В саду расположен знаменитый Люксембургский дворец, который считается одним из самых красивых зданий столицы.

Закрываю глаза, представляю себе герцога Люксембургского, прогуливающегося со своей свитой по саду.

Перед глазами также мелькают и страницы истории... Император Наполеон стремительной походкой входит в Сенат, разместившийся в Люксембургском дворце, а в Версале правит бал «король-солнце» Людовик XIV, обставивший свое правление невиданной дотоле роскошью и великолепием.

Брожу по улочкам Парижа, мысленно разговариваю с героями произведений А. Дюма, В. Гюго, Э. Золя, с любимыми мною художниками Клодом Моне и Полем Гогеном.

А Венера Милосская (la Venus de Milo — ля Веню де Миле) и не менее удивительная и загадочная Мона Лиза, с которыми с благоговением соприкасаешься в Лувре!

Месяц пролетел как один день. Пора ехать в аэропорт Орли. Прощаться не хочется. О ревуар, Пари! До свидания, Париж! Ощущение встречи с прекрасным осталось на всю жизнь.

ОЛЬГА МИСНИК

Пролог.

Русские, как известно, по натуре своей домоседы. Поездить по просторам Родины чудесной - куда ни шло, а вот в сопредельные государства - ни-ни: дома все есть и самого лучшего качества. Вот и я, несмотря на еврейскую фамилию, коренная русачка, вятская крестьянка, в неведомо чем с детства полюбившуюся Испанию собиралась ровно 35 лет. Сами понимаете: природная российская лень и отсутствие любопытства.

Раскинув пасьянс из заманчивой рекламы, решила я доверить исполнение своей мечты новгородскому туристическому агентству «Славянтур» по весьма патриотической причине: «славяне» предлагали самые дешевые туры. И теперь на вопрос «где начинается Европа?» я твердо отвечаю: «В агентстве «Славянтур»!»

Три недели милые дамы-сотрудницы искали мне наилучший вариант. А однажды, в 11 часов вечера, они позвонили мне домой и предложили: всего за 500 долларов, на восемь дней, отель «три звезды», полный пансион за шведским столом, авиадоставка и виза входят в общую сумму, в программе - три экскурсии. Я поняла, что это - мое, и села за испанский словарь.

Тем, кто пойдет моим путем, сообщаю, что по-испански непременно нужно выучить только два слова: фор фавор. В любом испанце они зажигают самые нежные чувства к вам и желанье угодить, как родному. А дальше можно объясняться на пальцах, по-русски, по-немецки, по-китайски. Но на пальцах, как показала практика, нас понимают все-таки лучше. Видимо, в испанских школах иностранные языки преподают неважнецки.

Далее считаю своим долгом сообщить, что самые большие трудности путешественника ждут не в Европе, а в Москве. Во-первых, экспрессы в Шереметьево-2 ходят раз в три часа, а таксисты, осинным роем кружащие на платформах аэровокзала, за 15 километров пути требуют 200 тысяч рублей, пугая, что мост сломан, автобус идет полтора часа и вообще может не придти.

Мост целехонек, автобус приходит по расписанию, билеты продает шофер, поездка стоит пять тысяч и длится 20 минут. 50 граммов кофе в Шереметьево-2 стоит столько же. И вообще, лучше взять с собой бутерброд и бутылку минералки, это избавит от больших затрат и беганья с вещами от стойки к стойке. Туалеты, слава Богу, бесплатные, курить можно прямо в здании у любой урны.

Границу, естественно, приходится переходить в толпе. Не ругайтесь, не толкайтесь, не дергайтесь и не задавайте таможенникам-пограничникам вопросов. Все равно услышите только: «У вас что, глаз нет? Видите, написано! Вы что, оглохли, сойдите с красной линии, это граница!»

Не кладите денег в чемодан. За те минуты, что длился таможенный контроль, у одной москвички из нашей группы непостижимым образом опустел

ЗА ТРИДЕВЯТЬ

З
Е
М
Е
Л
Ь

Дунька в Европе

кошелек, положенный в закрытый на ключик чемодан. После «рентгена» чемодан был заперт, кошелек на месте, а доллары из него - увы...

Еще о чемодане. Возьмите с собой шорты, джинсы, пару маек и купальник. От силы - одно выходное платье. Дело не в том, что некуда надеть. В испанских гостиницах нет утюгов, а посему наши мятые наряды так и не увидели европейского променада. И еще: на чартерных рейсах пассажиров кормят и поят (бесплатно), курить разрешается с 21 ряда.

Водку лучше не возить. Самому пить - жарко, а в качестве «жидкой валюты» в Испании она спроса не имеет. К личным украшениям из драгметаллов, аппаратуре ни наша, ни их таможня интереса не проявляет. Так что, потеряв в море бриллиантовые серьги или забыв на корриде видеокамеру, не волнуйтесь: родина вас о них не спросит.

Так же спокойно она переживет провоз на свою территорию шмоток, обуви, украшений, кофе и пяти литров тамошнего вина. Тех, кто сумеет растратить валюту до последнего цента, пропустят через «зеленый коридор», а тем, кто купит чего-нибудь на особо крупную сумму, возместят 10 процентов затрат (где и когда - расскажут в справочной родной аэропортовой таможни).

Буэнос ночес!

Вы пристегнули ремни, и самолет взмыл в ночное небо. Если ваше место у иллюминатора, не спите. Сначала полюбуйтесь звездным небом отчины, а потом опустите очи долу, ибо нет ничего красивее ночной Европы, задыхающейся в энергетическом кризисе. Города, автостреды и, подозреваю, даже деревни сияют, переливаются, мерцают. Сверху это похоже на витрину роскошного ювелирного магазина. Чтоб нам так дышать полной грудью, как они задыхаются...

Небесполезно будет приглядеться и к соседям. В условиях замкнутого пространства (как и перехода границы) очень рельефно обозначаются черты характера. А ведь с этим лысым занудой или громогласным весельчаком (дамы, естественно, все прелестны, все скромны, все интересны) вам придется провести в одном номере семь дней, которые могут стать раем или адом.

Соседа вам подбирают еще в Москве, очевидно, по анкетным признакам. Но в отеле, приложив небольшие усилия, расклад можно изменить. Или доплатить 60 долларов за одноместный номер. Я этого не сделала и была вынуждена не только водить мою виз-а-ви по всем испанским лавкам и магазинам, но и ежевечерне слушать неиссякае-

мые рассказы о ценах на алюминиевые кастрюли и тефлоновые сковородки во всех европейских столицах.

Но я простила ей все, когда в последний вечер она похвасталась: «Я забыла тебе сказать, что купила картину Сальвадора Дали». И предъявила наклеенную на стекло и окантованную деревянной рамкой открытку: голая толстушка цвета говядины грустно стояла рядом с перекормленным гусяком. Очевидно, это были Леда и Лебедь.

— Нина, тебя обманули! Дали был сюрреалистом, а не примитивистом.

— Не держи меня за дуру, тут подпись есть, — и она ткнула пальцем в медную пластинку с факсимиле. Я хохотала до слез, до икоты, до сползания со стула. И мне не стыдно за этот смех, потому что работала поклонница Дали не на вологовской ферме, а в отделе кадров научно-исследовательского института. Аминь.

В Джироне, Хироне, Гироне — все три названия относятся к каталонскому городу и аэропорту — приземлился наш самолет. Здесь переход границы заключался в перерисовывании латинскими буквами данных из зарубежного паспорта в таможенную анкету. И, к сожалению, мы упустили важный момент: только в аэропорту доллары меняют на песеты по самому высокому курсу и без налога. Обязательно нужно сохранить чек, без него неистраченные песеты обратно на доллары не обменяют. Причем, эта операция возможна только и именно в аэропорту и нигде больше.

Первые минуты на испанской, вернее каталонской, земле были ошеломляюще прекрасны. Из чернильной, осязаемой тьмы ночи шагнули нам навстречу родные силуэты финиковых пальм и кактусов-опунций, совсем такие же, как у нас на подоконниках, только в сто, а может в тысячу раз больше. А в мягком свете фонаря сияло зрелыми плодами и распускающимися цветами апельсинное дерево. И над всем этим — иссиня черное небо с немерцающими звездами. «Почувствуйте, какой здесь чистый воздух».

По сравнению с Москвой, вода, воздух, пляжи, мостовые, стены домов, витрины и окна тех мест, где мы были, выглядят объектами музейной экспозиции. Такое ощущение, что даже колючие листья кактусов регулярно и тщательно моются. Можно сесть на парапет в белых брюках. Можно ходить босиком по двору и потом надеть белые туфли. Лавочники и «общепитовцы» тротуары моют с шампунем утром и вечером.

Но не нужно думать, что там, у них, все только "ах" да "ох". Про отсутствие утюгов я уже говорила. Что существеннее — в номерах отеля нет привычных графинов с водой, вода из-под крана — не просто невкусная — противная, а литровая бутылка обыкновенной воды стоит на наши деньги пять-шесть тысяч рублей.

Шведский стол по-испански.

И какой же русский не любит вкусной еды! Ровно в семь часов двадцать девять минут вся группа собралась у дверей ресторана. Ровно через минуту дверь была гостеприимно распахнута, и никакого стола мы не увидели. Был обыкновенный общепитовский мормит, только без девушки в матерчатом кокошнике за кассой в конце раздачи.

На завтрак полагаются холодные закуски: 2-3 сорта ветчины, копченая колбаса, которые сначала показались вполне съедобными, но при ежедневном повторении дошло, что это все-таки суррогаты. И наиболее привередливые стали нажимать на потрясающе вкусные кексы под кофе или чай с добавками по вкусу. Приложишь палец к картинке на автомате, он тебе и нальет, хочешь со сливками, хочешь — с лимоном. А самое главное — твои рейсы за добавкой никто не считает.

Почти непреодолимая трудность возникала на обеде и за ужином: 5-6 салатов, 2-3 рыбных, 2-3 мясных блюда, 2-3 десерта, в основном, неизвестных. Инстинкт подсказал, что брать надо все понемногу, а за особо понравившимся сходить еще раз. То, что захочется положить в сумку «на потом», следует брать со своей тарелки во время еды, а не уходя из ресторана. Неурочно взятый апельсин мягко, но настойчиво заставят положить обратно.

Чтобы закончить эту волнующую тему, нужно сказать, что в самом маленьком кафе готовят ничуть не хуже, чем в роскошном ресторане, но цена на порядок ниже. А меню - долго будет сниться. И, оказывается, можно объять необъятное: скажите «тапа» и вам положат каждого блюда понемногу. А если останутся силы, можете при помощи указательного пальца заказать нужное, сказав же «вариант», получите ту же каракатицу, но уже не тушеную в соусе, а зажаренную в кипящем масле или запеченную в тесте. Про каракатицу - это не случайно. Ежели еще придется побывать в Испании, буду питаться только ими - потрясюще вкусно.

Про самое заветное.

Если я напишу, что сразу же после завтрака пошла искать, где тут, в Йоретта де Марэ, библиотека, вы мне не поверите. Ну, конечно же, полежав часок на белом кварцевом песке, сделав попытку искупаться в неправдоподобно чистой бирюзовой лагуне (но +14 - это для любителей) и обнаружив, что «после Испании у меня завсегда рожа красная», я двинулась по любимому маршруту женщин всех времен и народов.

Не верьте тем, кто говорит, что в Испании все дорого. Переведя с песет на доллары, а с них - на родные деревянные, я обнаружила, что цены в тамошних магазинах почти из рубля в рубль соответствуют новгородским. Несущественное отличие: средняя зарплата испанца - 120000 песет в месяц, что составляет примерно тысячу долларов.

Поэтому первый вояж был чисто разведывательным и принес утешительные результаты. Во-первых, в Испании все есть. Во-вторых, кожаные изделия и женская одежда - умопомрачительного качества. В третьих, и в самых главных: в шикарных супермаркетах обязательно есть отделы, где вышедшие из европейской моды (но до России еще не дошедшей) товары стоят втрое дешевле. Костюм из шелкового крепа обошелся мне в 350 тысяч, выходные туфли - 130 тысяч рублей.

Последний «писк» - туфли из мешковины на толстенной пластмассовой платформе стоят 100 долларов, но это, как говорится, их проблемы. Зато всего за 60 тысяч рублей можно было купить осенние туфли из натуральной лаковой кожи, на которых красным шелком были вышиты две пятиконечные звезды и русскими буквами «СССР». А за 20 тысяч - маникюрные щипцы для подстригания копыт у свиней.

Так как борьба за трезвый образ жизни окончилась всероссийской попойкой, честно скажу, что могла бы купить и фирменные красновозездные туфли, и подарок для племенной Хавроньи, если бы не потратила значительную сумму на дегустацию испанских вин. Просто подумала о душе. Явится она в назначенный срок пред

Высшим Судией, и он спросит:

— Была в Испании?

— Была.

— Какую ела?

— Ела.

— А чем запивала?

— Пардон, «Херши».

— А иди-ка ты, грешница, обратно, коммунизм строить.

А потому честно, как на духу, сознаюсь: попила все, что льется, и поела все, что не прибито. Вывод: то, что у нас называется испанским вином, произведено, в лучшем случае, на Малой Арнаутской. Привезенной мной малаги моя непьющая престарелая мать потребовала второй бокал.

То вино, которое было заложено в 1927 году, мы отмеряем пипеткой, не потому, что бутылка стоит 12 долларов, а потому, что сначала смакуем вкус, потом послевкусие, а потом дышим друг на друга ароматом, имя которому - именины сердца. Когда допьем - с бутылкой сфотографируюсь на память. В музее вина попробовала «Сангрию». С той, что стоит у нас в каждом ларьке, она даже не однофамилица.

«Я поведу тебя в музей...»

О грустном не хочется, но те, кто купил путевки без экскурсий, оказался в выигрыше. Московские фирмы, и в том числе «Натали-тур», которые продают туры региональным агентствам, не просто имеют свой хлеб с маслом, но мажут масло в два слоя. Лишних 20 долларов с нас взяли, так как самолет летел не до Барселоны, а до Хироны.

20 долларов было уплачено за каждую включенную в путевку экскурсию. Реальная их цена на месте - 10 долларов. Из отеля «Эль Пальмейро» нас выселили в 10 часов утра в субботу (правда, кормили по полной программе), а это значит, что не восемь, а только семь дней мы слышали темпераментное каталонское наречие. Немцам такой же тур обходится в 350 долларов.

Знакомый каталонец, работающий в туристической фирме и прекрасно владеющий русским языком, сказал мне, что по испанским законам нам должны были бы вернуть переплату и неустойку за причиненные неудобства. По российским - мы должны сказать «спасибо», что под условленное центральное табло Шереметьево-2 все-таки явилась хозяйка фирмы, и мы попали в Испанию. Хотя, случись иначе, наверняка повторилась бы история с тремя прожорливыми бабочками.

Но все-таки мы в Каталонии, и первая экскурсия - в ее столицу, Барселону. Обзорный автобусный вояж по городу, потом - посещение этнографического музея. Это вроде новгородских Витославиц, только тамошние строения не свезены со всей Испании, а детально воспроизведены в том виде, в каком они были построены из камня в провинциях страны до и после Рождества Христова.

Сама Барселона, вернее первые поселения иберийцев на этом месте, заложены 3000 лет назад.

Главная прелесть этнографического центра — мастерские провинциальных ремесел. По древней технологии мастер на ваших глазах скует кинжал, слепит кувшин, стачает сапоги и тут же вам продаст. По праздникам и у нас так бывает, но в другое время мастера-прикладника милиция взявшей гонит даже от калитки Витославлиц. И скоро ли мы поймем, что не щасель точит наши деревянные шедевры, а отсутствие в них живого человеческого дыхания.

Особая достопримечательность Барселоны — храм Святого семейства, заложенный 19 марта 1882 года. Так как строится он только на пожертвования и доходы от туризма, стройка до сих пор не закончена, но по сию пору без отклонений следует проекту сумасшедшего или гениального Антони Гауди, который похоронен в склепе внутри храма. Мне показалось, что особая тревожащая красота храма именно в том, что его невозможно завершить. Сказать, что сегодня закончено строительство, все равно, что сказать: сегодня остановилось время.

На следующий день нас повезли в Мэриленд. И наша сдружившаяся компания единодушно решила: за державу нам больше не обидно. Обидно за себя, за то, что и наши дети на родных просторах наверно не увидят такого доброго чуда. И я не буду рассказывать своему младшенькому, как улыбается дельфин, танцуя на хвосте, и как ученый попугай, вернувшись из свободного полета, целует маленькую девочку. Я буду на одной капусте сидеть, я банк ограблю, но привезу его сюда, потому что только здесь он поймет без правочений, что все живое на земле — одной крови.

Третья экскурсия весьма беспокоила нашу экскурсоводшу — венгерку Юдит, потому что творчество Сальвадора Дали трудно воспринять без достаточной подготовки. Мы ее успокоили: русские почти 80 лет живут в условиях сюрреализма. И впрямь, никто из нашей группы не рванул из музея в кабатажное плавание по магазинам Фигейроса. Может быть, из уважения к дате: мы посетили дом Дали, средневековой замок, восстановленный им из руин после войны, как раз в день рождения его владельца.

Салют, Виктория.

Юдит, с которой мы подружились, огорченно посетовала:

— С русскими очень трудно работать. Одна дама вчера подошла ко мне и сказала: «Не пытайтесь нас объединить. Мы все русские, но мы все разные». И это так.

9 мая почти вся наша группа поехала в ресторан «Рыцарский замок». В автобусе кто-то сказал: «Поздравляю всех с Победой». «Ну-ну», — ответили из салона...

Замок был настоящим, построенным в XIV веке,

и ужин был подан на трибуны турнирной арены, где собралось тысячи три гостей. Пока скоморохи кувыркались в песке, король и королева приветствовали все народы, почтившие присутствием их пир и бой восьми конных рыцарей. Надо было слышать, как ревели трибуны в ответ на приветствие! Жиденькое русское «Ура!» незаметно рассосалось под готическими сводами.

И каждый решил, что будет веселиться сам по себе. Отдали должное и курице, и свиным ребрышкам, и ненормированному вину. Потом танцевали под отличный джаз и даже старались держаться общим кругом. А когда ансамбль фламенко начал выступление с «Кармен-сюиты» Щедрина-Бизе, все оказались за соседними столиками.

А дальше уже шло сверх программы. У крепостной стены пожилой москвич Юрий Михайлович вынул из-под полы пиджака уворованную с королевского пира бутылку вина и сказал: «Идите вы все к черту, а я сейчас выпью за Победу. Из горла». И выпил на глазах у изумленных европейцев. И к бутылке потянулись руки, и каждый, сделав глоток, кричал: «Салют, Победа!», а чтобы буржуям было понятнее, остальные хором подхватывали: «Виват, Виктория!»

В автобусе те, кто постарше, сели вместе и неожиданно ладно начали петь военные песни. Молодежь сначала помалкивала, потом начала подпевать. Кто-то сказал:

— Возьмите у шофера микрофон, мы все за вами подпоем.

И Юрий Михайлович попросил переводчицу Мартину дать ему микрофон.

Вдруг шофер затормозил, что-то закричал возмущенно. Мартина перевела: «Педро не только шофер, но и владелец автобуса. Он поклонник Франко и не позволит, чтобы коммунисты в его машине пели свои песни». Неожиданно эта тирада всех развеселила, и петь стали все, перебивая слова, не вовремя вступая, так, как поют в русском застольи, когда душа молчать не может.

Понятно, что по номерам мы разойтись не смогли. Но в бар нас не пустили, дескать, закрыто, хотя накануне немцы всю ночь орали, начиная маршем коричневых бригад и кончая нашей «Катюшей». Попросили нас и из внутреннего патио. Но не тот был день, чтобы уступать. И мы сели, кто у столиков, кто прямо на пол у входа в отель. Принесли водку, конфеты, фрукты. Пели, говорили тосты, читали стихи.

Ретивому администратору посоветовали идти, и он понял без перевода. А мы произносили неуклюжие, но искренние тосты и стоя пили за павших, за недоживших, за живых, за далекую Родину, потому что мы — разные, но мы — русские.

ВАЛЕРИЯ КЛЕБАНОВА

ОКНО В МИР

туры и искусства св. Антония Римлянина. И не только побывать, но и занять там ведущее место. Хор вернулся с фестиваля лауреатом первой премии, и этим еще раз подтвердил высоту хоровой духовной культуры Новгорода. Нашей радостью и нашими впечатлениями мы хотим поделиться и с вами, дорогие читатели!

ФЕСТИВАЛЬ ЦЕРКОВНОЙ МУЗЫКИ в Хайновке ежегодный. Он проходит с 1982 года, и в этом году он был уже четырнадцатым.

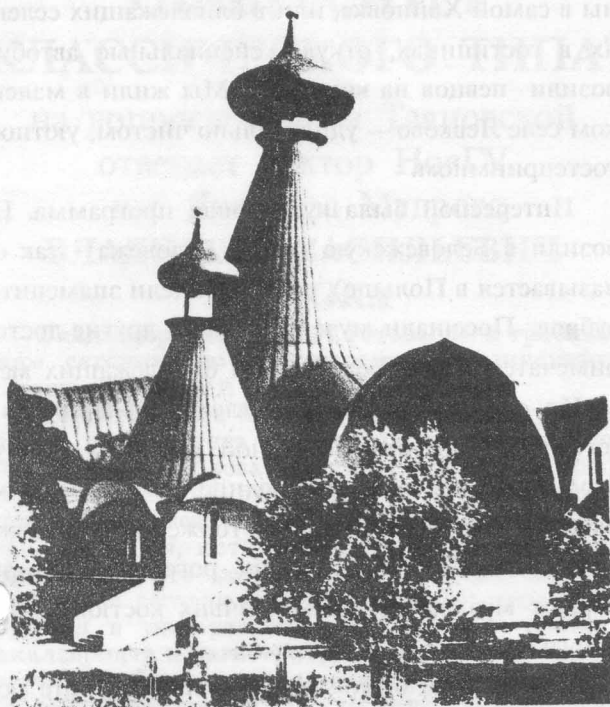
Это фестиваль на европейском уровне, на одной высоте с такими музыкальными фестивалями как «Варшавская осень», Шопеновский конкурс. Попадают на фестиваль лучшие коллективы, которые проходят предварительный отбор. Мы также, прежде чем поехать, посылали в бюро фестиваля информацию о хоре, фотографии, видеокассету с записью хора. И получили приглашение. Впоследствии узнали, что некоторые хоры ждут приглашения для участия в фестивале по 3-4 года.

Этот фестиваль не задуман в столице или каком-либо крупном городе, а состоялся в провинции, в маленьком городке на краю Польши, на западной кромке Беловежской пущи. Городок Хайновка - граница культур, место пересечения языков, исповеданий, обычаев. Здесь соседствуют поляки, белорусы, евреи, русские, украинцы, прибалты. Этот фестиваль учит венци важнейшей: терпимости, открытости, принятия прав и свобод, учит уважению инакости.

Раньше на фестивале звучали, в основном, песнопения XIX века, теперь круг песнопений расширился в историческом плане. Пример тому - выступление в этом году греческого хора из Филадельфии со старой балканской музыкой.

Устроители фестиваля считают, что он может сыграть культуруотверждающую роль, заставляя хоры добывать из мрака веков забытую церковную музыку.

В этом году на фестиваль приехали 34 хора из 13-ти стран мира - из Греции, Чехословакии, Болгарии, Сербии, Украины, Белоруссии, Грузии, стран Прибалтики, Уганды, Румынии. Россию представлял наш хор и хоры из Москвы, Санкт-Петербурга. Больше всего хоров представила, конечно, Польша.

MIĘDZYNARODOWY FESTIWAL MUZYKI CERKIEWNEJ

А ВТОБУС ДОЛГО ЕХАЛ по пустынной починной дороге через темные спящие селения. Все было таинственно и прекрасно, и неизвестность волновала сердце. Над нами — черное ночное небо, а по обеим сторонам дороги светились дорожные знаки-столбики. Наконец, мы выехали в лес под сень огромных черных деревьев. То, что происходило дальше, очень напомнило мне древнюю арабскую песнь-сказку:

«За рекою быстрою

Леса стоят дремучие,

Огни горят великие,

Вокруг огней скамьи стоят,

Скамьи стоят дубовые,

На тех скамьях добры молодцы,

Добры молодцы, красны девицы

Поют песни колядушки...»

Что это? Из какой мглы веков явилось в нашу жизнь? Но нет, мы попали не в языческое святилище, а на починной польский праздник в лесу, который называется «огниско», а по-русски «огнище». Впрочем, обо всем по порядку.

«Огнище» - это одна из страниц культурной программы Международного фестиваля церковной музыки в Хайновке (Польша), на котором в мае этого года посчастливилось побывать женскому хору Новгородского Общества христианской куль-

ХОРЫ ОЦЕНИВАЛИСЬ по двум категориям: церковные и светские. В обеих категориях присутствовали хоры любительские и профессиональные. Мы - в категории церковных хоров - получили первую премию.

Оценивало хоры очень серьезное жюри под председательством композитора-аранжировщика из музыкальной Академии им. Фредерика Шопена в Варшаве Ромуальда Твардовского.

Среди членов жюри были профессор из Англии, дирижер из Софии, музыковед из Варшавы.

Организаторами Международного фестиваля церковной музыки в Хайновке вместе с польской православной Церковью является Министерство культуры и искусства Польши, администрация города Хайновка, Хайновский Дом культуры. ДК в Хайновке стал своего рода штаб-квартирой фестиваля, там же проводился и первый гала-концерт. Конкурсные выступления хоров проходили в соборе св. Троицы Хайновки. Это очень красивый православный храм в стиле модерн, который строили 9 лет (с 1973 по 1982 год). В отделке храма использованы все известные техники христианского монументального искусства: мозаика, витраж, фреска, икона. Очень впечатляет главный иконостас из керамики и центральное паникадило в форме большого креста из прозрачного стекла. В храме два этажа, здесь могут уместиться 5 тысяч человек.

Конкурсные концерты проходили всегда в переполненном храме. На этот грандиозный хоровой праздник съехались люди со всей Польши (в Польше называют эту хоровую неделю второй Пасхой). Динамики были на улице, и пение хоров раздавалось далеко вокруг. Все концерты транслировались по радио и телевидению на всю страну. Заключительный гала-концерт проходил в филармонии в Белостоке. Кроме конкурсных и гала-концертов, каждый хор имел еще 4-5 выступлений в действующих православных храмах близлежащих городов и селений.

Храмы поразили нас своей красотой и непохожестью один на другой. Их отличие от наших русских православных церквей в том, что они почти все новые, недавно построенные, очень красивые - и в стиле модерн, и в традиционном православном стиле. На наших концертах всегда присутствовали и католики.

ПОРАЖАЕТ УРОВЕНЬ ОРГАНИЗАЦИИ фестиваля. Все хоры были встречены и размещены в самой Хайновке, или в близлежащих селениях в гостиницах, откуда специальные автобусы возили певцов на концерты. Мы жили в маленьком селе Левково - удивительно чистом, уютном, гостеприимном.

Интересной была культурная программа. Нас возили в Беловежскую пущу (Беловежа - так она называется в Польше), где мы видели знаменитых зубров. Посещали музеи, храмы и другие достопримечательности Белостока и близлежащих мест.

Но самое сильное впечатление подарило нам «огнище» - тот самый почной праздник в лесу с огромным костром посередине, с которого мы начали наш рассказ. Костер торжественно возжигают под звуки охотничьих рогов, на которых играют музыканты в охотничьих костюмах прошлого века.

Освещенные огоньками свечей в черноте почного леса, вокруг костра, под навесами, стоят дубовые столы и лавки. Там же - большая бочка пива, которая почему-то никак не иссякает, не смотря на бесконечную очередь к ней. Все пьют пиво и жарят на костре колбаски, панизанные на деревянные пики, и поют, и пляшут вокруг костра под звездами всю ночь. Все хоры по очереди поют песни своих народов, а греки неустанно танцуют у костра свой танец «сиртаки» даже под нашу «Степь да степь кругом». Зрелище незабываемое!

На этом фестивале, на этом празднике музыки и радости, мы напили много друзей, получили немало приглашений. Так не хотелось, чтобы праздник кончился!

«Фестиваль - это окно в мир», - сказал нам поляк, который каждый год приезжает в Хайновку, чтобы послушать пение хоров.

А поляк-католик признался: «До этого мы почти ничего не знали о православном мире, но, побывав на фестивале, поразились многокрасочности, яркости и разнообразию православной культуры».

Мы были очень счастливы: в этом многоцветье мелькнула неповторимой гранью и культура нашей родной земли.

ИННА КУЗНЕЦОВА,

Общество христианской культуры и искусства св. Антония Римлянина

Все для заказчика

Акционерное общество «Типография «Новгород» активно вступает в рынок, содействуя успеху своих заказчиков.

Для Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого важнее всего раскрыть свои возможности, найти нужных людей, которые бы увлекались новыми идеями, превратив их в конкретные дела. Университет — это кадры завтрашнего дня. И наше акционерное общество по-своему содействует их воспитанию. Многие годы печатаем университетскую многотиражку, а в нынешнем — и альманах «Чело», учебные и методические пособия, научные труды. Высокую оценку у авторов и читателей получил издающийся на нашей полиграфической базе университетский журнал «Вестник». Когда потребовалось, за считанные дни напечатали справочник для поступающих в университет.

Более оперативная и качественная наша работа явилась результатом активного вхождения самой типографии в рыночные отношения, личной ответственности полиграфистов за развитие своего производства в соответствии с запросами дня. Внедряются новые технологии, такие как бесшвейное скрепление книг на машине «Мини-биндер». И на ней теперь изготавливается высококачественная книжная продукция типа университетского журнала. Здесь практически нет предела в объеме книги в мягкой обложке. Неизменно прочное скрепление. Корешок книги не рвется, не рассыпаются листы. Многокрасочная офсетная печать, которой широко пользуется типография, позволяет оформить на современном уровне обложку издания, дать цветные иллюстрации. Наши возможности уже широко используют Новгородский музей-заповедник, промышленные и коммерческие предприятия.

Это лишь один пример реагирования полиграфистов на потребности рынка, обоюдно выгодного для заказчика и производителя. Подобных практических интересных начинаний, востребованных жизнью и заботой о своем экономическом положении в настоящее время и на будущее, немало.

Постоянно улучшая качество традиционных услуг по выпуску газет, бланков, изготовлению печатей и т. д., типография приобрела и освоила машины по размотке и резке бумаги на рулончики для любых кассовых аппаратов и принтеров, копирования оригиналов увеличенного формата. Изготавливаем металлические печати, вставки в пломбы, покрываем пленкой визитные и представительские карточки, другие документы. Увеличили продажу собственной продукции — бланков, тетрадей с новгородской тематикой в оформлении, форматной, в том числе и чертежной бумаги. При типографии открыт магазин «Деловой мир». Расположенный на бойком месте по проспекту К. Маркса, по современному оформленному снаружи, богатый ассортиментом, в том числе — и канцелярскими товарами, он полюбился покупателям.

Подготовили и рассылаем настоящим и будущим заказчикам буклет о своем предприятии, «Анкеты заказчика» для изучения спроса и предложений. Это позволяет принимать необходимые меры по организации полиграфического производства.

Раскрывая работу акционерного общества, меньше всего приходится говорить о каком-то экономическом подъеме и тем более о соответствии наших полиграфических возможностей возросшим запросам заказчиков на высококачественную продукцию. Общий спад производства в городе и стране не обходит стороной типографию. Любое, не на полную мощность работающее предприятие, — это снижение и нашего ритма. Однако можно сказать и другое: самостоятельность (в течение двух лет коллектив был арендатором, и последние два года является акционерным обществом) заставляет всех нас работать более творчески, перспективно, четко просчитывая экономический эффект, постоянно учиться новым рыночным отношениям. Принимаемые меры позволяют поддерживать платежеспособность предприятия, с некоторым оптимизмом заглядывать в завтрашний день. Но проблем у нас становится все больше, и они все масштабнее.

Первая и главная забота — техническое перевооружение предприятия. А это — полный переход на офсетный способ печати, в том числе и газет, выпуск высокохудожественной рекламной и краеведческой продукции, книг в твердой современной обложке. Нужны большие инвестиции, а источника — «золотой жилы» — пока не нашли. Кредит банка с его большими процентами неподъемен. Администрация области считает: раз уж стали самостоятельными — выплывайте как хотите. А ведь без полиграфии (газет — в первую очередь) ни одна власть обходиться не может.

Но цели нужно достигать. Видимо, это будет значительно более длительный и менее эффективный путь собственного накопления. Не теряем надежду на появление вдумчивого, дальновидного, с широким кругозором, инвестора. Им мог бы стать, к примеру, Новгородский университет, которому, конечно, нужны самые разнообразные издания. Но есть ли возможность и необходимость все делать на своей базе? Думаю, более целесообразно и экономически выгодно вложить часть средств под будущую печатную продукцию в уже действующую крупную типографию, подобную нашей. Отдача от вложенной была бы значительно быстрее и эффективней.

В любом случае, помимо материальных ресурсов, техническое перевооружение производства (а оно необходимо не только новгородской, но и почти всей российской полиграфии) уже сегодня требует высококвалифицированных кадров для типографий. Это — инженеры-полиграфисты, технологи, экономисты; это — печатники, монтажисты, компьютерщики, знания которых не ниже инженерных. И здесь наш Новгородский университет, который быстро реагирует на запросы товаропроизводителей, может внести существенный вклад в подготовку полиграфических кадров, занять в общем-то пустующую сегодня на российском полиграфическом рынке нишу. Существовавшие ранее полиграфические профучилища развалились, потому что ни их база, ни уровень подготовки не дают полиграфистов нужного профиля и квалификации. Не может удовлетворить и повсеместно действующая практика подготовки полиграфистов на рабочих местах, поскольку учителя-практики сами не владеют в совершенстве современным оборудованием. Выход один — учить по-современному, профессионально. Это под силу, к примеру, в нашем городе только научным подразделениям университета, который уже взялся за подготовку журналистов. Типография могла бы направлять в университет своих студентов и платить за них.

Недавно я познакомился с подготовкой полиграфических кадров в Швеции, побывал в школе графики города Уппсала. В этой школе — шестьсот студентов. Готовят здесь квалифицированных печатников, журналистов и операторов для телевидения, обучают рекламной деятельности. Студенты выпускают свой журнал, ведут телепередачи, выполняют заказы по рекламе. Подобная школа — единственная в Швеции, она подсказана жизнью. Нам, видимо, следует идти по такому же пути.

Наша полиграфическая деятельность тысячами нитей связана с жизнью города, любого предприятия, общественной организации. В этом ее устойчивость и высокая ответственность. Думая о своем развитии, типография невольно оказывает влияние на жизнь города и области. Примеров достаточно. Стали больше выпускать книг местных авторов — и пополнилась областная писательская организация; наладили выпуск красочных этикеток различной формы, цветных рекламных буклетов — и не нужно заказчикам в поисках исполнителя ездить за пределы области. Подобное можно сказать и о других сторонах работы. Наши акционеры понимают свою роль и стараются трудиться с максимальной отдачей для типографии и всего города. Отрадно, что находим взаимопонимание у заказчика, который поддерживает нас прежде всего тем, что снова и снова доверяет нам свои заботы. И мы стараемся с ними справиться быстро и качественно.

Наша политика четка и однозначна — установление и поддержание дружественных отношений с общественностью. А значит — все для заказчика, для удовлетворения его запросов и требований. Это диктует рынок, по законам которого все мы учимся жить и работать.

НИКОЛАЙ ЕВЛАМПИЕВ,
Генеральный директор
АО «Типография «Новгород»

ЧЕЛО

**Учредитель: НОВГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯРОСЛАВА МУДРОГО**

Главный редактор - Тамара СИГАЛОВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

**Вера БОГДАНОВА, Марина БУРБЯК, Петр ГАЙДУКОВ,
Владимир ГОРМИН, Сергей ИСАЕВ, Инна КУЗНЕЦОВА, Игорь ТАЯНОВСКИЙ,
Лариса ПРОХОРОВА, Эдуард РАНЕНКО, Владимир ПОВЕТКИН,
Валентин ЯНИН**

Ирина АЛЕКСАНДРОВА - ответственный секретарь

Ольга СЕИНА - художественный редактор

Ирина ТАЯНОВСКАЯ - ведущий редактор номера

Графика Владимира ПОВЕТКИНА

Адрес редакции: 173007, г. Новгород, ул. Льва Толстого (Чудинцева улица), д. 6/64, тел.: 7-57-84.

Альманах зарегистрирован в Комитете РФ по печати. Рег. номер 013934.

Печать офсетная. Верстка компьютерная. Тираж 1000 экз.

Формат бумаги 60х84 1/8. Объем 9 усл. печ. л. Заказ 2552.

Сдано в набор 7 июня 1995 г. Подписано к печати 13 июля 1995 г.

Отпечатано в АО «Типография «Новгород».

173001, г. Новгород, пр. К. Маркса, 4.